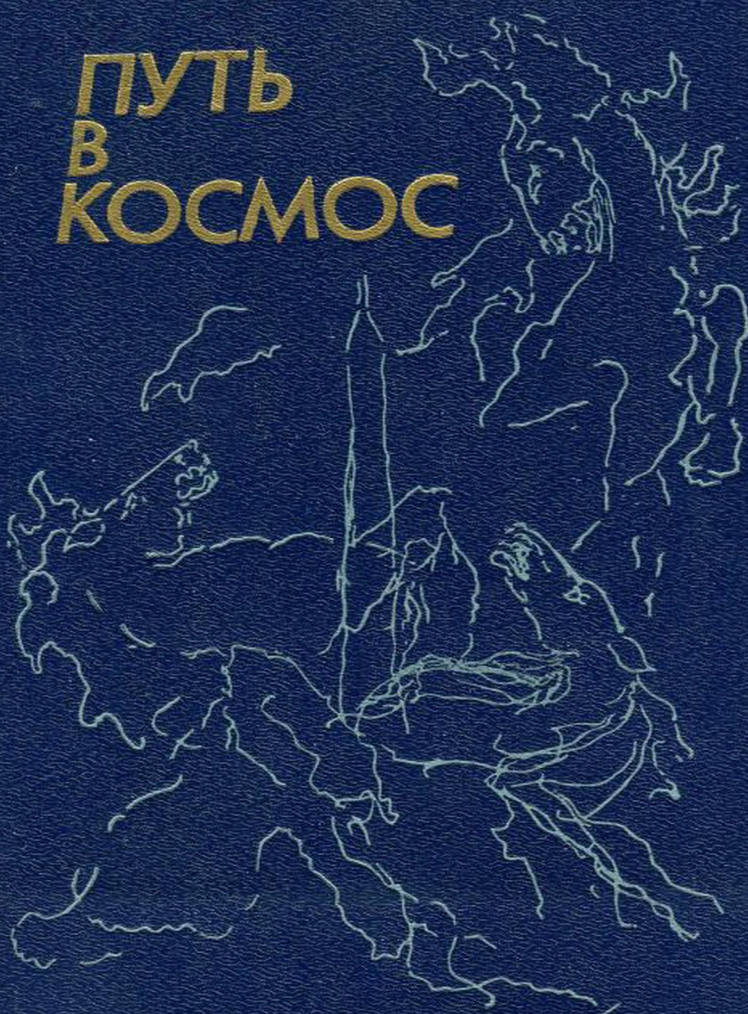
ПУТЬ В КОСМОС



Путь в космос

Андрей Иванович Жиров, Константин Васильевич Скворцов, Александр Петрович Романов, Геннадий Александрович Семенихин, Юрий Владимирович Малашев, Виталий Георгиевич Губарев, Сергей Владимирович Михалков

Аннотация
Путь в космос
А. Жиров. ПЕРВЫЙ. Драматический сказ в двух частях
  ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    РУССКИЙ ИКАР
    ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ДО БРАТЬЕВ РАЙТ
    ГОРЕ И ГЕНИЙ
  ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    ПОДОБНО ПТИЦЕ
    ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ
    СЫН ЗЕМЛИ
К. Скворцов. КИБАЛЬЧИЧ. Драма в трех актах
  АКТ ПЕРВЫЙ

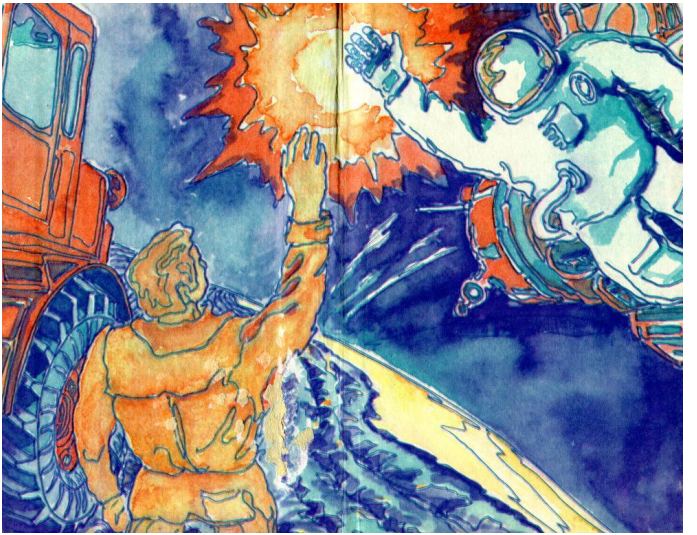
АКТ ВТОРОЙ
АКТ ТРЕТИЙ
А. Романов. Я — «ЗАРЯ-ОДИН». Документально-художественный репортаж в четырех страницах
СТРАНИЦА ПЕРВАЯ. 12 апреля 1961 года. ПРЕКРАСНОЕ МГНОВЕНЬЕ
СТРАНИЦА ВТОРАЯ. Март 1959 года. ДУМАТЬ О БУДУЩЕМ
СТРАНИЦА ТРЕТЬЯ. Сентябрь — октябрь 1959 года. ЕСТЬ НАШ ВАРИАНТ!
СТРАНИЦА ЧЕТВЕРТАЯ. Январь 1960 года. ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ — К ЗВЕЗДАМ!
СТРАНИЦА ПЕРВАЯ. (продолжение). 12 апреля 1961 года. ПРЕКРАСНОЕ МГНОВЕНЬЕ
Г. Семенихин, Ю. Малашев. ДЕРЗКИЕ ЗЕМЛЯНЕ. Драматическая повесть в двух частях
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
В. Губарев. ОСОБЫЙ ПОЛЕТ. Пьеса в двух действиях
ПРОЛОГ
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
С. Михалков. «ПЕРВАЯ ТРОЙКА», ИЛИ ГОД 2001. Героическая феерия в двух частях, семи картинах, с двумя интермедиями

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Аннотация

В сборник включены пьесы о зарождении космонавтики, об ученых и практиках современного воздухоплавания, о богатом и сложном духовном мире космонавтов, о тех, кто окружает их на земле: «Первый» А. Жирова, «Кибальчич» К. Скворцова, «Я — «Заря-один» А. Романова и другие.

Путь в космос



ПУТЬ В КОСМОС

ПЬЕСЫ

А. Жиров
ПЕРВЫЙ
Драматический сказ в двух частях

Проложившим человечеству дорогу в космос посвящается

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

И в а н.
М а р ь я.
С ы с о й.
С е р г е й П а в л о в и ч.
Н и к о л а й П е т р о в и ч.
С т е п а н.
Е р о ф е е в н а.
Л у п а т о в.
Г о с т ь.

Действие происходит в России в XVIII, XIX, XX веках.

Действующие лица собирательные. Исполнителям ролей предлагается провести одну смысловую линию через несколько характеров.

В пьесе использованы стихи В. Брюсова и Л. Мартынова.

> Единственное, что может отменить войну навсегда, это изменение человеческой психики. У тех, кто, взлетев над землей, увидит ее во всей красоте и хрупкости, психология будет меняться. Сначала это будут единицы, потом сотни, потом миллионы. Это будет совсем другая цивилизация. Другое человечество. Они совсем по-новому оценят красоту земли. Вкус каждой ее ягоды…
>
> ***К. Э. Циолковский***

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Х о р

Дедал

Мой сын! Мой сын! Будь осторожен,
Спокойней крылья напрягай,
Под ветром путь наш ненадежен,
Сырых туманов избегай.

Икар

Отец! Ты дал душе свободу.
Ты узы тела разрешил.
Что ж медлим? Выше! К небосводу!
До вечной области светил!

Дедал

Мой сын! Мы вырвались из плена,
Но пристань наша далека:
Под нами — гривистая пена,
Над нами реют облака…

Икар

Отец! Что облака! Что море!
Удел наш — воля мощных птиц:
Взлетать на радостном просторе,
Метаться в далях без границ!

Дедал

Мой сын! Лети за мною следом
И верь в мой зрелый, зоркий ум.
Мне одному над морем ведом
Воздушный путь до белых Кум.

Икар

Отец! К чему теперь дороги!
Спеши насытить счастьем грудь!
Вторично не позволят боги
До сфер небесных досягнуть!

Дедал

Мой сын! Не я ль убор пернатый
Сам прикрепил к плечам твоим!
Взлетим мы дважды, и трикраты,
И сколько раз ни захотим!

Икар

Отец! Сдержать порыв нет силы!
Я опьянел! Я глух! Я слеп!
Взлетаю ввысь, как в глубь могилы,
Бросаюсь к солнцу, как в Эреб!

Дедал

Мой сын! Мой сын! Лети срединой,
Меж первым небом и землей…
Но он — над стаей журавлиной,
Но он — в пучине золотой!

———

О юноша! Презрев земное,
К орбите солнца взнесся ты,
Но крылья растопились в зное,
И в море, вечно голубое,
Безумец рухнул с высоты.

РУССКИЙ ИКАР

Темно. Появляется титр «Рязань». Затем другой — «1731». Титры исчезают. Слева все различимее отсвет костра. Возле него два человека. Это И в а н и С ы с о й. Они возятся, налаживая

что-то.

И в а н. Подбрось еще, Сысой.

С ы с о й *(бросая в костер топливо).* И то, подбросил. А дух какой тяжелый!

И в а н. Вот славно!

С ы с о й. Чего ж хорошего? Такая вонь.

И в а н *(весело).* Изрядно, брат! Чем больше будет гари, тем выше в небо улечу!

Постепенно светает. Различаются контуры палисадника перед церковью. К вековой березе привязан канат. Он сильно натянут. Видна тень воздушного шара и петля для воздухоплавателя.

Под утро-то свежо.

С ы с о й. Да ты к костру поближе встань.

И в а н *(бегает, чтобы разогреться).* Да ну его, костер! Потом хужей озябнешь. Ты побегай, оно надежней. Быстрее б в небеса, чай, там теплей!

С ы с о й. Ну да, теплее, как же! Там копится роса. *(Снимает кафтан.)* Держи, замерзнешь!

И в а н. Да ну его! Как шар, растет?

С ы с о й *(подкидывая топливо).* Растет. Становится похож на самовар. Уж лучше б лопнул он.

И в а н. Типун тебе!

С ы с о й. А впрочем, нет. Пущай себе, а то, коль лопнет, мы, пожалуй, задохнемся. Ох, Ваня, Ваня!

И в а н. Опять завел заупокойну песню?

С ы с о й. Эх, милый! За упокой молюсь я сорок лет.

И в а н. По чьей душе? Ты что, совсем рехнулся?

С ы с о й. Друг Федька… Оторва был, наврядь тебя…

И в а н. Что ж он удумал?

С ы с о й. Крылья смастерил, на колокольню влез…

И в а н. И прыгнул?!

С ы с о й. Прыгнул! А почитай, сбежалась вся Рязань…

И в а н. Что, камнем?

С ы с о й. Нет, будто воспарил сперва, будто полетел, потом уж — камнем!..

И в а н. Счастливый!

С ы с о й. Как не так! Доселе слышу глухой удар.

И в а н. Но, баешь, воспарил? Не зря, стал быть, отдал он богу душу. То было при Петре?

С ы с о й. При нем, Великом. Тогда-то и ушел я в звонари, замаливать его грехи пред богом. Уж сорок лет на колокольне этой… Все думаю: а сам бы я решился?..

И в а н. Чего ж молчал?

С ы с о й. Боялся, штуку эту *(показывает на шар)* не станешь ладить.

И в а н. Ну как не так! Что шар? *(Подходит к шару.)* Надулся он?

С ы с о й. Готов.

И в а н *(примеряется к петле, дает Сысою топор).* Слышь, друг Сысой, как сяду прочно я, руби канат. Скорей, а то рассвет не за горами…

Г о л о с М а р ь и. Ваня! Ваня! Ваня!

И в а н. Она! Прочуяла!

С ы с о й. Чутье у ней!

Вбегает М а р ь я почти без сил.

М а р ь я. Успела все же! Ох, Иван! Иван!

И в а н. Как ты узнала?

М а р ь я. Сердце не глухое! Убивец ты!

И в а н. Ну вот!

С ы с о й. Поговорите, я покараулю. Отойду! *(Отходит.)*

М а р ь я. Гляди в лицо мне!

И в а н. Ну гляжу, и что?

М а р ь я. А то, бесстыжие твои глаза, что за мечтой о небе на земле любовь ты проглядел!

И в а н. Любовь?

М а р ь я. Любовь!

И в а н. Ты — дочка воеводы, я — подьячий. Все

этим сказано.

М а р ь я. Вправду говорят, что всяк Иван — дурак!

И в а н *(кланяется ей в пояс).* Тако спасибо на добром слове!

С ы с о й *(в сторону).* Милые бранятся, что тешатся. Да только время ль?

И в а н. Время изведать мне: я человек аль червь?

М а р ь я. Ты человек, не птица! Ваня! Ваня! Погубишь голову свою и душу, а заодно меня.

И в а н. Ты вправду, что ль?

М а р ь я. Нет, я шутить бежала!

И в а н. Марья! Марья! Не разбивай мне сердце, прошу тебя!

М а р ь я. Сжалься, Ваня! Погибнешь — мне не жить! Бежим в Москву, вот золото, и много! Повисну на тебе! Не отпущу!

И в а н. Нет, Маша, нет. Мечтал об этом долго. Не отступлюсь! Жить дальше не смогу!

М а р ь я. Иван! *(Бросается к нему.)*

И в а н. Сысой, возьми ее.

Сысой с трудом оттаскивает Марью от Ивана. Иван усаживается в петлю.

М а р ь я. Ванюша!

И в а н. Руби канат!

Сысой рубит канат. Освобожденный шар медленно поднимается, унося Ивана.

Не поминайте лихо-ом!

С ы с о й. Летит!

М а р ь я. Летит!

С ы с о й. Ох, гляньте, он летит!

Вбегает Л у п а т о в.

Л у п а т о в. Вот ты где! К кому бежала, говори?!

М а р ь я *(не отрывая глаз от шара).* Прости!

Л у п а т о в. Куда глядишь-то? Аль свихнулась? Ворон считать?

С ы с о й. Летит, летит, летит!

Л у п а т о в *(взглядывает вверх).* Свят, свят! Нечиста сила! *(Падает на колени.)* Боже правый, в чем грешны мы? *(Приглядевшись.)* Так то подьячий! Схватить его!..

С ы с о й. Теперь не схватишь — руки коротки!

М а р ь я. О боже, помоги ему!

С ы с о й. Уж выше березы он!

Л у п а т о в. Ну погоди, холоп! Коль голову себе не сломишь сам, на площади отрубим. *(Марье.)* Ты ж будь готова под венец…

М а р ь я. Скорее в петлю…

Л у п а т о в. Вероотступники! Гореть в аду вам! Теперь, звонарь, ты за двоих ответишь!

С ы с о й. Мне ничего не страшно, воевода. На склоне лет сподобился увидеть, как человек, что птица, полетел!

М а р ь я. Переменился ветер!

С ы с о й. Ох, на колокольню прямехонько несет его!..

М а р ь я. Убьется!

С ы с о й. Аль мимо пролетит?!

М а р ь я. Глядеть не можно! *(Закрывает лицо руками.)*

Х о р

Я — сын земли, дитя планеты малой,
Затерянной в пространстве мировом,
Под бременем веков давно усталой,
Мечтающей бесплодно о ином.

Я — сын земли, где дни и годы — кратки,
Где сладостна зеленая весна,
Где тягостны безумных душ загадки,
Где сны любви баюкает луна.

От протоплазмы до ихтиозавров,
От дикаря, с оружьем из кремня,
До гордых храмов, дремлющих меж лавров,
От первого пророка до меня, —

Мы были узники на шаре скромном,
И сколько раз, в бессчетной смене лет,
Упорный взор земли в просторе темном
Следил с тоской движения планет!

К тем сестрам нашей населенной суши,
К тем дочерям единого отца
Как много раз взносились наши души,
Мечты поэта, думы мудреца!

ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ДО БРАТЬЕВ РАЙТ

Один за другим освещаются титры «Санкт-Петербург» и «1881». Скромно обставленный кабинет. В центре на постаменте большая модель летательного аппарата. Вокруг беспорядок. Е р о ф е е в н а в спешке производит уборку, гово-

ря сама с собой.

Е р о ф е е в н а. Только и прибрать чуть-чуть. Вот только и поспеть, пока дома нет. А то ведь в пыли задохнется голубчик мой. Ох, напасть! Вещички все на месте, как лежали. *(Вытирает пыль вокруг модели.)* А уж паче эту штуку. Эта ему дороже жизни. Не дай бог что поломать. Пылищи-то! *(Неловко задевает тряпкой, рассыпает на пол какие-то металлические предметы.)* Ой, беда, беда!

Быстро входит И в а н со шляпой в руках.

И в а н. Нянюшка!

Е р о ф е е в н а. Батюшка! *(Садится в страхе на пол.)*

И в а н. Опять в небо захотела?

Е р о ф е е в н а. Аль не видишь, на земле я, на земле, батюшка, с твоими-то грехами!

И в а н. Мои грехи тебе не бремя. *(Швыряет шляпу в угол, подходит к Ерофеевне и помогает ей подняться.)* Сколько раз толковал тебе: не надо ничего в моем кабинете трогать!

Е р о ф е е в н а. Так ведь ты же одичал здесь, как в берлоге…

И в а н. И хорошо!

Е р о ф е е в н а. Уж куды хорошо. Я подберу…

И в а н. Не надо, нянюшка, не надо. *(Бережно собирает детали.)*

Е р о ф е е в н а *(с испугом смотрит на модель).* Неужто и впрямь на ладье этой по воздуху летать собрался?

И в а н. Под самые облака, нянюшка, под самые облака вознесусь.

Е р о ф е е в н а *(крестится).* Ох, грех какой! Да нешто человеческое это дело? Ангел ты, что ли, небесный?

И в а н *(хлопочет над моделью, возобновляя работу).* Ангел не ангел, а воспарю как орел. А вы с Машенькой снизу глядеть будете да радоваться. Ступай, ступай.

Е р о ф е е в н а *(нахмурившись, идет к двери, но останавливается).* Иван Сергеевич, батюшка, глупая я старуха, а правду тебе скажу. Антихристово дело ты замыслил, и не приведет оно к добру. Скоро оголодаешь ты со своими крыльями. Уж и лавочник, вишь, отказал. «В долг — говорит, — больше не получите, не дам».

И в а н. Вот он антихрист и есть. *(Достает из ящика стола футляр.)* Держи.

Е р о ф е е в н а. А чего это, милай?

И в а н. Заложи у ростовщика, да только Марье не сказывай.

Е р о ф е е в н а *(пытается открыть футляр).* Да что там?

И в а н. Серьги матушкины с бриллиантами. Последнее, что осталось. Ступай.

Е р о ф е е в н а. Ох, горемычный! И что за хворь такая налетела! Будто в малолетство впал. Уж как хорошо-то жили! *(Уходит, бережно неся футляр, другой рукой прихватив ведро.)*

И в а н *(вдруг исступленно).* Я верю, потому я прав! Прав тот, кто верит!

Е р о ф е е в н а возвращается.

Е р о ф е е в н а. Там посетитель к тебе.

И в а н. Кто же?

Е р о ф е е в н а. Не назвался. Приятель, говорит, давнишний.

И в а н. Странно. Кто бы это?

Ерофеевна выходит. Появляется С е р г е й П а в л о в и ч.

Сергей Палыч! Ба! Вот уж не чаял!..

С е р г е й П а в л о в и ч. Здравствуй, дружище!

Обнимаются.

Забрался же ты! *(Оглядывает комнату.)* Не больно шикарно.

И в а н. Это неважно. А важно вот что! *(Подводит его к модели.)*

С е р г е й П а в л о в и ч. А-а, так это и есть твоя игрушка?

И в а н. Игрушка?

С е р г е й П а в л о в и ч. Зашел в Адмиралтейство, адрес дали, да плохо, говорят, с капитаном первого ранга. Я испугался, не натворил ли чего. А они говорят: в детство, мол, впал. Ушел со службы, в игрушки играет.

И в а н. И эти тоже… Не впал я в детство, Сергей. Голова у тебя светлая, сам посмотри, свихнулся твой друг или нет.

С е р г е й П а в л о в и ч *(рассматривая модель).* Что за диковина?

И в а н. Великое дело, брат. Скоро эти крылья вознесут друга твоего к облакам.

С е р г е й П а в л о в и ч. Не может быть!

И в а н. Может, Сереженька, очень даже может!

С е р г е й П а в л о в и ч. Слушай, а ты уверен…

И в а н. В чем, дружище?

С е р г е й П а в л о в и ч. Что ты… в здравом уме?

И в а н *(смеется).* А ты не уверен? Погляди на меня. Похож я на сумасшедшего?

С е р г е й П а в л о в и ч. Чудеса!

И в а н. Чудо это, не пройдет и полвека, станет таким же привычным, как нынче пароход или паровоз.

С е р г е й П а в л о в и ч. То-то, когда в Японию ходили, ты все на чаек смотрел. Вот оно куда тебя привело! Выходит, ты первый из безумцев?

И в а н. Нет, не первый, Сережа, совсем не первый. Порылся я в манускриптах. *(Берет со стола тетрадь.)* Вот тут, дружище, собрана по крупицам вся история воздухоплавания — и особливо наша, российская!

С е р г е й П а в л о в и ч. А разве таковая имеется?

И в а н. Да какая! Оказывается, еще в девятьсот шестом году Олег, киевский князь, применил атаку с воздуха.

С е р г е й П а в л о в и ч. Это как же?

И в а н. А так. Выпустил огромных воздушных змеев с фигурами всадников из позолоченного пергамента. Когда в небе показались полчища вооруженных людей, враги в страхе открыли ворота.

С е р г е й П а в л о в и ч. Невероятно!

И в а н. А послушай это. *(Читает по тетради.)* «В шестнадцатом веке смерд Никита, боярского

сына холоп, пробовал летать вокруг Александровской слободы, но был обезглавлен, а крылья его сожжены».

С е р г е й П а в л о в и ч. Неужто такое было?

И в а н. Было. А вот скажи-ка, воздушный шар кто изобрел?

С е р г е й П а в л о в и ч. Братья Монгольфье.

И в а н. Ничего подобного. За полвека до них в Рязани. *(Читает.)* «Подьячий Крякутный сделал шар большой, налил дымом поганым и вонючим, и нечистая сила подняла его выше березы и после ударила о колокольню, но уцепился он за веревку, чем звонят, и тако остался жив. Его хотели закопать живым или сжечь, но он бежал в Москву…»

С е р г е й П а в л о в и ч. Да-а, Россия-матушка!

И в а н. «Россияне когда-нибудь пристыдят самые просвещенные народы успехами своими в науках, неутомимостью в трудах и величием твердой славы» — так говорил Петр Великий.

С е р г е й П а в л о в и ч *(с интересом изучает модель).* Да-а!..

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —

В Россию можно только верить.

Входит Ерофеевна.

Ерофеевна. Еще гость.

Иван. Кто?

Ерофеевна. От начальников. *(Шепотом.)* Если позовут опять служить, соглашайся, голубчик!

Иван. Проси.

Ерофеевна выходит.

Сергей Павлович. Позволь взглянуть на чертежи.

Входит Лупатов в форме морского офицера.

Лупатов. Здравия желаю!

Иван. Добрый день. *(Представляет.)* Господин Старков. Господин Лупатов.

Сергей Павлович и Лупатов раскланиваются.

Изволь, Сергей Павлович. *(Протягивает ему чертежи, в изучение которых тот немедленно погружается. Лупатову.)* Вы с заключением комиссии?

Лупатов. Так точно. *(Передает Ивану кон-*

верт с печатями.) Прошу-с.

И в а н *(разрывает конверт, читает).* Какая нелепость! Прочти, Сергей Павлович.

С е р г е й П а в л о в и ч *(берет бумагу, читает).* «Комиссия не находит ручательства в том, что опыты над летательным аппаратом могут привести к полезным результатам, доколе не будет устроен аппарат с подвижными крыльями… Испрашиваемая сумма настолько значительна, что комиссия не решается присоветовать ее ассигнование на опыты, не обещающие какого-либо полезного результата».

И в а н. Преступление! Преступление против отечества!

Л у п а т о в. Это вы сгоряча, господин капитан первого ранга. Будем считать, что я этого не слышал. А комиссия, я думаю, решила по справедливости. Можно ли разбазаривать государственную казну на сомнительные прожекты? Вот если бы вы и вправду дали своей машине подвижные крылья, как у итальянца Капрэтти…

И в а н. Глупость! Дремучая глупость!

Л у п а т о в. Где уж нам! Мы неучи! Судим, глупцы, по разумению человеческому. Но далеко ль ворона улетит, коли крыльями шевелить не будет? Приятных вам опытов, почтеннейший!

(Официально поклонившись, уходит.)

И в а н. Еще куражится!

С е р г е й П а в л о в и ч. Хороша комиссия!

И в а н. Нынешняя Россия — одна сплошная комиссия!

С е р г е й П а в л о в и ч. Ну, это ты хватил!..

И в а н. Да как же иначе, когда Менделеева, этого исполина земли, держат на задворках науки! Когда Жуковскому то и дело подрезают крылья! А Яблочков? А Ладыгин? Если бы не признание их работ за границей…

С е р г е й П а в л о в и ч. Ладно, брат, что рефлексии-то предаваться? Покажи лучше, как действует твой аппарат…

И в а н. К чему это?

С е р г е й П а в л о в и ч. Ну, хотя бы забавы ради.

И в а н. Разве что забавы… *(Подходит к модели.)* Да это на дворе надо. Нет, будет народ тешить!

С е р г е й П а в л о в и ч. А ты все-таки покажи. Инженер ведь я… *(Берет чертежи.)*

И в а н *(снимает модель с постамента).* Ну, смотри…

Незаметно входит Г о с т ь. Останавливается у двери, наблюдает.

С е р г е й П а в л о в и ч. Главное — растолкуй ты мне, как от земли-то оторвется? Такая махина!..

И в а н. Инерция, друг мой, сила инерции… Как, например, оторвался от земли твой покорный слуга.

С е р г е й П а в л о в и ч. Так то в мечтах.

И в а н. Какое в мечтах! Соорудил змей, привязал его к тройке, возница разогнал лошадей, и я воспарил над землей.

С е р г е й П а в л о в и ч. Ой ли? И много пролетел?

И в а н. Да саженей тридцать.

С е р г е й П а в л о в и ч. Чудеса!

И в а н. Вот и это мое устройство: вначале бежит по земле, потом медленно отрывается и…

С е р г е й П а в л о в и ч. Неужели такое когда-нибудь будет?

Г о с т ь. Будет.

Сергей Павлович и Иван с удивлением оглядываются.

И в а н. Вы кто, пророк?

Г о с т ь. Пророк.

И в а н. Ну что ж, господин пророк, вещайте дальше. Особенно если провидения ваши будут

приятны.

Г о с т ь. Весьма приятны, Иван Сергеевич.

И в а н. Любопытно. Вы что, и вправду все знаете?

Г о с т ь. Все. Могу, к примеру, прочесть на расстоянии вон ту бумагу.

И в а н. Ну, и что же в ней?

Г о с т ь. Отказ. *(Подходит к модели).* Преступный отказ.

И в а н. А пророки имеют фамилии?

Г о с т ь. Шнайдер. Вам следует запомнить это имя. В нем — ключ.

И в а н. Ключ? К чему же?

Г о с т ь. Наедине, только наедине, уважаемый Иван Сергеевич.

С е р г е й П а в л о в и ч. Ухожу, но знайте, господин Шнайдер, за безопасность моего друга вы отвечаете головой. *(Кланяется и уходит.)*

И в а н. Слушаю вас, сударь.

Г о с т ь *(не отрываясь от модели).* Разговор будет деловой. Я представитель крупной европейской фирмы.

И в а н. Чем могу быть полезен вашей фирме?

Г о с т ь. Прежде всего фирма может быть полезна вам. Очень полезна! Но для этого нужно решиться на самую малость — сменить место

жительства.

И в а н. Не понял.

Г о с т ь. Продолжить ваши опыты в Германии.

И в а н. Вот как! А вам от этого какая польза?

Г о с т ь. Немалая. Польза, которой не понимают ваши чиновники. Да, мировое открытие стоит денег. Мы их вкладываем. Рискуем, конечно. Но если риск оправдывается…

И в а н. Вам барыш…

Г о с т ь. А вам мировая слава, любезнейший!

И в а н. Скажите, а почему вы так чисто говорите по-русски?

Г о с т ь. Я русский.

И в а н. Русский?

Г о с т ь. Русский немец. У меня две родины.

И в а н. Две родины? Так не бывает.

Г о с т ь. Бывает. Мои предки поселились в России еще при Петре. Десятилетиями обучали ремеслам ваших людей. А у меня вот другое призвание.

И в а н. Это я уже понял. Коммерция.

Г о с т ь. Прогресс. Я бежал от российской косности. Бежал на землю своих предков. Ну так как, принимаете мое предложение?

И в а н. Двести лет жили в России, а главного так и не поняли.

Г о с т ь. Что вы имеете в виду?

И в а н. У русского человека отечество одно, господин Шнайдер. Оно не сюртук. Мы не меняем его по выгоде.

Г о с т ь. Предрассудок. Мировые открытия принадлежат человечеству. Имя вы можете себе оставить. Вам никто не предлагает его менять.

И в а н. Точно так же не сменю и земли, на которой родился и вырос. Вы деловой человек, господин Шнайдер, берегите свое время.

Г о с т ь. Ну что ж, до свидания. Напрасно вы со мной как с врагом. Ваши враги вокруг вас. Их много. Вся старая, скрипучая государственная машина. Но вы еще придете *(оставляет на столе визитку)* или напишете.

И в а н. Не приду и не напишу.

Г о с т ь. «Англичанин мудрец, чтоб в работе помочь, изобрел за машиной машину, а наш русский мужик…» *(Уходит.)*

И в а н *(провожает его взглядом, берет со стола визитку, рвет ее. В задумчивости ходит вокруг модели, берет бумагу, читает).* «…Испрашиваемая сумма настолько значительна…» Проклятье! *(Комкает бумагу, бросает ее на пол.)*

Входит М а р ь я в летнем наряде, в шляпке.

М а р ь я *(шутливо).* «Тут Иван с землей простился и на небе очутился».

И в а н. Что за шутки, Маша?

М а р ь я. Ты, конечно, будешь недоволен. Ты меня, конечно, осудишь, но я…

И в а н. Что случилось?

М а р ь я. Я поступила служить в гимназию.

И в а н. Что ты? Зачем это?

М а р ь я. Довольно, Ваня. Ты работаешь в поте лица, и я должна трудиться. Грех сидеть и вышивать на пяльцах, когда ты… Что с тобой, Ваня? *(Видит бумагу, поднимает ее, читает.)* Да неужели они…

Пауза.

Не переживай, Ваня, не все так плохо.

И в а н. Прекраснодушие, Маша, еще никого не спасало.

М а р ь я. Есть противоядие против них, Ваня: твердость. Делай свое дело, как делал его прежде.

И в а н *(не сразу).* Когда нам совсем плохо, на помощь приходит женщина. Спасибо тебе, Маша! Но жизнь коротка, вот беда. Впрочем, если я успею хоть немного из того, что задумал… завтра народится другой Иван. И он взлетит выше звезд!

Разве это буду не я?!

Х о р

И, сын земли, единый из бессчетных,
Я в бесконечное бросаю стих —
К тем существам, телесным иль бесплотным,
Что мыслят, что живут в мирах иных.

Не знаю, как мой зов достигнет цели,
Не знаю, кто привет мой донесет,
Но, если те любили и скорбели,
Но, если те мечтали в свой черед

И жадной мыслью погружались в тайны,
Следя лучи, горящие вдали, —
Они поймут мой голос неслучайный,
Мой страстный вздох, домчавшийся с земли!

Вы, властелины Марса иль Венеры,
Вы, духи света иль, быть может, тьмы, —

Вы, как и я, храните символ веры:
Завет о том, что будем вместе мы!

ГОРЕ И ГЕНИЙ

Возникают титры «Калуга», затем «1897». Освещается тесная гостиная. В ее обстановке чувствуется нужда. Ерофеевна моет пол. Входит Г о с т ь.

Г о с т ь. Позволите?

Е р о ф е е в н а. Не хозяйка я тут.

Г о с т ь. Стало быть, прислуга?

Е р о ф е е в н а. Прислугу рассчитали третьего дня. Соседка я.

Г о с т ь. Я присяду?

Е р о ф е е в н а. В ногах правды нет.

Г о с т ь *(оглядывая комнату).* Вот, значит, как живет изобретатель.

Е р о ф е е в н а. Так, значит, и живет. Концы с концами еле сводит.

Г о с т ь. Слышал я, великий он человек.

Е р о ф е е в н а. Как же, великий! А дети мрут.

Г о с т ь. Дети?

Е р о ф е е в н а. Намедни шестимесячного похоронили. Все про небо, про небо, а ребенка не

уберег…

Входит М а р ь я. Гость встает.

Г о с т ь. Прошу простить, вторгся без спросу.

М а р ь я. Вы к Ванечке? Посидите, он скоро должен быть. Ерофеевна, что это вы?!

Е р о ф е е в н а. А что? Я ничего.

М а р ь я. Своих забот вам мало?

Е р о ф е е в н а. Мало не мало, а сердце надрывается глядеть. Был бы порядочный, не довел бы жену-то…

М а р ь я *(твердо).* Спасибо вам, Ерофеевна, за заботу. Но впредь не надо. Ни работу за меня делать, ни мужа моего осуждать. Очень вас прошу.

Е р о ф е е в н а *(обидевшись).* Я что, я как лучше хотела. Я что, я не буду соваться, раз… Живите как знаете. *(Уходит.)*

М а р ь я. У мужа занятия в гимназии кончились. Скоро должен быть.

Г о с т ь. Не беспокойтесь, подожду.

М а р ь я. С ребятишками возится. Уж сорок лет, своих-то четверо, а все как маленький, право. Змеев каких-то запускают. Опыты у них…

Г о с т ь *(растерянно).* Опыты? Да-да, великий человек…

М а р ь я *(наблюдая за Гостем).* Сейчас самовар

поспеет. У вас случилось что?

Г о с т ь. А? Случилось? Если бы… Пусть бы уж случилось. Легче было бы…

М а р ь я. Не приведи бог! Пусть уж лучше ничего не случается.

Г о с т ь. Да-да, может быть, может быть…

М а р ь я. Вы к Ване по ученым делам?

Г о с т ь. Нет, я поговорить хочу. Просто поговорить. Смысл я потерял. Понимаете?

М а р ь я. Как это?

Г о с т ь. А вот так. Не знаю, зачем живу.

М а р ь я. Так вам не к мужу, вам в церковь надо.

Г о с т ь. Пробовал, все пробовал. У масонов ответа искал, у сектантов был, к графу Толстому в Ясную Поляну наведывался… Вы бы о муже своем рассказали.

М а р ь я. А что рассказывать? Живу вот, мучаюсь.

Г о с т ь. Мучаетесь?

М а р ь я. Мучаюсь. *(Просветлев.)* Приехал, помню, в наш уезд учитель молодой. Определили его к отцу моему на постой. Ну чистый ребенок! Шар какой-то с искрами надумал запускать — исправнику избу чуть не спалил. Беда! А потом уж и совсем тяжко стало. Соседи-то за блаженного

его держат. Твой, говорят, блаженный. А ученики любят. Вечно он что-то придумывает. О, идет, слышите?

За окнами шум. Голос Ивана: «Мне работать пора. Все, все, друзья, до завтра!»
Входит возбужденный И в а н.

И в а н. Здравствуй, Манюшка! Ну и ну!
М а р ь я. К тебе гость.

Гость встает, кланяется. Иван не замечает его, не слышит Марью.

И в а н. Ну и ну!
М а р ь я *(громко).* Ванечка!
И в а н. А? Что, Манюшка?
М а р ь я. Гость, говорю, к тебе.
И в а н *(пожимает Гостю руку).* Очень рад. *(Марье.)* Так вот. Соорудили мы вчера большой змей, а сегодня утречком привязали мои сорванцы к нему котенка — и под облака!
М а р ь я *(всплеснув руками).* Мучители! Убился?
И в а н. Ничуть не бывало. Вернулся на землю, съел целую плошку молока и вполне доволен своей судьбой.
М а р ь я. Ваня, человек к тебе пришел. *(Ухо-*

дит.)

Г о с т ь. Простите, что отнимаю время…

И в а н *(приставив ладонь к уху).* Как, как фамилия?

Г о с т ь *(громко).* Фамилия моя вам ничего не скажет.

И в а н. А вы по какому вопросу?

Г о с т ь. Да уж и не знаю, как сказать…

И в а н. А как думаете, так и скажите.

Г о с т ь. Ну что ж, прямо и скажу: по вопросу жизни и смерти.

И в а н. Вот как! Ну и что же вы думаете по вопросу жизни и смерти?

Г о с т ь. А то и думаю, что лучше смерть, чем такая жизнь. Слепая вера в выдуманного бога и беспробудное пьянство — вот вам и вся Россия.

И в а н. Пьянство? Да, это есть. Этого много. А отчего?

Г о с т ь. От горя.

И в а н. От горя думать надо, а не пить.

Г о с т ь. Русский человек, скажу я вам, никогда не сможет жить без водки, без царя, без бога.

И в а н. Сможет, уверяю вас, сможет!

Г о с т ь. Ерунда! Ну, вот вы сами как живете? В чем ваша вера?

И в а н. Мой бог, моя вера — человек! Всемогу-

щий человек!

Г о с т ь. Слова, слова, слова. Не верю я в это. Человек рождается, и с первых же мгновений появления человека на свет начинается страшный отсчет секунд, приближающих его к смерти. Я гость. Гость у вас в Калуге, у себя в Петербурге и вообще на этой грешной земле.

И в а н. Да, так иногда говорят. Я тут на кладбище был, вижу надпись: «Прохожий, сорви былинку и остановись. Ты в гостях, а я дома».

Г о с т ь. Вы что же, не согласны с этим?

И в а н. Решительно не согласен! Невежество, недалекость ума все это. Понимаете?

Г о с т ь. Не понимаю. Жизнь — это миг.

И в а н. Миг?! Мало же вы жили, мало видели, мало собираетесь сделать. А зачем же тогда все это? Зачем существует мир, вселенная, космос? Да как же можно смириться с мыслью о грязной могильной яме? Как можно смириться с извечной враждой, с войнами, с бесчисленными болезнями? Как можно терпеть этот вечный страх перед исчезновением?!

Г о с т ь. Жизнь заквашена на несправедливости.

И в а н. Не одна счастливая жизнь хороша, но и самые мысли о ней.

Г о с т ь. От них еще горше. Ведь жизнь — это миг.

И в а н. Жизнь — это вечность! Потому что ничего, кроме жизни, нет. Я лично ничего не знаю. И вот вам рецепт пропишу, как доктор, от хандры.

Г о с т ь. Очень буду вам благодарен.

И в а н *(не расслышав).* Еще как поможет-то! Выходите каждую ночь на улицу и смотрите на звезды.

Г о с т ь. И только?

И в а н. Увидите, поможет. Вспомните: «Открылась бездна звезд полна, звездáм числа нет, бездне — дна!» Разве не величие? Разве не вечность? Бесконечность во времени и пространстве доказать очень просто. Предположим, вселенная конечна. *(Берет и вертит блюдце, ставит его ребром.)* Вот это предел. А что там? Ничего? Но «ничего» — это уже что-то! То-то же! Во времени точно так же. Могло ли оно когда-нибудь начаться и может ли кончиться? Бесконечность вселенной — бесконечность жизни. Вечность. А мы ее дети. Дети… *(Сникнув.)* Правда, дети умирают иногда…

Г о с т ь. То-то и оно! И мы умрем! И малейшего следа не останется.

И в а н. Как?

Г о с т ь. Следа, говорю, ни малейшего не останется.

И в а н. Останется, друг мой, останется! А вы, собственно, кто по профессии? Ах да, вы ведь говорили — пессимист. И пришли за утешением? Спросить, зачем жить? Так?

Г о с т ь. Так.

И в а н. Вы думаете, я не дам вам вразумительного ответа? Еще какой получите-то! Жить надо ради хлорофилла!

Г о с т ь. Ради чего?

И в а н. Зеленое дерево спрашивает разве, зачем оно родилось? Нет, оно тянется к солнцу. И кому лучше, если бы вместо него были мертвые камни? Хотя и камни, друг мой, тоже не мертвые. Вот в чем штука!

Г о с т ь. А вот граф Толстой…

И в а н. Что граф Толстой? Запутались вы в его философии, и все тут. А я вот вспомнил: «Человек обязан быть счастлив. Если несчастлив, то он виноват. И обязан до тех пор хлопотать над собой, пока не устранит этого неудобства и недоразумения. Неудобство главное в том, что если человек несчастлив, то не оберешься неразрешенных вопросов: и зачем я на свете? и зачем весь мир? А если счастлив, то покорно благодарю и вам того

же желаю». И сказал сие не кто иной, как граф Толстой.

Г о с т ь. Граф Толстой?

И в а н. Вот именно, он самый. Ну, я не проповедник, помог ли чем-нибудь вам, не знаю… Прошу простить. И еще вот что скажу: не отделяйтесь вы от природы. Жизнь в городах противоестественна. Что общего у человека с этим каменным мешком? Вы на волю из Петербурга, на волю. Выйдите на поляну, она вам сама все скажет. А еще больше — небо… Звездное небо! Что вы! Какая смерть? Не смешите! Великое счастье — бытие! Скажите: «Я есмь!» Да что вы меня от работы отвлекаете? Пришли тут со своим пессимизмом…

Г о с т ь *(хватает шляпу, низко кланяется).* Спасибо, господин изобретатель! Вы открыли мне глаза. Я понял, все понял!..

И в а н. Да это ребенку ясно! Убирайтесь.

Г о с т ь. Спасибо! *(Быстро уходит.)*

И в а н *(задумчиво).* Да-а, жизнь оскорбительно коротка. Жалкая крошка на ладони вечности. Человек часто умирает несчастливым только потому, что не успевает стать счастливым.

Появляется М а р ь я.

М а р ь я. Там к тебе рабочий человек.

И в а н. Ну и ну!

М а р ь я. Петрович к тебе пришел, говорю.

И в а н. А?! Да-да!..

М а р ь я *(идет к двери).* Заходите. *(Уходит.)*

Входит Н и к о л а й П е т р о в и ч.

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Здоровья доброго!

И в а н. Здравствуйте, Николай Петрович! Ну что, брошюры прочли?

Н и к о л а й П е т р о в и ч *(протягивает Ивану пачку брошюр).* Прочел. Благодарствую.

И в а н. Отлично. И как находите?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Туманно.

И в а н. Как?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Туманно, говорю.

И в а н. Что-то совсем плохо слышу сегодня.

Н и к о л а й П е т р о в и ч *(громко).* Туманно. Путано.

И в а н. Все равно не слышу. А чего же там путаного?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Мысли.

И в а н. Ну уж извините, мысли там все как на ладошке.

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Так-то оно так… Да не понимаю, чего вас так тянет в небо?

И в а н. А вас не тянет?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Меня нет.

И в а н. Вам, стало быть, на земле хорошо и сладко?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. И горько, и худо. Потому и сомневаюсь я: время ли думать нам о небе?

И в а н. Самое время!

Н и к о л а й П е т р о в и ч. А кто же о земле помыслит?

И в а н. О земле-е!..

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Да, о земле уважаемый Иван Сергеевич! Люди-то пока по земле ходят.

И в а н. Крылья человеку нужны, крылья!

Н и к о л а й П е т р о в и ч. А хлеб не нужен?

И в а н. Хлеб? *(Задумывается.)* Да, без хлеба плохо.

Н и к о л а й П е т р о в и ч. А свобода?

И в а н. И свобода нужна, только человек должен быть готов к ней.

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Вот этого-то я уразуметь и не могу. Если будет свобода, демократия, если власть будет вырвана из рук самодержавия…

И в а н. И кому же вручена?

Николай Петрович. Народу!

Иван. А что он будет делать с ней, с властью? Забитый, безграмотный…

Николай Петрович. К чему вы призываете?

Иван. К просвещению народа.

Николай Петрович. Нет, это долго!

Иван. А надо все быстро?

Николай Петрович. Немедленно!

Иван. Вэни, види, вици!

Николай Петрович. Как?

Иван. Вэни, види, вици!

Николай Петрович. По-латыни не разумею.

Иван. Пришел, увидел, победил! Хороший вы человек, Николай Петрович! Умница! Но, извините, у нас в Калуге это знает каждый гимназист.

Николай Петрович. Гимназии не кончал.

Иван. Еще не поздно учиться. Днями и ночами! Самоучкой, как Ломоносов…

Николай Петрович. Некогда. Надо спасать человечество.

Иван. От чего?

Николай Петрович. От рабства.

Иван. Спасите сначала себя. Получите обра-

зование.

Николай Петрович. Такими разговорами вы только одурманиваете народ.

Иван. Как вы сказали?

Николай Петрович. Одурманиваете.

Иван. Виноват, я плохо слышу.

Николай Петрович. Я знаю, вы шутник.

Иван. Напротив.

Николай Петрович. Мир надо перестраивать, и это истина.

Иван. Правильно, истина.

Николай Петрович. Вот видите! Наконец-то мы поняли друг друга.

Иван. Человечество надо выручать. Свободу!

Николай Петрович. Свободу!

Иван. Свободу для проявления таланта, творческой деятельности человека. Сколько дарований погибает, сколько гениев… Хотя бы у нас в России. Гении! Вот кто откроет дорогу человечеству. Вот кто укажет путь.

Николай Петрович. Опять вы не туда поехали, извините.

Иван. А куда я поехал?

Николай Петрович. В заоблачные выси.

Иван. Но именно туда и лежит мой путь.

Николай Петрович. Плохо это. Не время,

понимаете?

И в а н. Так, может, мне бросить науку? Может, прикажете мне заняться прокламациями?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Думаю, это больше способствовало бы счастью человечества, чем ваши статьи и опыты.

И в а н. Ну, знаете ли, милостивый государь! Вот вам моя прокламация: «Я призываю немедленно начать по всей России розыски гениев человеческой мысли. Только они способны обеспечить правильное устройство государства».

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Извините, ваши разговоры — сплошной дурман!

И в а н. Но кто же, как не мыслители, укажет путь?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Революция выделит своих мыслителей.

И в а н. И я буду в их числе, хотя занимаюсь своим делом. Небом. Да, небом! Потому что это надо делать сейчас. Ваша революция долго потом не наверстает упущенного, если не даст дороги наукам, искусствам, гипотезам, дерзаниям во всем, если она не откроет пути в космос. Да, в космос!

Входит М а р ь я с телеграммой в руках.

М а р ь я. А-а, а-а!

Иван. Что с тобой, Манюшка?

М а р ь я. А-а, а-а, сыночек, сыночек наш… Игнашенька!.. *(Опускается на стул.)*

Иван подходит к ней, берет телеграмму, читает.

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Что, что случилось?

И в а н. Сын… в Москве… застрелился!

М а р ь я. Ванечка! Ваня! Ты умный! Ты ученый! Ты хороший! Ты все можешь, все! Верни мне сыночка! Верни его! Ну что тебе стоит поколдовать над своими машинами! Верни Игнашеньку, Ваня!

И в а н. Я не бог.

М а р ь я. Будь богом, прошу тебя! Ведь я все только для тебя! А теперь для сынка, для сынка нашего!..

И в а н. Не разрывай мне сердце, Манюшка!

М а р ь я. Всегда было так, всегда. Все тебе было некогда. Дом? Некогда. Дети? Некогда. Все опыты, опыты, опыты… Вот тебе и последний опыт!..

И в а н. Судьба.

М а р ь я. Судьба!.. Су-удьба-а!.. *(Рыдает.)* Только что Петеньку похоронили, младенчика… Сорока дней не прошло. *(Выпрямляется, зло.)* Не было у тебя для детей сердца, никогда не было! Чудо-

вище!

И в а н. Ты права, Манюшка, ты права. Виноват я! Я один во всем виноват! Вчера еще, кажется, зашел он ко мне, сел вот здесь, тихо сел. «Поговори со мной, отец, — шепчет, — поговори». А я: «Некогда, некогда, иди с богом». Вот и ушел. Ушел мальчик мой!.. *(Плачет.)*

М а р ь я *(обнимает Ивана).* Прости, прости меня, Ванечка! Умоляю, прости! Не помню, что говорю…

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Успокойтесь, Иван Сергеевич, не виноваты вы…

И в а н. Виноват, ох как виноват! Да, без вины виноват. Не могу же я иначе, не могу! И не смогу! Кто-то же должен думать не о сегодняшнем, не о завтрашнем, а о послезавтрашнем дне! И какие бы еще ни встретились тернии, — к звездам! Пэр аспэра ад астра! Пэр аспэра ад астра!

Н и к о л а й П е т р о в и ч *(вдруг что-то осознав).* Да, кто-то должен звать к звездам… К звездам…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Х о р

Моя страна! Ты доказала
И мне, и всем, что дух твой жив,
Когда, почуяв в теле жало,
Ты заметалась, застонала,
Вся — исступленье, вся — порыв!

О, страшен был твой недвижимый,
На смерть похожий, черный сон!
Но вдруг пронесся гул Цусимы,
Ты задрожала вся, и мнимый
Мертвец был громом пробужден.

Нет, не позор бесправной доли,
Не зов непризванных вождей,
Но жгучий стыд, но ярость боли
Тебя метнули к новой воле
И дали мощь руке твоей!

И как недужному, сквозь бреды,
Порой мелькают имена, —

Ты вспомнила восторг победы
И то, о чем сказали деды:
Что ты великой быть — должна!

Пусть ветры вновь оледенили
Разбег апрельский бурных рек:
Их жизнь — во временной могиле,
Мы смеем верить скрытой силе,
Ждать мая, мая в этот век!

ПОДОБНО ПТИЦЕ

Титры «Близ Киева», затем «1914». Аэродром. Вкопанный в землю стол, скамья. Чуть слышен рокот мотора самолета. За полетом наблюдают С ы с о й и броско одетый Г о с т ь. Сысой стоит неподвижно. Гость перебегает с места на место, то и дело хватаясь за сердце.

Г о с т ь. Что он делает? Нет, что он делает? Это же невероятно! Это безумие! Сейчас полетит!

С ы с о й. Он давно летит.

Г о с т ь. Да я не в том смысле. Угробится, говорю, вот что! Ай-ай! Смотрите, смотрите…

С ы с о й. Смотрю.

Г о с т ь. Что он делает?! Что делает?!

С ы с о й. Сызнова завел шарманку! А говорите, писали про мертвую петлю.

Г о с т ь. Я писал… Конечно… Но не видел.

С ы с о й. А как же писали, коли не видели?

Г о с т ь. Писал как журналист, а теперь вот вижу как человек. Я же не знал, что это и есть петля… Ай-ай! Смотрите, действительно мертвая.

С ы с о й. Чего вы трусите? Будто сами летите, а не он.

Г о с т ь. А ты что, не трусишь? Смотри, какой спокойный! Будто тебе все равно.

С ы с о й. Мне не все равно. Но я своего поручика знаю.

Г о с т ь. Тихо, сглазишь. Ай-ай, падает! Падает!.. *(Закрывает глаза.)*

С ы с о й. Подожди, подожди!.. Ага-а! Видали? Артист! Шаляпин!

Г о с т ь *(открывая глаза).* Лети-ит! Шаляпин! Хулиган, а не Шаляпин. Еще бы немного, и…

С ы с о й. Он это уже во второй раз проделывает. Это почище петли. А вы там пишете… Писуны!

Г о с т ь. Что пишем?

С ы с о й. Что! Поручик мой в воздухе кувыркается, а вы там про француза пишете.

Г о с т ь. Про какого француза?

С ы с о й. Да будто француз какой-то первый

мертвую петлю…

Г о с т ь. А-а, Пегу… Этого я не писал.

С ы с о й. Не писал?

Г о с т ь. Это не я писал.

С ы с о й. Вы!

Г о с т ь. Нет, не я!

С ы с о й. Нет, вы!

Г о с т ь. Да как ты смеешь!..

Появляется И в а н.

И в а н. Что за шум, а драки нет?

С ы с о й. Господин поручик! Вот этот господин…

И в а н. Приказываю остыть!

С ы с о й *(вытягивается).* Есть остыть!

И в а н. К самолету шагом марш!

Сысой поворачивается через левое плечо и строевым шагом уходит.

Вы уж извините. Мой механик кипучий темперамент имеет.

Г о с т ь. Не беспокойтесь, пожалуйста. Позвольте отрекомендоваться. Я корреспондент журнала «Природа и люди».

И в а н. Это еще ничего.

Г о с т ь. А что, есть хуже?

И в а н. Много хуже.

Г о с т ь. Да, вы правы, вероятно… А я… Я писал о вашей мертвой петле в петербургской газете «День».

И в а н. Помню, помню. Любопытная была статья. Только вы сами-то не видели…

Г о с т ь. Святая правда. Но у нас бывает такое. Событие грандиозное, вот и отважился по отзывам очевидцев, так сказать…

И в а н. Ну, и каково же ваше впечатление?

Г о с т ь. Как вы все это проделываете? У меня просто нет слов, господин поручик. Никогда не думал, что такое возможно!

И в а н. Я тоже не думал.

Г о с т ь. Аэроплан! Чудо двадцатого века!

И в а н. Вполне с вами согласен!

Г о с т ь. Как все стремительно! Герберт Уэллс всего лишь лет десять тому назад писал, что году в 1950-м будет изобретен аппарат, который поднимется с земли и благополучно на нее возвратится.

И в а н. Ошибся фантаст, бывает.

Г о с т ь. Я был на показательных полетах Пегу в Петербурге.

И в а н. И по впечатлениям писали обо мне?

Г о с т ь. Признаться, да…

И в а н. Нехорошо, господин корреспондент, нехорошо.

Г о с т ь. Да-да, совершенно с вами согласен. Я слышал, что Пегу признал ваш приоритет в мертвой петле?

И в а н. Да, и это делает ему честь.

Появляется полковник Л у п а т о в.

Л у п а т о в. Опять вы за свое, поручик! Я же приказывал вам не петлить. Прекратите петлить, слышите? Превратите!

И в а н. Господин полковник, это все равно что приказать птице — не летай!

Л у п а т о в. Вы не птица.

И в а н. Птица, господин полковник. Вы только что имели возможность в этом еще раз убедиться.

Л у п а т о в. В таком случае я сделаю так, чтобы вы оказались на птичьих правах! Я не допущу ваших вольностей. Здесь армия, а не воздухоплавательное общество!

И в а н. У армии должна быть своя слава. Слава армии. Вы ведь сами летчик, господин полковник!

Л у п а т о в. Вы понимаете, что такое приказ?

И в а н. Понимаю.

Л у п а т о в. Так вот приказ: «Не петлить!» Я не слышу: «Есть не петлить!»

Иван молчит.

Я не слышу!

Иван молчит.

Поймите же, я не могу рисковать машиной и вашей жизнью.

И в а н. Господин полковник! У меня жена, двое детей и мать. А потому я не могу безрассудно обращаться со своей жизнью, не могу даже ради громкого имени «русский Пегу». А что касается машины, то позвольте спросить: числится ли за мной хоть одна авария?

Л у п а т о в. Если вы не прекратите ваши смертельные эксперименты, я возбужу дело об увольнении вас из армии. *(Уходит.)*

Г о с т ь. Да, то, что вы делаете, — это опасно, очень опасно. Я здесь, на земле, чуть не умер со страху, наблюдая за вашим полетом. Но совершенно не понимаю господина полковника. Может быть, вы мне объясните…

И в а н. Застарелая болезнь — что позволено Европе, то запрещено России. Но ничего, мы, нижегородские, люди крепкие!

Г о с т ь. Завидую вашему оптимизму.

И в а н. А вы пессимист? Не надо, дорогой, не надо! Это не дело. Это не по-русски.

Г о с т ь. Пессимизм, по-моему, одна из основных черт русского характера.

И в а н. «Умом Россию не понять…» Тютчев. Читали? Впрочем, не будем. Это заведет нас слишком далеко.

Г о с т ь. Почему вы не написали о вашей мертвой петле?

И в а н. Я писал. Для себя, для друзей. А то, что имеете в виду вы, так я не писатель — летчик.

Г о с т ь. Каждый, кто пережил что-то невероятное, должен рассказать об этом людям. И если он сделает это хорошо — он писатель.

И в а н. Это не по мне. Я летчик.

Г о с т ь. А хотите, это сделаю я? Что вы чувствуете при совершении вашей мертвой петли?

И в а н. Что она — живая.

Г о с т ь. Прекрасно. Вот об этом-то я и напишу. А что вы чувствовали в первый раз?

И в а н. Вы мальчишкой кувыркались на лугу?

Г о с т ь. Мальчишкой? На лугу? Не помню…

И в а н. Не может быть! Этого нельзя не помнить. Тогда попробуйте.

Г о с т ь. Что, здесь? Сейчас?

И в а н. Здесь. Сейчас. И немедленно.

Г о с т ь. Ну что ж… *(Кувыркается.)*

И в а н. Что чувствуете?

Г о с т ь. Не понял…

И в а н. Тогда попробуйте еще.

Вбегает М а р ь я. Вслед за ней появляется С ы с о й.

М а р ь я. Ты здесь? Живой! *(Приникает к Ивану.)*

И в а н. Что ты, Маша?

М а р ь я. Ничего. Ты жив!

И в а н. Да что случилось?

М а р ь я. Леня Есипов… погиб!

И в а н. Леня?!

М а р ь я. Пришла ко мне его сестра…

И в а н. Как это случилось? Где? Когда?

М а р ь я. Не могу! Больше не могу!..

И в а н. Ну что ты, Машенька! Успокойся, Маша, успокойся.

М а р ь я. У меня нет больше сил! Понимаешь, больше нет сил! Кузьминский! Стоякин! Павлов! Исаченко! Фирсов! Есипов! Кто следующий? Кто?!

И в а н. Я понимаю тебя, Машенька, я все понимаю. Но что прикажешь делать? Перестать

быть самим собой? Перестать быть русским офицером?

М а р ь я. Но не все же русские офицеры такие!..

И в а н. Не надо, Машенька! Пойдем. Может быть, может быть… Однако пойми… Впрочем, не будем здесь, сейчас… Пойдем. Полеты кончились, теперь я два дня дома… Пойдем.

Иван и Марья уходят. Гость долго смотрит им вслед, потом садится за стол, быстро пишет что-то.

С ы с о й. Вот об чем писать-то надо, господин писатель!

Г о с т ь. А что, и вправду часто гибнут?

С ы с о й. А то вы не знаете?

Г о с т ь. Да как-то не задумывался.

С ы с о й. Машины хреновые! Взлетел, а тут ветер — вот тебе и хана! Только такие орлы, как мой поручик, и выныривают. А вы там о французах пишете. Им хорошо, французам. Заводы на них работают. Надо самолет — пожалуйста. А мы — лапотники… Ну ничего! Дай срок! Вздохнет еще Россиюшка! Вздохнет!..

Х о р

Крестят нас огненной купелью,
Нам проба — голод, холод, тьма,
Жизнь вкруг свистит льдяной метелью,
День к дню жмет горло, как тесьма.

Что ж! Ставка — мир, вселенной судьбы!
Наш век с веками в бой вступил.
Тот враг, кто скажет: «Отдохнуть бы!»
Лжец, кто, дрожа, вздохнет: «Нет сил!»...

В час бури ропот — вопль измены,
Где смерч, там ядра кажут путь.
Стань как гранит, влей пламя в вены,
Вдвинь сталь пружин, как сердце, в грудь.

Строг выбор: строй, рази — иль падай!
Нам нужен — воин, кормчий, страж!
В ком жажда нег, тех нам не надо,
Кто дремлет, медлит, тот не наш!

Гордись, хоть миги жгли б как плети.

Будь рад, хоть в снах ты изнемог,
Что, в свете молний, мир столетий
Иных ты, смертный, видеть мог!

ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

Титры «Близ Нижнего Новгорода» и «1929». Ясное утро. Высокий берег Волги. Где-то рядом пасется стадо. Позвякивают колокольчики на шеях коров. Появляется Николай Петрович в форме офицера летных войск. Он кого-то ищет. (В этом эпизоде в произношении Ивана и Сысоя желательно волжское оканье.)

Николай Петрович. И куда подевался? Ничего, я тебя, голубчик, все равно найду. Ты от меня не уйдешь. *(Уходит.)*

С другой стороны появляется Сысой с кнутом.

Сысой. Куды, куды, треклятая! Навязались бы на мою голову, так-перетак и еще сначала! Полкан, едрен корень! Чего разлегся? А ну, гони ее сюды!

Лай собаки. Удаляется, приближается, зати-

хает.

Ну, то-то!.. Не мне же за тебя бегать да тявкать.

Вновь появляется Николай Петрович.

Николай Петрович. Здорово, отец!

Сысой. Здравствуй, сынок.

Николай Петрович приставляет ладонь ко лбу, смотрит на берег.

Кого высматриваешь?

Николай Петрович. Да ищу тут одного.

Сысой. Ваньку небось?

Николай Петрович. Иваном зовут. А как догадался?

Сысой. Чего ж догадываться! Чин у тебя большой и форма небесная.

Николай Петрович. Небесная! Надо же! Это ты хорошо сказал. Ну и где же он, Иван?

Сысой. Кто ж его знает… Давеча сеть с рыбаками тянул. Не видать его на берегу-то?

Николай Петрович. Не видать.

Сысой. Домой, стало быть, отправился.

Николай Петрович. Разминулись!

Сысой. Нужон он тебе?

Николай Петрович. Нужон.

Сысой. Ишши, коли так.

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Ишшу. *(Уходит.)*

С ы с о й. Забегало начальство-то! *(В сторону.)* Опять! Красуха! Ну, куды, куды ты поперла?! Полкан! Растолкуй ей!

Лай собаки. Появляется И в а н.

Вона! А я думал, ты дома, молоком парным балуешься.

И в а н. Бродил по берегу.

С ы с о й. А у меня суприз для тебя.

И в а н. Тошно, дед Сысой! Куда деваться? *(Опускается рядом с Сысоем.)*

С ы с о й. Ну, а коли тошно, приберегу. А то ведь оно как: коли сперва хорошо, потом нет — то тошно, а ежели сперва совсем пакостно, а потом получше — то вроде бы и ничего.

И в а н. Философ ты, дед!

С ы с о й. Поживи с мое. Но вот удивляюсь я: чего тебе тосковать? Молодой, видный… Шел бы, к примеру, в пароходку. Корабли водить будешь. По морям, по окиянам…

И в а н. Нет, дед, не пойдет. Мне с моряками не по пути. Мне *(указывает на небо)* вон куда надо.

С ы с о й. А чего там?

И в а н. Не понимаешь ты, дед!

С ы с о й. Понимаю, Ванюшка, ох как понимаю!

Думаешь, мне охота с холерами энтими возиться? Я ведь мастер! В деревне-то половина домов — мои. И что ни дом, то песня!

И в а н. Кто же тебе мешает? Иди да строй.

С ы с о й. Куды я теперь пойду? И глаз не тот, и рука твердость потеряла.

И в а н. Тогда дома сиди. Сыновья-то прокормят.

С ы с о й. Дурак ты, Ванюха! Я тут *(указывает на Волгу)* каждый день с красотой! *(Приглядывается к Ивану.)* Э-э, голубь, чтой-то ты совсем нос повесил. Никак ответ на свое прошение получил?

И в а н. Получил.

С ы с о й. Ну?

И в а н. Отказали.

С ы с о й. Вот идолы! Слышь, Ванюшка, а поезжай-ка ты в Москву, да прямо к Сталину!

И в а н. Ты что, дед, рехнулся?

С ы с о й. А чего? Про тебя вон и в газетах писали.

И в а н. Ну и что? Мало ли про кого газеты пишут!

С ы с о й. Да ты не дрейфь! У тебя, как говорится, случай особый.

Появляется Николай Петрович.

Во, суприз твой объявился!

И в а н. Батя!

Н и к о л а й П е т р о в и ч. А ну, смирно!

И в а н. Товарищ майор!

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Слушай команду! Смирно!

Иван в неловкости оглядывается на Сысоя, становится по стойке «смирно». Сысой встает рядом с Иваном, вытягивается.

Рапортуй по уставу!

И в а н. Да что ты, батя!

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Отставить «батю»!

И в а н. Куда ж его отставишь? Батя есть батя. Второй отец.

С ы с о й. Товарищ старший командир, разрешите обратиться?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Что такое?

С ы с о й *(делает строевой шаг вперед).* Так что осмелюсь доложить, парень не в себе. Муштруй его не муштруй — все одно будет. Вы бы лучше с ним по-душевному.

Н и к о л а й П е т р о в и ч. По-душевному?! А я вот сниму ремень и прямо при вас, при уважаемом его односельчанине…

С ы с о й. Пори меня, товарищ командир!

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Ты-то при чем?

С ы с о й. Так что я есть живой свидетель. Парень намучился, настрадался… Теперича ему никакая порка не поможет.

И в а н. Молчи, дед, он скоро остынет.

С ы с о й. Молчу.

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Это кто остынет, кто?! Я-то думаю, он служит, мастерство свое оттачивает, а он на Волге рыбку ловит, ушицу под водочку кушает. Деда себе завел…

С ы с о й. Ты это… погодь, товарищ старший командир! Неча на парня напускаться! Он тут места себе не находит, прошения пишет…

Н и к о л а й П е т р о в и ч. А письма он пишет?

С ы с о й. Письма — не знаю, а прошения пишет.

Н и к о л а й П е т р о в и ч *(Ивану).* Ну-ка отвечай, как это я от тебя письма получаю?

И в а н. Да ладно, батя!

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Нет уж, ты открой секрет.

И в а н. Чего там, батя. Ну, посылаю письма ребятам, а они вам. Вам же спокойней…

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Видали шельмеца?! *(Глянув на Ивана и Сысоя.)* Вольно!

С ы с о й. Есть вольно! (Садится.)

Николай Петрович. Вот так, отец! И я был у него командиром! Позор, позор! Что там у тебя вышло? И чтоб как на духу!

Иван. Несколько происшествий, батя. Я думаю, меня по совокупности…

Николай Петрович. Давай-давай, повествуй!

Иван. Ну, закончил я курс совершенствования… Комэск говорит: «Покажи, чему научился». Я и показал.

Николай Петрович. Конкретней.

Иван. Ничего особенного, батя. Ну, спикировал на ангар… Да ведь не задел же, все рассчитал.

Николай Петрович. Дальше?

Иван. Пошел вверх. На ста пятидесяти метрах сделал петлю. Потом пониже — иммельман…

Николай Петрович. Машина?

Иван. «Фоккер Д-11».

Николай Петрович. Слыхал, отец?

Сысой *(вскакивает).* Так точно, сынок!

Николай Петрович. Отставить!

Сысой садится.

Хулиган!

Сысой вскакивает.

Отставить! Брось, дед, шутками парня выгораживать.

Сысой садится.

Самоубийца!

Сысой намеревается вскочить, но Иван его удерживает.

Дальше?

И в а н. Все… почти. Пошел на посадку — перевернул машину…

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Высота?

И в а н. Метров тридцать… ну, двадцать-то было, не меньше. Совершил обратный переворот и сел на три точки.

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Ну, и что было дальше?

И в а н. Ничего. Летчики подбросили меня раз пять. По-моему, столько же раз и поймали.

С ы с о й. Во, видали!

Н и к о л а й П е т р о в и ч. А командир эскадрильи?

И в а н. Вместе с ними.

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Ну а комбриг?

И в а н. Дал двадцать суток ареста. Да разве это справедливо, батя? Помнишь десятую годовщину

Октября? Члены правительства, дипломатический корпус… Я ведь тогда почти то же самое сделал. А мне денежную награду выдали и благодарность зачитали в Большом театре…

Николай Петрович. Стоп, стоп! Не уводи в сторону. Что же все-таки переполнило чашу терпения?

Иван. Понимаешь, батя, я… самолет разбил.

Николай Петрович. Та-ак!

Иван. Обидно, батя. Сколько лет ни одной аварии!.. Письмо, понимаешь, от Маши получил. Она же в положении, ты знаешь. Ну, был малость не в себе… Зацепился за провода и…

Сысой. Вот оно какое строгое дело — самолет. Жена там, может, помирает, а ты улыбайся и летай.

Николай Петрович. Ну и что за сим последовало?

Иван. Суд, батя, суд! Честно скажу, не ожидал я этого. Дали год тюрьмы. Просидел девятнадцать дней. Выпустили и уволили из рядов Красной Армии.

Сысой *(вскочив).* А много у нас таких, ну-ка, много?

Иван. Сядь!

Сысой. Я тебе не Полкан!

И в а н. Не надо, дед, молчи!..

С ы с о й. Молчу. Да ведь обидно: такого орла за решетку упрятали!

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Если по букве судить, то все было правильно, отец. А потом, он ведь сам говорит — по совокупности. А совокупность у него агромадная!

И в а н. Да чего там, батя!

Н и к о л а й П е т р о в и ч. А ты посчитай, сколько у тебя гауптвахты было? Не сосчитаешь.

С ы с о й. Так он и в детстве озорной был. Все в чулане сидел за художества свои.

Н и к о л а й П е т р о в и ч. В детстве ладно, а вот когда озорство во взрослую жизнь переходит… Расскажи деду, как ты вираж вокруг Исаакия изобразил, как под Троицким мостом пролетел, как двести пятьдесят петель подряд скрутил…

С ы с о й *(опять не выдержав).* Молодец!

И в а н. Дед!

С ы с о й. Молчу!

И в а н. Да ведь это все элементарно, батя!

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Допустим. Но ведь никому же и в голову такое не пришло!

И в а н. Значит, голова моя не так устроена.

С ы с о й. Это точно. У него она совсем по-дру-

гому устроена.

Иван бросает на него строгий взгляд.

Молчу!

И в а н. Люди всему название ищут. Необычно летаю. Как назвать? Ну и назвали: воздушное хулиганство. Пусть так. Мне что? Разве дело в названии?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Да ты никак гордишься этим?

И в а н. Не гордость это, батя. К лихому времени готовлюсь. А оно придет, ты это лучше меня знаешь. Должны мы быть готовы? Должны. Значит, надо кому-то и рисковать…

С ы с о й. Поезжай, Ванюшка, к Сталину!

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Со мной он поедет.

И в а н. С тобой? Куда, батя?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. В Москву.

И в а н. В Москву?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Мы с Юмашевым и Громовым всех начальников обошли. Убеждали, что тебя необходимо вернуть в авиацию.

И в а н. И… и что?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Стоят на своем.

С ы с о й. Ванюха, поезжай…

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Подожди, отец. Не-

давно нас вызывали наверх. Разговор шел о… *(Сысою.)* Тебе можно доверить государственную тайну, отец?

С ы с о й. Могила!

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Разговор шел о перелете через Северный полюс в Америку.

И в а н. Через Северный полюс?! В Америку?!

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Нас спросили, кто может это сделать. Мы сказали — ты.

С ы с о й. Едрена палка! Ванюха! Я ж тебе говорил — суприз!

И в а н. Батя! Батя!..

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Ну-ну! Не хватало тебе еще зареветь.

И в а н. Батя! Да я… я… Дед! Ты слышишь, дед?! *(Выхватывает у Сысоя кнут и сломя голову несется куда-то вниз, к Волге, пушечно выстреливая им.)*

С ы с о й. Поостерегся я сразу суприз-то ему выдать. И правильно. Совсем ишь парень-то свихнулся.

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Ничего, отец, пусть побесится. Два месяца это в нем копилось. Надо, чтобы вышло.

С ы с о й. А ежели совсем выйдет?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Останется! Это

гениальный летчик, отец. Ге-ни-аль-ный! Понимаешь?

С ы с о й. А чего не понять? Наша Волга много великих людей дала. А сколько еще великих-то погубили, на излете срезали…

Появляется И в а н.

И в а н. Батя, не верю! Утешаешь ты меня, успокаиваешь…

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Да ты что! Врал я тебе когда-нибудь?

И в а н. Батя, ох, батя! Хошь, я сейчас Волгу переплыву?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Успокойся, Иван, остынь. Во-первых, это пока еще планы. Отдаленные планы, понимаешь? А во-вторых, тебе до этого еще дожить надо.

И в а н. То есть как?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. А так. Определим тебя летчиком-испытателем на авиационный завод.

И в а н. Отлично, батя! Это же живое дело!

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Живое, согласен. Но ведь ты сумасшедший.

И в а н. Ты меня знаешь, батя! У меня ни одной поломки… Эх, батя, да я еще вокруг шарика!..

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Ну, ладно, ладно…

И в а н. Значит, едем? В Москву? Побегу!

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Куда?

И в а н. На почту, телеграмму Маше…

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Не надо телеграмму.

И в а н. А… а что? *(Шепотом.)* Что, батя?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Да-а, вредно тебе без неба. Совсем психованный стал. Приехала Марья, со мной вместе приехала.

И в а н. Да ведь она же…

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Сына тебе привезла!

С ы с о й. Вы, товарищ старший командир, ухайдакаете сегодня парня! Разве можно так вот, разом?

Появляется М а р ь я.

И в а н. Маша, Машенька! *(Бросается к ней.)* Сын, да? Нет, правда сын? Дед, ущипни меня!

Сысой в шутку стегает его кнутом.

Не сплю! *(Марье.)* Сколько?

М а р ь я. Что?

И в а н. Весит сколько?

М а р ь я. Четыре двести.

И в а н. Еще один летчик на свет появился!

М а р ь я. Ну уж нет! Мне и одного много. Ты почему меня два месяца обманывал?

И в а н. Не мог же я тебе в такое время правду написать!

М а р ь я. А ты помнишь наш уговор? Правду, всегда только правду!

И в а н. Я люблю тебя — вот моя правда! *(Бережно поднимает Марью на руки.)*

М а р ь я. Ты что, Ваня, люди ведь...

И в а н. Хорошие люди, Маша! И жизнь, Маша, тоже хорошая! Сколько счастья, и все одному!

М а р ь я. Двоим.

И в а н. Троим! Пошли к Игорьку.

М а р ь я. Ты уж и имя дал?

И в а н. А мы с тобой давно договорились. Ты что, забыла? *(Уходит с Марьей на руках.)*

Н и к о л а й П е т р о в и ч *(Сысою).* А?!

С ы с о й. Да-а! Молодые!.. *(В сторону.)* Ох, холеры! Опять на огороды пошли! Полкан! Полкан!..

Лай собаки.

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Давно пасешь, отец?

С ы с о й. Да годов пять.

Н и к о л а й П е т р о в и ч. А раньше чем за-

нимался?

С ы с о й. Домá у нас в деревне видел?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Видел.

С ы с о й. Красивые?

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Красивые.

С ы с о й. Я строил.

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Ты?

С ы с о й. Удивляешься? Я тут по Волге километров на полтораста вверх-вниз строил. Сейчас еще поезди, поспрашивай: Сысоя Шамолина, мол, знаете? Знаем, скажут, помним. Золотые руки были… Теперь вот ослабели, и глаза шалят…

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Может, подлечиться тебе? В Москву приезжай, врачей хороших найдем.

С ы с о й. Э-э, мил человек, от старости лекарства нету. Не придумали еще. Я об одном только жалею — мало построил.

Н и к о л а й П е т р о в и ч. Не печалься, отец. Внуки твои достроят. Они и глубины морские, и дали небесные покорят и, кто знает, быть может, к далеким мирам прорвутся. Прорвутся и расскажут там, что жил на земле, на великой русской реке Волге, и строил людям дома мастер Сысой Шамолин…

Х о р

Всё —
Как он набирался сил,
Как в небесах владел собой
И невесомость выносил —
Да пусть почувствует любой
Из нас!
Он делал все для нас с тобой,
Он делал все за нас с тобой,
Над нашими плечами мчась.

Вознесся
В космос человек,
Оставив за своей спиной
Свой шар земной с его весной,
С его «холодною войной»,
Со стужей, вклинившейся в зной,
И с кипятком подземных рек
Под леденистой пеленой.

Вознесся
В космос человек,
Но это вовсе не побег
Из повседневности земной.

Вознесся
В космос человек,
Секретом неба овладел,
И возвратился человек
И снова землю оглядел:
Напрашивается масса дел!

Еще недужен лик земли,
Еще витает горький прах
Сынов земли, которых жгли
Вчера на атомных кострах.
А сколько на земле калек!

Поставим этому предел,
Поскольку, силою богат,
Ворвался в космос человек
И возвратился он назад.

И убедился человек,
Что доброй воле
Нет преград!

СЫН ЗЕМЛИ

Титры «Москва» и «1961. 1 апреля». Красная площадь. Силуэт Мавзолея В. И. Ленина. Вечер. На сцене И в а н и С т е п а н. Они в летней форме, старшие лейтенанты.

И в а н. Не хочется уходить.

С т е п а н. Да.

И в а н. Знаешь, первый раз я увидел Красную площадь в шестнадцать лет. Думал, она огромная, а пришел — и поначалу даже разочаровался…

С т е п а н. А я вот думаю: у каждого из нас есть родной уголок. У тебя на Смоленщине, у меня на Алтае. И у всех — один, здесь… Марья твоя о чем-нибудь догадывается?

И в а н. Вроде нет. А твоя?

С т е п а н. Пристала сегодня с расспросами.

И в а н. А ты что?

С т е п а н. В первый раз, говорю, что ли? На тренировочные полеты уезжаем.

И в а н. Моя не расспрашивала.

С т е п а н. Американцы планируют на двадцать восьмое апреля, слыхал? Баллистический прыжок.

И в а н. В конце марта у них капсула «Меркурий» не отделилась от ракеты-носителя, а они человека хотят забросить.

С т е п а н. Слушай, Иван, тебя не мучает один вопрос?

И в а н. Какой?

С т е п а н. Кто из нас полетит?

И в а н. Да как тебе сказать…

С т е п а н. Честно.

И в а н. Думаю об этом, конечно. Но не мучает. Не вижу большой разницы.

С т е п а н. Разница есть. Сейчас тебя знают сотни, а через несколько дней будут знать сотни миллионов, все человечество!

И в а н. Первое и главное, что они узнают, — полетел советский человек.

С т е п а н. А я считаю, тот, кто посильнее, покрепче, вторым лететь должен.

И в а н. Почему?

С т е п а н. Задача будет сложнее.

И в а н. Да, наверное.

С т е п а н. А все же первый — это первый. Колумб когда Америку открыл, а и сейчас звучит: Ко-лумб! Звучит?

И в а н. Звучит. Но если вдуматься, то мы с тобой не первые.

С т е п а н. То есть как?

И в а н. А так. Сколько их до нас было на Руси, первых! Подьячий Крякутный в Рязани. Можайский…

С т е п а н. Да-да, первый самолет. И ведь испытал!

И в а н. Испытал. Братья Райт тогда еще под стол пешком ходили.

С т е п а н. Циолковский!

И в а н. Звездный мечтатель! Не будь его…

С т е п а н. А Нестеров! Мертвая петля! Высший пилотаж…

И в а н. Михаил Ефимов! Первый русский летчик. Мой земляк, смоленский. Побил все мировые рекорды.

С т е п а н. Летчики-полярники…

И в а н. И Чкалов, Степа, Чкалов! Мечтал вокруг шарика… А кому-то из нас скоро, быть может…

С т е п а н. Никаких «быть может»! Вопрос только: кому?

И в а н. Нет, Степа, не первые мы с тобой. Под нашей ракетой такой фундамент!..

С т е п а н. Ну, пошли?

И в а н. Пошли.

З а т е м н е н и е

Тот же вечер. Квартира Ивана. На письменном столе горит настольная лампа. Входит И в а н. Раздевается. Из другой комнаты появляется М а р ь я.

М а р ь я. Ваня! Тебе же завтра рано ехать.

И в а н. Да, понимаешь, бродили со Степаном, ушли далеко, возвращались пешком... Леночка спит?

М а р ь я. Только что уснула. Ждала тебя. В последнее время ты все реже и реже бываешь дома.

И в а н. Что делать, Машенька, работа. Я взгляну. *(На цыпочках проходит в соседнюю комнату, возвращается.)* Улыбается, что-то веселое, наверно, снится.

М а р ь я. Звонил Николай Петрович.

И в а н. Давно?

М а р ь я. Минут двадцать назад.

Иван идет к телефону. Марья прикрывает дверь в комнату дочери.

И в а н *(набирает номер).* Добрый вечер, Николай Петрович! Гуляли со Степаном. Известно, кто? На месте будет известно? Понятно. На полчаса раньше? Хорошо. Да нет, что вы! Заведу будильник. Если подведет? У меня другой есть.

Ну, этот меня еще никогда не подводил. *(Улыбаясь, смотрит на Марью.)* Подарить вам? Не могу, товарищ генерал. Догадались? Передать поклон? Спасибо! До завтра, Николай Петрович. Спокойной ночи! *(Кладет трубку.)* Генерал тебе кланяется. Говорит, что безумно мне завидует.

М а р ь я. Чемодан я собрала. Надо спать, Ваня.

И в а н. Я и сам себе иногда завидую. Слушай, а если бы тогда, в училище, ты не пошла со мной танцевать, значит, ничего могло и не быть?

М а р ь я. Ты пригласил бы меня еще раз, я уверена.

И в а н. Я приглашал бы тебя до бесконечности!

М а р ь я. Что-то случилось, Ваня?

И в а н. Почему ты так решила?

М а р ь я. Или должно случиться?

И в а н. Ну с чего ты взяла?

М а р ь я. Ты немножко не такой, как всегда.

И в а н. Я всегда немножко не такой, когда уезжаю от вас. А эти тренировочные полеты рассчитаны надолго…

М а р ь я. Сегодня первое апреля, но если правду?

И в а н. Маша!

М а р ь я. Ваня, я прошу тебя! Мне будет спокой-

нее, если я буду знать.

И в а н. Ну хорошо. Мы уезжаем на испытание новой машины.

М а р ь я. Она необычная?

И в а н. Как всякая новая.

М а р ь я. Никогда не говорила тебе этого, а сегодня скажу. Я приучила себя прощаться с тобой легко, с улыбкой. Но если бы ты знал, чего мне это стоит! Сколько раз мы расставались за эти четыре года! И каждый раз я внутренне прощалась с тобой навсегда. Я знаю, что любое наше расставание может быть последним.

И в а н. «Жизнь, которая приносит страдания и радости, это и есть настоящая жизнь». Сент-Экзюпери. Как просто и как точно. Мы ведь с тобой верим этому летчику?

М а р ь я. Пожалуйста, береги себя!

И в а н. Все будет хорошо, Машенька! Если бы со мной что-нибудь случилось, то это было бы высшей несправедливостью по отношению не только к тебе, но и…

М а р ь я. Но и?..

И в а н. Но и к нашей дочурке. Все будет хорошо, Маша! Все будет хорошо!..

З а т е м н е н и е

Титры «Байконур» и «1961. 12 апреля. 8 часов 51 минута». Пункт управления. Здесь Сергей Павлович, Николай Петрович, Степан, космонавты, технический персонал. Идет радиопереговор с космическим кораблем. (Радиопереговор документален.)

Николай Петрович. Готовность — пять минут. Поставьте громкость на полную, громкость на полную.

Иван. Вас понял: объявлена пятиминутная готовность, поставить громкость на полную. Полную громкость ввел.

Николай Петрович. Все идет нормально. Займите исходное положение для регистрации физиологических функций.

Иван. Вас понял, все идет нормально, занять исходное положение для регистрации физиологических функций. Положение занял.

Сергей Павлович. У нас все нормально. До начала наших операции — до минутной готовности — еще пара минут. Как слышите меня?

Иван. Я слышу вас хорошо. Вас понял: до начала операций осталась еще парочка минут. Самочувствие хорошее, настроение бодрое, к старту готов, все нормально.

Сергей Павлович. Понял вас, понял хоро-

шо. Минутная готовность. Как вы слышите?

И в а н. Вас понял: минутная готовность. Занимал исходное положение, занял, поэтому несколько задержался с ответом.

С е р г е й П а в л о в и ч. Понял вас. Во время запуска можете мне не отвечать. Ответьте, как у вас появится возможность, потому что я буду транслировать подробности.

И в а н. Вас понял.

С е р г е й П а в л о в и ч. Ключ на старт! Дается продувка.

И в а н. Понял вас.

С е р г е й П а в л о в и ч. У нас все нормально: дренажные клапаны закрылись.

И в а н. Понял вас, почувствовал: слышу работу клапанов.

С е р г е й П а в л о в и ч. Отлично. Идут наддувы, отошла кабель-мачта. Все нормально. Дается зажигание, «Кедр».

И в а н. Понял: дается зажигание.

С е р г е й П а в л о в и ч. Предварительная ступень… Промежуточная… Главная… Подъем!

И в а н. Поехали!..

Документальная запись старта ракеты. Яркая вспышка света. Гул уносящегося ввысь космического корабля. Музыка.

На авансцену выходит Николай Петрович.

Николай Петрович. Труден, тернист путь в космос. Если вы когда-нибудь услышите чересчур бодрый репортаж о работе экипажа на борту корабля или космической станции или прочтете где-то о сверхспособных космонавтах, не верьте этому. Среди наших девизов нет лозунга: «Пришел, увидел, победил». Ни одно серьезное исследование в науке, да и в практике не проходит гладко. Не составляет исключения и космонавтика. В ней не только победы, бывают временные поражения, неудачи и даже трагедии. Таковы факты… Такова жизнь. Но она идет вперед, и все новые и новые маршруты прокладывает в глубинах Вселенной наш советский человек.

Занавес

К. Скворцов
КИБАЛЬЧИЧ
Драма в трех актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

К и б а л ь ч и ч.
В е р а.
З а р ж е в с к и й.
Ж е л я б о в.
С о ф ь я.
Л а в р о в.
Н е ч а е в.
А л е к с а н д р II.
О б х о д ч и к.
П р и т у л а — крестьянин.
С в я щ е н н и к.
П р и с т а в.
Ж а н д а р м.
С о л д а т.
Н а д з и р а т е л ь.
Г е н и й, он же К и б а л ь ч и ч.
С п и н а, Н и щ и й, он же З а р ж е в с к и й.

Россия, 1875—1881 гг.

Первого марта 1881 года в С.-Петербурге бомбой, брошенной неизвестными террористами, был убит царь Александр II.

По делу «1-го марта» перед особым присутствием сената предстали члены исполнительного комитета партии «Народная воля»: Желябов, Перовская, Кибальчич, Михайлов, Рысаков, Гельфман.

Этот выдающийся по своему значению политический процесс закончился приговором к смертной казни всех шести обвиняемых.

АКТ ПЕРВЫЙ

1.1.

Когда я явился к Кибальчичу, как назначенный ему защитник, меня прежде всего поразило, что он был занят совершенно иным делом, ничуть не касающимся настоящего процесса.

Он был погружен в изыскание, которое он делал о каком-то воздухоплавательном снаряде…

Из речи защитника Герарда

Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Март 1881 г. К и б а л ь ч и ч в камере.

К и б а л ь ч и ч
Простой до боли поворот ключа
Мир делит на свободу и неволю.
Непросто человеку оказаться
С той стороны двери, где он свободен.
Но кто мне скажет, где та сторона:
Здесь, в камере, иль там, снаружи?
А может, отделяет эта дверь

Неволю от неволи… Иль свободу
Враз поделила надвое, а люди
От века насмерть бьются за ключи?..
Никчемное занятье!.. Что нас гонит?..
Опасное предчувствие бессмертья
Иль чувство ранней гибели? Зачем
Спешим свершить великое открытье
Себя в себе, а открываем двери
Не те, какие нам открыть хотелось?..
Они — страницы книги бытия —
Неотвратимые, как то пространство,
В которое мы все заключены!
И метил ли тогда в цареубийцы
Мой ум?.. Нет!.. Сердце?..
Никогда! Я знаю,
Что где-то в глубине моей души
Лежит вселенский ключ от мирозданья!..
…И как теперь постыдно и преступно
Все это унести на эшафот,
Куда мне путь указан от рожденья!..
Нет тайн Вселенной!.. Вымыслов давно
Не существует!.. Это — преступленье, —
Так думают с той стороны двери…
А с этой?.. Вижу в том, что есть и было,
Одно — движенье времени!.. И только!..
И если есть убийца во Вселенной,

То это — Время!.. Время и судите!..
Секунды четвертуйте всенародно
И вешайте мгновенья!.. Человеку
Позвольте быть собой!..

Появляется Надзиратель. За ним Заржевский, на груди которого три ордена.

Надзиратель
К тебе защитник.

Кибальчич
Бумагу и перо!

Надзиратель
Запрещено.

Заржевский
Кибальчич!

Кибальчич
Кто ты?

Заржевский
Что с тобой?

Кибальчич
Бывает,
Глядишь на тень, а это — человек,
Глядишь на человека, он — лишь тень.

З а р ж е в с к и й
Не понимаю!

К и б а л ь ч и ч
Много ли дано
Понять нам, если ты… Заржевский, ты…
Защитник мой!

З а р ж е в с к и й
Позволь, но я считаю
Твое необъяснимое участье
В процессе этом — недоразуменьем!

К и б а л ь ч и ч
Вот видишь — непонятно!.. Не старайся
Понять!.. Зачем?.. Ведь создала природа
Нам слово очень ловкое: д о п у с т и м!
Ты допущай почаще!.. Не стесняйся.
Есть в допущенье истина познанья.

З а р ж е в с к и й
Ты странно говоришь…

К и б а л ь ч и ч
Теперь допустим,
Что я, Кибальчич Николай Иваныч,
Здесь, в стенах этих, при свече вот этой,
Чей воск причудливый напоминает
Одним — дерьмо, другим — мозг мирозданья,

Облек в слова и чертежи Идею,
Витавшую во времени… Идею,
Дрожащую на кончике пера
И у Платона, и у Леонардо,
И у Коперника…

З а р ж е в с к и й
Послушай, брось!..
У нас осталось времени немного,
Чтобы теперь с проектами… Ты знаешь —
Последним словом памятен преступник.

К и б а л ь ч и ч
Взгляни-ка вот сюда!.. Ну как?

З а р ж е в с к и й
Что это?

К и б а л ь ч и ч
Воздухоплавательный аппарат!

З а р ж е в с к и й
Допустим… Только на суде…

К и б а л ь ч и ч
Забудь!
Речь не о том, Заржевский… Очень много
Мы, люди, копошимся и мельчим!
Ты — мой защитник…

З а р ж е в с к и й
Извини меня!
Я покаянья ждал, но ты упрям!
Я откажусь!.. Назначен будет Герард.
А он не справится!..

К и б а л ь ч и ч
Подлец!

З а р ж е в с к и й
Да, да…
Ты знал мое паденье!..

К и б а л ь ч и ч
И что?!
Я разве не подал тогда руки,
Чтобы спасти тебя?..

З а р ж е в с к и й
Подал… Но это
И наказуемо!..

К и б а л ь ч и ч
Одна лишь просьба:
Отдай проект защитнику.

З а р ж е в с к и й
Изволь.

К и б а л ь ч и ч

Поскольку мне теперь не суждено
Следить за воплощением проекта,
Мне важно то, что думают о нем
Ученые… Пусть Герард передаст
Проект на заключение. Я верю
В осуществление проекта. Здесь
Все чертежи и описанье… Знай,
Что времени немного, потому
Пусть поторопится!.. Прощай!

З а р ж е в с к и й
Прощай!

1.2.

Народники считали, что русский мужик, «коммунист по инстинкту», готов к революции в России.

Летом 1875 года Кибальчич отправился на Киевщину «в народ» с экземплярами нелегальной «Сказки о четырех братьях».

Провинциальный трактир. У дверей трактира Н и щ и й. Появляется К и б а л ь ч и ч.

К и б а л ь ч и ч
Есть единенье дерева с землей,

Зачем же ввысь все дерева стремятся?..
Я видел ели, тонкие, как нить,
Готовые вот-вот покинуть землю
И в небо унестись, туда, где нет
Кричащих сов, мышиного уюта,
Туда, где абсолютная свобода —
Ни пут земных, ни проливных дождей!..
Свобода!.. Я ли не служил тебе
И с первых дней творенья не стремился
К тебе, познав с Вселенной единенье?
То единенье — сердца и светил!..
И в том предназначение мое
Здесь, на земле: чтоб все, что ввысь стремится
Деревья, скалы, купола церквей, —
Подняться над землей могло однажды…
…Но на земле мне столько вышло дел
Таких земных, что я вдруг ясно понял:
Свободы от земного притяженья
Нет без свободы духа у людей!..
Есть единенье дерева и звезд,
Есть единенье дерева с землею!..

Едва Кибальчич поравнялся с Нищим, как тот запел.

Н и щ и й
Хорошие мои!

Не проходите мимо,
Взгляните на меня,
На нищего банкира!
Как разменял себя,
Я не заметил, люди.
Мы суетимся все
Медяшками на блюде!
Пою не потому, что нет воды и пищи,
А потому, что мир давно такой же нищий!

К и б а л ь ч и ч
А ты философ.

Н и щ и й.
Нынче в мире нет
Философов. Все суета, Кибальчич.

К и б а л ь ч и ч
Ты знаешь, кто я?

Н и щ и й
Нет! Никто не знает
Другого человека. Мне знакомо
Одно лишь имя.

К и б а л ь ч и ч
Ты… Заржевский?!

Н и щ и й

Нет!
Заржевским был… Я имя потерял.
И не стыжусь!

К и б а л ь ч и ч
Я не виню тебя.
Я… я не верю! Ты — Заржевский?.. Ты?..
Тот самый, что недавно в Петербурге…
Не может быть!.. Не верю!

З а р ж е в с к и й
Может… Может!

К и б а л ь ч и ч
Ты призывал идти нас за собой
Сюда, в деревню, бунтовать народ!
И что же?

З а р ж е в с к и й
Я народа не нашел.
Народа нет.

К и б а л ь ч и ч
Ты ль это?!

З а р ж е в с к и й
Нету!.. Нет!

К и б а л ь ч и ч
Единственный защитник. Адвокат,

Каких в России мало… Знаешь, кем
Ты был для нас?.. Послушай, от паденья
Шаг до предательства!..

З а р ж е в с к и й
Все суета!..
Мне нынче повезло… Ты при деньгах?

К и б а л ь ч и ч
Я помогу тебе!

З а р ж е в с к и й
Стакан вина.
Я большего не стою.

К и б а л ь ч и ч
Это ты?
Чьи интересы, мысли, страсть, вся жизнь
Принадлежали…

З а р ж е в с к и й
Я хочу вина.

К и б а л ь ч и ч
…лишь Родине!..

З а р ж е в с к и й
Прошу тебя… Прошу…

К и б а л ь ч и ч

Заржевский!..

З а р ж е в с к и й
Я от имени отвык.
И кто я?.. Что я?.. Ты сказал: Заржевский, —
Как свет зажег… А это страшно: свет!
Внезапный свет, когда ты гол и жалок
Пред целым миром.

К и б а л ь ч и ч
Я боготворил
Всегда тебя.

З а р ж е в с к и й
Я не ходил в героях,
Уже тогда я был рабом.

Появляется П р и т у л а.

Лишь смерть
Освободит, Кибальчич, нас…
(Притуле.)
Эй, ты!
Скажи-ка, братец, что такое смерть?

П р и т у л а
Господь с тобой!..

З а р ж е в с к и й
Не знаешь!

П р и т у л а
Как не знать!
Я видывал не раз. Смерть — это баба!..

К и б а л ь ч и ч
Как звать тебя?

П р и т у л а
Я — Притула, крестьянин.

З а р ж е в с к и й
Я был, как ты, восторжен… И как ты,
Смешон для них. Восторженность, Кибальчич,
Нас выдает. Забудь о ней. Здесь проза.
Мужик чудес не ждет. Топор и трусость —
Его два бога!.. И он служит им
Обоим сразу.
Да ему свобода
И не нужна!.. Ты опасайся здесь
Случайных встреч. Тебя он выдаст.

К и б а л ь ч и ч
Ты…
Ты — труп, Заржевский!

З а р ж е в с к и й
Это странно?..

К и б а л ь ч и ч

Труп!

З а р ж е в с к и й
С той разницею, что хочу вина.

К и б а л ь ч и ч
(Притуле.)
Ты грамотен?

П р и т у л а
Да, помнится, мальцом
Одну книжонку с братом искурил,
Так буквы разбираю!

К и б а л ь ч и ч
Вот тебе
На память книжка от меня… Читай!
Понравится — отдашь другому.

П р и т у л а
Барин
За что уважили?
(Читает.)
Э… Сказку эту
Читай, да и на ус мотай… Потеха!
Чего там не напишут грамотеи!..
Прощайте, барин!
(Уходит.)

З а р ж е в с к и й
Выдавать пошел!
Я знаю их!.. Я знаю!..

К и б а л ь ч и ч
Не кричи!
Ты просто болен.

З а р ж е в с к и й
Он тебя предаст!..

К и б а л ь ч и ч
Эй, эй!.. Извозчик!..

З а р ж е в с к и й
Я хочу вина!

Стук останавливающегося экипажа.

К и б а л ь ч и ч
Садись скорее.

З а р ж е в с к и й
Как тебе угодно.
(Поет, уходя.)
Цыганку я любил
И не боялся сглазу.
Закладывал себя,
Не выкупал ни разу!
Остался у меня

Лишь ключ от тайной дверцы.
Я мертв, я мертв, я мертв,
Коль есть — подайте сердце!
Пою не потому, что нет воды и пищи,
А потому, что мир, как я, такой же нищий!..

1.3.

В сентябре 1875 года крестьянин Притула передал «Сказку» пономарю Стефанюку, тот — священнику Олтаржевскому, который, в свою очередь, переслал книгу киевскому митрополиту, а тот — губернатору.

Вскоре начальник Киевской жандармерии Павлов завел дело по обвинению Н. И. Кибальчича в пропаганде нелегальной литературы.

С.-Петербург. Перед А л е к с а н д р о м I I стоит З а р ж е в с к и й. Мы видим только его спину.

А л е к с а н д р I I
Насильно можно выслушать молитву,
В театре высидеть, но прочитать
Насильно книгу человек не может,
А эта вся зачитана до дыр!

С п и н а
Сюжет простой: пошли четыре брата
Искать по свету…

А л е к с а н д р I I
Знаю!

С п и н а
Государь…

А л е к с а н д р I I
Мне семь ночей в один и тот же час
Приходит сновидение, как будто
Передо мной кувшин… Но только тронь,
Как роза распускается над ним,
Огромная мистическая роза!
Крылатые химеры, словно пчелы,
Над ней летают… Крылья их скрипят,
Как мельницы… И, просыпаясь, я
Все думаю: коль есть такой цветок
И бабочки, то, значит, есть и вихрь,
Терзающий его, и есть рука,
Срывающая розу… А?.. К чему
Все это?

С п и н а
В мире неспокойно.
Повсюду бунты.

А л е к с а н д р I I
Отчего, скажи,
Вот эта сказка мужику важней,
Чем хлеб насущный?.. Библию, должно,
Теперь и не читают?

С п и н а
Государь…

А л е к с а н д р I I
Нет, не читают! Им подай скорей
Что поострей и проще!

С п и н а
Государь,
Он книжицу отнес пономарю,
А тот отдал священнику. Священник
Немедля — губернатору…

А л е к с а н д р I I
Короче!

С п и н а
Так появилось дело.

А л е к с а н д р I I
В добрый час!
(Вручает орден.)

1.4.

19 августа 1875 года Кибальчич вернулся в С.-Петербург. На следующий день он снял квартиру на Петербургской стороне на набережной Большой Невы, № 6.

При обыске, поводом к которому послужила подаренная Притуле «Сказка», было обнаружено: 719 экземпляров газеты «Вперед», издаваемой за границей Лавровым; 89 экземпляров брошюры «В память столетия пугачевщины», издаваемой в Лондоне; 2 листа переведенного на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» и другая нелегальная литература.

С.-Петербург. 11 октября 1875 г. Квартира Кибальчича.

К и б а л ь ч и ч *(один)*

Союзник мой и первый враг мой — память.
Я думал, ты дана для созиданья,
А ты… ты отлучаешь постоянно
Меня от мысли, нужной в этот миг…
Ты — ноша. То легка, то непосильна.
Не отягченный памятью, я к цели

Приду скорей…
Стань палачом, мгновенье!..
Убей во мне о прошлой жизни память!..
Освободи, всесильная минута,
От ненасытных губ, от глаз молящих,
От рук, меня предавших, рук — любивших,
От оболгавших трезвых голосов!..
Идите прочь!.. Беспамятство приемлю
Глухое, как заброшенный колодец,
Где только мох, покой и тишина…
…Но в глубине беспамятства опять
Ее глаза и губы… А быть может,
Открытья все — в одной ее реснице?!
Так стань же милосердным вновь, мгновенье, —
Мой первый враг — союзник первый — память!..

Появляется полупьяный З а р ж е в с к и й.

З а р ж е в с к и й
Удел великих — нищенство, а ты
Живешь в довольстве.

К и б а л ь ч и ч
Помолчи!

З а р ж е в с к и й

Скажи,
Зачем тебе цилиндр? Все равно
Умней не станешь!

К и б а л ь ч и ч
Я прошу…

З а р ж е в с к и й
Гляди:
Изделье «Лондон-74»!..
Ему цены-то нет… А здесь ломбард
Неподалеку.

К и б а л ь ч и ч
Отнеси! Отдай!..
Пропей, иль проиграй, иль…
Оставь меня в покое!

З а р ж е в с к и й
Башмаки.

К и б а л ь ч и ч
Что башмаки?

З а р ж е в с к и й
Христос ходил босым,
А мир постиг!

К и б а л ь ч и ч
Я не Христос!.. Иди!..

Заржевский уходит.

Желанье забытья куда острей
Желанья жизни! То, что изначально,
Влечет его сильней, чем то, что будет.
Небытиё — праматерь бытия
Воистину!

Доносятся шаги.

Вот дьявол!

Входит В е р а. Кибальчич ее не видит.

Что еще?
Бери, что хочешь, только уходи!
Приборы, книги, башмаки…

В е р а
Кибальчич!
Ты дома?

К и б а л ь ч и ч
Вера?

В е р а
Здравствуй!

К и б а л ь ч и ч
Заходи!
Откуда ты?

В е р а
Мне никогда вопросов
Не задавал ты…

К и б а л ь ч и ч
Я молчу. Прости!

В е р а
А ты не рад.

К и б а л ь ч и ч
Я не успел еще
Опомниться!

В е р а
О чем ты?

К и б а л ь ч и ч
Есть порок,
Что называют часто воспитаньем.
Мне б извиниться, мне б сказать: прости,
Работаю!.. Зайди попозже… Нет!
Уже спешу поставить самовар,
Объятья простираю!

В е р а
Вот те на!
Ты выставляешь гостью за порог
Во имя человечества?

К и б а л ь ч и ч
Нет, нет!
Не о тебе я… Это просто к слову.

В е р а
Там вещи у меня!

Кибальчич приносит тюк, оклеенный эмблемами европейских отелей.

К и б а л ь ч и ч
Здесь пол-Европы!

В е р а
Купила, что могла.

К и б а л ь ч и ч
Вот оттого
Я не женюсь!

В е р а
Я — женщина.

К и б а л ь ч и ч
Вот-вот!
А женщины, как мне известно, любят,
Когда им угождают.

В е р а
Мудрость жизни

И в этом есть!

К и б а л ь ч и ч
Иллюзия — не мудрость.
Ведь всё не так!

В е р а
Но я учусь… служу…

К и б а л ь ч и ч
Мы все несем один огромный груз,
Одну Идею, дружно, как варяги
Тащили посуху один корабль,
Взвалив его на плечи. Только мы
Все роста разного: одни, как гномы,
Ногами семенят, и все!.. Другие
Руками держатся, и не поймешь,
Они несут корабль иль их несет
Неведомая сила великанов
Двух-трех, напрягших мышцы до предела!..
Но все — варяги. Все прибудут в греки!

В е р а
Большим всегда груз больший выпадает,
А я невелика!.. И мне легко!..
Мне так легко, что я вот-вот сломаюсь.
Так весело, что опухают веки.
Прости, что я пришла к тебе, Кибальчич,

Но не прийти я не могла.

К и б а л ь ч и ч *(думая о своем)*
Клянусь,
Я ждал тебя… Поверь, я даже счастлив,
Что ты со мною.

В е р а
Я тебе не верю.
Я здесь с тобой, но нет со мной тебя.
Ты вежлив, да!.. О, ты не представляешь,
Насколько ты внимателен. Ты весь…
Весь напряженье!.. Хочешь, я скажу,
О чем ты думаешь? Ты повторяешь
Стократно имя, чтобы не забыть,
Как называть меня… Да, да!.. Но я
Не обижаюсь, а ведь это страшно —
Быть при тебе невидимой!

К и б а л ь ч и ч
Ты можешь
Уйти совсем иль навсегда остаться, —
Мне все равно, пока со мной работа.
Но на земле нет женщины желанней
Тебя!

В е р а
Остановись, Кибальчич!

Ведь ты опасен!.. Более того,
Ты… ты преступник!.. Ты убил себя!..
Уже убил!..

К и б а л ь ч и ч
Песочные часы
Дала природа нам. Две равных колбы.
Одна полна — то наша жизнь. Вторая
Пуста — для дела жизни, для Идеи.
Сквозь разум наша жизнь перетекает
В другую колбу, становясь Идеей.
Так мыслю я себе. Вот вся премудрость.
А смерти нет!

В е р а
Но я хочу любви!
Скажи, что́ без нее озноб познанья,
Ожоги революций? Без наград
Нет состязаний.

К и б а л ь ч и ч *(раздражаясь)*
Тайною природы
Всегда пребудет женщина. У вас
Есть милое до жути назначенье —
Все превращать в игру. В забытых кукол
Вы ловко обращаете мужчин —
И вот успех! Есть высшая награда
Любовь, а есть к о с т е р.

Мой жребий брошен —
Alea jacta est — не говори
О самоотреченье… Все банально.
Я так живу.

В е р а
Ты счастлив, Николай?

К и б а л ь ч и ч
Я так живу…

В е р а
Но мне не все равно —
Уйти совсем иль навсегда остаться!
Ты знаешь, я завидую вещам,
Которых ты касаешься руками
И взглядами. Я бы осталась здесь
Свечой вот этой или легкой тенью,
Скользящей за тобой.
Но жребий брошен —
Alea jacta est! — ты прав, Кибальчич!..
Вот саквояж… Ты думаешь, что в нем
Мои наряды?.. Спрячь его подальше.
За ним придут товарищи. Ты нам,
Надеюсь, не откажешь?.. У таких
Жандармы не гостюют.

К и б а л ь ч и ч

Поживиться здесь нечем им.

В е р а
Ну вот и объяснились.
Прощай!

К и б а л ь ч и ч
Останься!

За дверью слышен грохот.

В е р а
Что это?

К и б а л ь ч и ч
Заржевский из ломбарда.

В е р а
Я уйду!

К и б а л ь ч и ч *(показывая запасный выход)*
Сюда!

В е р а
Спасибо и прощай!

К и б а л ь ч и ч
Прощай!

Вера уходит.

Кибальчич открывает дверь. Появляются жандармы.

Пристав
Кибальчич?

Кибальчич
Но позвольте, господа…
Что это значит?

Пристав
Ай не видишь? Обыск!

Кибальчич
Ворваться в дом!..

Пристав
А мы при понятой,
Как по закону!..

Женский голос
Ничего не взяли!

Пристав
Ты вот каков!

Жандарм
Ученые, должно быть.

Пристав
Выкладывай!

К и б а л ь ч и ч
О чем вы?

П р и с т а в
Не юли!
Оружие и тайные бумаги,
К храненью не дозволенные. Мне
Приказ таков.

Ж а н д а р м
Не гневайтесь.

К и б а л ь ч и ч
Приказ? Ищите, коль найдете.

Ж а н д а р м
Здесь замок! И здесь…

К и б а л ь ч и ч
Ломайте!

Ж а н д а р м
Дорогая вещь!

П р и с т а в
Ломай!.. Ну что там?

Ж а н д а р м
Нету ничего!
Должно, в подполье!

П р и с т а в
Где тайник?.. Живей!..

Ж а н д а р м (распаковывая тюк)
Уж не извольте гневаться… Чутье!
Из деревенских я и, знамо дело,
Лишь тюк поднял, сообразил, что в ём!
Навоз и книги в тяжести своей
Друг друга стоят!..

К и б а л ь ч и ч
Что я должен делать?

П р и с т а в
Поедешь вместе с нами.

К и б а л ь ч и ч
У меня
Нет денег на извозчика.

П р и с т а в
Шалишь!
Мы за казенный счет. Покажь-ка руки!
(Надевает наручники.)

Жандармы уходят.

К и б а л ь ч и ч *(оставшись один)*
Я посмотрел на линии руки,
Судьбу мою вместившие… Жестоко

Рок начертал их… Линия страданий
И росчерк лжи… Вот зависти зарубка,
Вот линия желаний — все нелепо
Вдруг обрывается, едва начавшись…
И лишь одна, что Жизнь обозначает,
Та — бесконечна!.. Вот она… Так, значит,
Мне быть, когда окончатся страданья,
Не зная Гнева, Зависти, Любви;
Глухому слышать крик свой — прежний крик!..
Слепому видеть солнце — то, что было!..
Кричать беззвучным ртом: я существую!..
И старой мыслью обновлять миры!..
Вселенная — пересеченье линий!..

1.5.

После трехлетнего пребывания под следствием в 1878 году суд приговорил Кибальчича к месячному заключению за распространение нелегальной литературы.

«Тюремное заключение более или менее продолжительное оказывает на неустановившихся людей одно из двух влияний: одних лиц — неустойчивых и слабых натурой — оно запугивает и заставляет отречься от всякой деятельности в будущем. Других же, наоборот, закаляет, заставляет стать в серьезные отношения к делу, которое представляется теперь главной задачей жизни. Я принадлежу к числу вторых».

Н. Кибальчич

Московский пересыльный замок. 1878 г. Пустая камера. Ж а н д а р м вводит К и б а л ь ч и ч а.

Ж а н д а р м
Освободилась только, занимай!
Здесь поуютнее.
(Уходит.)

К и б а л ь ч и ч
Куда уютней!
Вода стучит, как много лет назад!..
Как много лет вперед…

Каждое в своей плоскости возникают зареше-

ченные окна. За ними — н а р о д о в о л ь ц ы.

Н е ч а е в
Кибальчич!

К и б а л ь ч и ч
Да!

Н е ч а е в
Сегодня?

К и б а л ь ч и ч
Я не знаю.

Н е ч а е в
Ты крепись!
Теперь уж скоро, коль перевели.
Подолгу здесь не держат. Приговор —
Иль в петлю, иль на волю.

К и б а л ь ч и ч
Все одно:
Свобода за воротами тюрьмы
Не начинается. Свобода наша
Лишь в нас самих… Три года ждать суда
И осужденным быть на месяц!.. Вот
Все правосудие!

Н е ч а е в
Зато меня —

К пожизненному — без суда, и, в среднем,
В империи порядок!

К и б а л ь ч и ч
Кто здесь был?
Здесь, до меня?

Н е ч а е в
Товарищ наш.

К и б а л ь ч и ч
Я видел,
Как повели его. Куда?

Н е ч а е в
Свобода
Не для него…

К и б а л ь ч и ч
Но шел он так спокойно!..

Н е ч а е в
Пророк, постигший мир, всегда спокойней,
Чем палачи…

Барабанная дробь.

Г о л о с
Да здравствует свобода!

Ж е л я б о в

Товарищи!..
Клянемся отомстить
За каждый крик задушенный, за слово,
Растерзанное псами!

Г о л о с а
Мы клянемся!

Л а в р о в
Отныне бог один — террор!.. Террор!..
И только выйду…

Ж е л я б о в
Ты погубишь дело.

Л а в р о в
Всех разом!.. Всю фамилию!..

Ж е л я б о в
Опять
Ты за свое!

Л а в р о в
Всему виною царь!

Н е ч а е в
У нас нет динамита.

Л а в р о в
Есть Европа!

К и б а л ь ч и ч
Мы можем сами получить. К тому
Есть всё у нас.

Ж е л я б о в
Сегодня ты уйдешь
Туда, на волю… Помни об одном:
Ты занимался поиском энергий
В религии, в земле, в телах небесных,
В природе человека…
Ты был близок
К открытию, которое повергло б
В унынье человечество иль в радость,
Какой оно не знало… Это так.
Но нам сегодня… нам нужна наука…

К и б а л ь ч и ч
Я понимаю, что же убеждать?

Ж е л я б о в
Нас, убежденных, много, — нет борцов!
По тюрьмам все… Но нам и заключенье —
Борьба пожизненная.

Н е ч а е в
Четыре года
Готовимся мы встретить государя
Здесь, в крепости. Он каждый год сюда

Приходит к императорским могилам
На поклонение…
Пусть мне еще
Понадобятся годы, но клянусь,
Что я взбунтую царскую охрану!

Ж е л я б о в
Нечаев, это невозможно!

Н е ч а е в
Нет,
Нет невозможного!

Входит Ж а н д а р м.

Ж а н д а р м
Кибальчич?

К и б а л ь ч и ч
Да.
Прощай, Нечаев!

Ж а н д а р м
Торопись!

Н е ч а е в
Прощай!

Л а в р о в
До встречи!

Ж е л я б о в
Жди нас всех!

К и б а л ь ч и ч
Даю вам слово
Употребить все знания и силы
На дело революции!.. Свобода
Пусть станет богом нашим. Я займусь
Наукою, которая теперь
Мне кажется важнейшею!..

Н е ч а е в
Прощай!..

АКТ ВТОРОЙ

2.1.

19 декабря 1878 года министр внутренних дел разослал всем губернаторам секретный циркуляр: «Сын священника Николай Иванович Кибальчич, находившийся под надзором полиции в гор. С.-Петербурге… 20 октября отметился выбывшим в Москву, но… в Москву не прибывал…»

«В конце весны 79 года, когда борьба между правительством и партией обострилась до крайней степени, я, сознавая, что в такое время обязанностью каждого, разделяющего известные убеждения, является активное содействие партии, предложил через Квятковского свои услуги революционной организации…»

Н. Кибальчич

Квартира Кибальчича. Август 1879 г.

К и б а л ь ч и ч *(один)*

Из уважения к самим себе
Мы сами возвеличиваем часто
Своих врагов… И мне понятен этот
Порок людей, — как беспорочность птиц!
Я одного осмыслить не могу —
Предательства… Оно закономерно,
Как героизм. Как свет дневной и тень.
Как свет и тень… Предмет и тень… Да, да!..
В день пасмурный мы не встречаем тени,
Но всходит солнце — и во всей Вселенной
Вмиг оживают эти привиденья!..
Не убежать от них и не укрыться…
Сразиться с тенью можно новым светом!
Так, значит, все предательства от солнца,
От мысли, свет несущей, от Идеи,
И уничтожить можно только мыслью
Предательство, несущее в себе
Отчаянье ничтожества?! Но, люди,
Нас свет слепит, и мы теней не видим.
Нас предают, не пряча глаз, как прежде.
И в добродетель превращен порок.
И потому предатели безлики!..
Но все ж благословен будь этот мир,
В который мы пришли и не уйдем,
Пока не потрясем его основы!..

Появляется З а р ж е в с к и й. Кибальчич его

не видит.

Что в сущем есть загадочнее?..

З а р ж е в с к и й
Что?
Загадочнее человек!..

К и б а л ь ч и ч
Сдаюсь!
Заржевский, ты ли?.. Ну, брат!.. Европеец!..
Позволь обнять!.. Я потерял тебя.

З а р ж е в с к и й
Россия велика!

К и б а л ь ч и ч
Тесна Россия!
Ты преуспел!.. Я рад!

З а р ж е в с к и й
Спасибо.

К и б а л ь ч и ч
Где ты
И кто?

З а р ж е в с к и й
Я вывел формулу успеха
И ей живу.

К и б а л ь ч и ч
Скорей поведай миру!

З а р ж е в с к и й
Успех есть жизнь за вычетом соблазнов.
(Пишет мелом на стене.)
«G» минус «S»!

К и б а л ь ч и ч
Так просто?

З а р ж е в с к и й
Не скажи!
Подставь хотя б на час свои значенья —
И все поймешь!

К и б а л ь ч и ч
Загадка человек.

З а р ж е в с к и й
Да — человек, а не твоя наука.
Все истины, энергии — всё в нем.
Он совершенен!..

К и б а л ь ч и ч
Как же он тогда
В несовершенном мире существует?
Где точка, на которой пребывает
Мир в этом ненадежном равновесье?

Гармония…

З а р ж е в с к и й
Гармония Вселенной
Откроется не нам… Нас манит з а в т р а!..
Игрок ведет опасную игру
Без козырей, и вдруг!..

К и б а л ь ч и ч
Когда на карте
Судьба России…

Входит В е р а.

З а р ж е в с к и й
Вот моя жена.
(Вере.)
Позволь тебя представить…

В е р а
Мы знакомы.

З а р ж е в с к и й
Простите, я забыл.

В е р а
Кибальчич!..

К и б а л ь ч и ч
Да.

В е р а
Я рада видеть…

К и б а л ь ч и ч
Я… я тоже рад.

В е р а
Прошло три года…

З а р ж е в с к и й
Ты считала годы?

В е р а
Кибальчич, он ревнует!.. Берегись!..

З а р ж е в с к и й
Ревную… Да!

В е р а *(Кибальчичу)*
Я изменилась?

К и б а л ь ч и ч
Я
Не знаю.

В е р а
Почему?

К и б а л ь ч и ч
А для меня
Все женщины… все на одно лицо.

В е р а
Благодарю, утешил!

К и б а л ь ч и ч
Не сердись!

З а р ж е в с к и й
Я лишний здесь?

В е р а
Вот адрес. Позови
Товарищей сюда. Здесь безопасней.

З а р ж е в с к и й
Кибальчич, не женись!

К и б а л ь ч и ч
Я не Кибальчич!
Я третий месяц как Агаческулов
И Дорошенко!

З а р ж е в с к и й *(уходя)*
И еще Самойлов!

В е р а
Прости меня… Когда б я знала… Но…
Тогда… так неожиданно.

К и б а л ь ч и ч
Всему

Свой срок. И, Вера, ты права.

В е р а
Права?
Не понимаю.

К и б а л ь ч и ч
Формула успеха:
«G» минус «S»!

В е р а
О чем ты?

К и б а л ь ч и ч
Подставляю
Свои значенья в формулу.

В е р а
И как?
Я жду, Кибальчич!

К и б а л ь ч и ч
Равенство неверно!
Успех любого дела есть соблазн!
Соблазн познания.

В е р а
Мир говорит
Устами избранных. За что одним
Даны и ум, и красота, и слава,

Другим — ничто?

К и б а л ь ч и ч
Им жизнь дана, и тем
Все сказано.

В е р а
Дано подобье жизни.
А это скучно!

К и б а л ь ч и ч
Ищем символ тайный
В колоде дров и знаках зодиака
И забываем первородный смысл
Полена и звезды.

В е р а
Ждать столько лет,
Чтоб так вот встретиться!

К и б а л ь ч и ч
Ждать?

В е р а
Имена
Носить чужие, жить в чужих домах!..
Квартиры, паспорта… опять квартиры…
Фиктивный муж… фиктивная судьба…
Чьей только не была я… И ничьей

Не быть в конечном счете!..
Все игра,
Азартная до самоотреченья…
Но без нее я б не могла… Она
И стала жизнью!

К и б а л ь ч и ч
Ты прости меня.
Я думал, что Заржевский…

В е р а
Помолчи.
Мне кажется, я прихожу сюда
Предвестницей беды… Назад три года
Вот так же здесь…

К и б а л ь ч и ч
Пустое. Позабудь!
Ты ни при чем. Напротив, я тебе
Лишь благодарен.

В е р а
Твой арест…

К и б а л ь ч и ч
В тюрьме
И есть, мой друг, то ощущенье жизни,
Свободы, братства, без чего мы все
Не общность, а общественность слепая,

Способная иметь чужое мненье,
А не оружие!

В е р а
Ты стал другим.

К и б а л ь ч и ч
Нет, Вера, нет!

В е р а
Другим!.. В тебе живут —
Не смейся только — несколько людей.
И каждый — ты!.. Тебя в тебе так много,
Что я вдруг устаю… Мне только ясно:
Я не смогла б с тобой быть больше часа,
Но и не быть совсем я не могу.
Твой гений раздражает.

К и б а л ь ч и ч
Гений? Мой?!
Не льщу себя надеждой прикоснуться
К истории… Так мало ниспровергнуть
Правительство, восстановить законы…
Богатство, мощь, стабильность государства
В духовности его людей!.. В веках
Пребудет вечно тот, кто вдруг расширит
Нам чувственное восприятье мира,
Кто нас научит глубже сострадать,

Любить и мыслить!

В е р а
Я люблю тебя
За то святое отношенье к делу,
Которым ты живешь. Но отчего
Ты сам себе синод и государство,
Элита и толпа?.. Ты судишь сам
И сам же отбываешь наказанье
В себе самом!..

К и б а л ь ч и ч
Прости, я предлагал
Свои услуги партии.

В е р а
За тем
Мы и пришли к тебе. Никто другой
Нам не поможет. Нужен динамит.
И только ты способен…

К и б а л ь ч и ч
Бомбы?

В е р а
Да.

К и б а л ь ч и ч *(показывая на стол)*
Вот погляди сюда.

В е р а
Что это?

К и б а л ь ч и ч
Проба.

В е р а *(бросаясь к столу)*
Кибальчич!..

К и б а л ь ч и ч
Осторожно!

Вера роняет колбу.

Берегись!
(Прижимает Веру к себе.)

Раздается взрыв.

Ты побледнела… Испугалась?

В е р а
Да.
Что это было?

К и б а л ь ч и ч
Нитроглицерин.

Стук в дверь.

В е р а
Жандармы!..

К и б а л ь ч и ч
Не должно…

В е р а
Но все равно
Накроем стол!

К и б а л ь ч и ч
Вот скатерть… Вот цветы…

В е р а
Поставь графин!

К и б а л ь ч и ч
Войдите!

Входят Ж е л я б о в, С о ф ь я, Л а в р о в, З а р ж е в с к и й.

Ж е л я б о в
Что у вас
За взрывы?

С о ф ь я
Здравствуйте!..

К и б а л ь ч и ч *(отвечая на приветствие)*
Открыл бутылку
Шампанского неосторожно!..

С о ф ь я
Да,
Таким вином недолго с ног свалить!

К и б а л ь ч и ч
Лавров!

Л а в р о в
Кибальчич!

К и б а л ь ч и ч
Здравствуй! Ты ли это?
Что там Нечаев?

Л а в р о в
Связи больше нет.

К и б а л ь ч и ч
Опять провал?

Л а в р о в
Мне это неизвестно.

Ж е л я б о в
Приступим к делу!.. Довожу до вас
Решенье сходки.
(Читает.)
«Приговор царю.
За бесправье и нищету русского народа, за суды-убийства

Исполнительный комитет партии «Народная воля»
приговаривает царя-узурпатора к смертной казни.
Приговор должен быть исполнен
в ближайший месяц».

Лавров *(доставая карту)*
Предлагаю план:
Царь выезжает поездом на юг.
Под Александровском есть два откоса.
Вопрос лишь в динамите.

К и б а л ь ч и ч
Мины будут.

С о ф ь я
Я остаюсь для помощи.

В е р а
И я.

2.2.

С.-Петербург. 1879 г. А л е к с а н д р I I и С п и н а.

А л е к с а н д р I I
Опять ты здесь?

С п и н а
Простите, государь!
Долг пред отечеством всего превыше.

А л е к с а н д р I I
О долге после. Что там?

С п и н а
Доношу:
«За зло, которое он совершил,
За все суды-убийства, за бесправье
Народа русского, за нищету
Главнейший столп реакции и лжи
Царь-узурпатор должен быть казнен
В ближайший месяц».

А л е к с а н д р I I
Кто же?

С п и н а
Исполком
«Народной воли».

А л е к с а н д р I I
Где?

С п и н а
Вас будут ждать
Под Александровском.

А л е к с а н д р I I
Все покушенья
Есть жертвоприношения… А я
Пред богом невиновен, оттого
Меня хранит он.

С п и н а
Повелите их
Арестовать?

А л е к с а н д р I I
Зачем?.. Еще не срок.
Мне нравится игра, что холодит
Порою кровь… В меня уже стреляли,
И что же? Я живу — посланник бога!
Есть миссии господни на земле
У нас, царей.

С п и н а
Но, государь…

А л е к с а н д р I I
Игра!
Один удар расстроит пирамиду, —
И не собрать шаров!.. Но есть восторг
Глядеть на поле, видеть в нем Россию,
Жезл для удара занеся.

С п и н а

И все же
Не следует вам ехать.

А л е к с а н д р I I
Я поеду!

С п и н а
Пусть вас хранит господь!

А л е к с а н д р I I *(подавая орден)*
Благодарю.
С п и н а
Долг пред отечеством всего превыше.

А л е к с а н д р I I
Долг пред царем.

С п и н а
Спасибо, государь!..

2.3.

Закладывая мину под полотно железной дороги под Александровском, пробыл в дороге четверо суток без сна…

Ждали взрыва, но царь благополучно проследовал по Лозово-Севастопольской ж. д. Это огорчило. Оставалась надежда на Москву…

Из воспоминаний народовольцев

Железнодорожный пост. Жандарм, Пристав, Обходчик, Вера и Кибальчич.

Вера
Мы к поезду…

Жандарм *(Кибальчичу)*
Позвольте документ!

Пристав *(показывая Обходчику фото)*
Не видел?

Обходчик
Вроде нет!

Жандарм
Мы ждем царя
Проездом нынче.

Обходчик
Да пора б уже.

Ж а н д а р м *(читая)*
«Коллежский регистратор Иваницкий
С женой Елизаветою…» Не те…
(Возвращает документ.)
Простите, служба!

П р и с т а в
Честь имеем быть!

Жандарм и Пристав уходят.

О б х о д ч и к
Житья не стало… Каторжника ищут.
Да где его найдешь?.. Серег в ушах
Теперь не носят. Клейм не ставят нынче.
Он человек среди людей, как все…
А загляни в глаза — преступник каждый:
Один украл; другой убил жену;
Пьет третий; врет, божась, четвертый;
А пятый вроде бы ни то ни се,
Но тем преступник больший, чем другие.
Нет человека,
чтобы мог сказать:
«Я чист пред небом и собою».

В е р а
Есть.
Есть и такие!

О б х о д ч и к
Я их не встречал.

В е р а
А что, коль убивает человек
Во имя блага?

О б х о д ч и к
Все равно убийца!
Как ни крути.

Входит Л а в р о в.

В е р а
Ну что там?

Л а в р о в
Все готово.
Осталось только ждать…

К и б а л ь ч и ч *(Обходчику)*
Скажи, любезный,
Что поезд царский?

О б х о д ч и к
Зря, что ль, битый час
Я пуговицы чищу? Телеграмма
Уже была… Мы час от часу ждем.

Л а в р о в

И частый гость он?

О б х о д ч и к
А не чаще вас,
Но нам и это праздник! По жандарму
На шпалу каждую одной охраны!
Да нешто мы разбойники какие?!
Мы — люди смирные.

В е р а
А говорил,
Что все — преступники!

О б х о д ч и к
Так то по жизни,
А в службе мы смиренные… Хотя
Случается: стоишь как столб один
Среди путей… Развилка в две дороги.
Вдруг слышишь — поезд!.. Ты уже не столб,
Ты… бог в преддверии и сам решаешь,
Куда его направить: в ад иль в рай,
Налево иль направо, будто правишь
Двумя мирами!..

Л а в р о в
И куда же ты
Их направляешь?

О б х о д ч и к

В окнах — господа
Такие, что и поклониться благо
Им в ножки белые… А честь отдать —
Так это ж… сам в раю!..

Г о л о с
Эй, телеграмма!

Обходчик уходит.

Л а в р о в
Уснуть бы на часок!

К и б а л ь ч и ч
Еще немного.
Крепитесь, господа.

Появляется О б х о д ч и к.

О б х о д ч и к
Жандарму почта.
Секретная, видать.

Л а в р о в
Позволь-ка мне…

О б х о д ч и к
Нам не положено…

Л а в р о в
С кем говоришь?!

О б х о д ч и к
Прошу прощенья!
(Отдает телеграмму.)

Л а в р о в (читая)
«Государь сей день
Проследовал благополучно по
Лозово-Севастопольской дороге».

О б х о д ч и к
Другою веткою!.. За что же так?
Не я ли месяц чистил фонари,
Подсаживал деревья?.. Я цветы,
Пусть восковые, по кустам крепил!
А мой мундир?.. А пуговицы, а?!
Я красил камушки и составлял
Слова святые: слава, мол, царю.
А он — другой дорогою!.. За что?..

К и б а л ь ч и ч
Немедля уходить.

Л а в р о в (возвращая телеграмму)
Мы уезжаем!

О б х о д ч и к
Но поездов не будет!

К и б а л ь ч и ч

Все равно!
Мы на извозчике.

В е р а
Прощай!

О б х о д ч и к
Прощайте!
Не спать две ночи… И уйти пешком…
Так господа не делают…

К и б а л ь ч и ч
Прощайте!

2.4.

2 апреля 1879 года Соловьев стрелял в царя.

22 ноября стало известно о неудачном покушении под Москвой.

5 февраля 1880 г. была взорвана царская столовая.

Квартира
Кибальчича. Собрание н а р о д о в о л ь ц е в.

Ж е л я б о в
Единой страстью мы живем, одним
Дыханием, одним единым сердцем

Во имя матери одной — России!..
Единым горем содрогались мы,
Друзей теряя, и восторг единый
Познали мы, когда нас ждал успех!
И революция — закон наш высший
Один для всех, мы приняли его.
И каждый трижды был проверен в деле.
Я верю всем и каждому из вас.
Но факты против — среди нас предатель!

В е р а
Желябов!

Л а в р о в
Прекрати!

К и б а л ь ч и ч
Пусть говорит!

Л а в р о в
А виселицы и суды!..

В е р а
А пытки!...

Ж е л я б о в
Я сам готов за каждого из вас
Пойти на смерть!.. Но факты, факты, факты!..

З а р ж е в с к и й

Что факты?

Ж е л я б о в
Соловьев стрелял в царя…

З а р ж е в с к и й
Без нашей санкции!

Ж е л я б о в
Пусть неудача!
Под Александровском мы ждем его,
А он — другой дорогой!.. Пусть случайность!
Ждем поезд под Москвою. Взрыв!.. И что же?
Он — невредим!.. Пусть динамит повинен.
Но в Зимнем тот же самый динамит
Столовую царя взметает в воздух,
Но он… опаздывает вдруг к обеду,
Забыв о пунктуальности… Что это —
Случайность иль предательство?

З а р ж е в с к и й
Все так!
Предательство — твердит рассудок здравый,
Предательство, и только…
Но, друзья,
В рассудке здравом есть один порок —
Конкретность мысли, а она есть ложь!
Чем мысль конкретнее, тем лживей, лживей!

Но миром правит высшая разумность,
И, может, провидение само
Хранит царя?!

В е р а
Так что же?.. Отказаться
Совсем от цели?

З а р ж е в с к и й
Надо переждать,
А коли есть предатель — покарать!

С о ф ь я
Предатель даже смерти недостоин!
Нельзя же на одном кресте распять
Иуду и Христа!

Л а в р о в
Иуда — царь!
Всех разом!.. Всю фамилию!..

В е р а
Виновен
Лишь самодержец!..

З а р ж е в с к и й *(наступая на Кибальчича)*
Нет!.. Виной — наука!
Кто развращает нацию?.. Ученый

С его проектами. До паровоза
Мы были нравственнее. Дым разъел
Нам души и глаза!

К и б а л ь ч и ч
Но без науки
Мы б жили на деревьях.

З а р ж е в с к и й
А зачем
Крестьянам знанье, что Земля кругла, —
Они по ней не ездят!.. Но скажите,
Кто… кто в России совершенней всех?
Кто бережет язык наш и привычки?
Все он — крестьянин!..
Что он без царя,
Без поклонения?! Мне чужд террор!

Ж е л я б о в
Вы совмещаете легко с Россией
Убогость, трусость, чинопреклоненье!

З а р ж е в с к и й
Я б не был здесь!..

Ж е л я б о в
Мы сочетаем с ней
Террор и революцию!

З а р ж е в с к и й
Убийство
Во имя гуманизма?

Л а в р о в
Только так!

З а р ж е в с к и й
Разумно ли?

Ж е л я б о в
А это порешит
Организация. У нас есть цель,
И это главное. Да, торжествует зло,
Но коли нам дано его осмыслить,
Мы и должны покончить с ним. Народ
Сигнала ждет!.. А мы… мы сотрясаем
Словами воздух!.. К действию сейчас
Немногие способны!

Л а в р о в
Лишь террор,
Террор спасет Россию!

С о ф ь я
Как сигнал
К всеобщему восстанию… Мужик,
Он… по инстинкту коммунист, и я
Уверена, что он пойдет на бунт

И революцию!

З а р ж е в с к и й
Народ пойдет!
Но где уверенность, что завтра нас
Не продадут свои?

Ж е л я б о в
В великом деле
Событья движут не одни герои,
И нас не остановят ни ищейки,
Ни страх, ни жертвы… Путь, что нам начертан,
Мы до конца пройдем!.. Пусть это знает
И тот, кто предает нас!..

З а р ж е в с к и й
Но должны
Мы действовать наверняка!

Ж е л я б о в
Есть план.
(Разворачивает карту.)
Пред нами Петропавловская крепость.

Л а в р о в
Мы узнаем.

Ж е л я б о в
Нечаев восемь лет

Готовил этот план. В известный день
Со свитой в Петропавловский собор
Прибудет царь почтить усопших предков.
Среди гробниц его захватят в плен, —
К тому есть подготовленные люди
В охране крепости… Ну, а престол
Мы волею народа отдадим
Наследнику. Ему условья наши
Передадут.

З а р ж е в с к и й
А если неудача?
Гарантий нет.

Ж е л я б о в
Гарантии дают,
Когда кареты чинят!.. У кого
Какие мнения?

Л а в р о в
Принять!

В е р а
Принять.

З а р ж е в с к и й
Воздерживаюсь.

К и б а л ь ч и ч

За.

С о ф ь я
Принять.

Ж е л я б о в
План принимаем полностью, а день
Оговорим особо. Всем сменить
Сегодня же квартиры. Уходить
Прошу по одному.

Остаются Желябов, Кибальчич, Софья.

Постой, Кибальчич!
Ты отчего молчал?

К и б а л ь ч и ч
Прекрасный план.
Осуществим ли?

Ж е л я б о в
Есть еще один,
Но с бóльшим риском.

К и б а л ь ч и ч
Важен результат.
Сорвавшись в пропасть, вспоминать о риске
Не для меня.

С о ф ь я *(Желябову)*

Мы всё должны учесть!

Появляется С о л д а т.

С о л д а т
Позвольте!

Ж е л я б о в
Заходи!

С о л д а т
Я — Пастухов.
Из крепости.

Ж е л я б о в
Я знаю.

С о л д а т
Вам привет
Нечаев шлет.
(Передает письмо. Пытается уйти.)

Ж е л я б о в
Не уходи!
(Читает письмо.)
Так… так…
(Что-то пишет.)

С о ф ь я *(Солдату)*
Ну как там?.. Все готово?

С о л д а т
Все как есть!
Команды ждут. Вот будет заваруха!..

Ж е л я б о в *(отдавая ответ)*
Доставишь в крепость. Срочно.

С о л д а т
Никак нет!
Там больше не служу. Переведенный
На острова согласно циркуляру.

Ж е л я б о в
Он все продумал…
(Солдату.)
Извини, прощай!..

С о л д а т
Храни вас бог! Прощайте!
(Уходит.)

С о ф ь я
Добрый путь!
Ж е л я б о в *(сжигая письма)*
Невероятно…

С о ф ь я
Что стряслось?

Ж е л я б о в

Нечаев
Мой план считает лучшим, потому
Свой отвергает!

С о ф ь я
Отказавшись, он
Сам обречет себя…

Ж е л я б о в
Уже обрек.
И, понимая это, все ж находит,
Что вероятнее казнить царя
На улицах. Пусть все считают,
Что в действии наш прежний план, о новом
Ни слова никому.

С о ф ь я
А долгий труд?
Его побег?..

Ж е л я б о в
Он остается там.

С о ф ь я
Но это нам решать!

Ж е л я б о в
Все решено!
Он выбора не дал нам, все пути

К себе отрезав!.. Это первый камень
На усыпальницу царя. И нам
Идти за очистительною жертвой,
Коль миром правит высшая разумность!..

2.5.

С.-Петербург. А л е к с а н д р I I и С п и н а.

А л е к с а н д р I I
Все в государстве, как в колоде карт,
Расписано навеки. Есть шуты,
Тузы, шестерки, короли и дамы.
Так ты смирись, коли тебе от века
Написано шестеркой быть трефовой, —
В тузы не меть!.. Я неповинен в том,
Что был рожден царем, но я терплю.
Я знаю: мир уже не переделать!
На картах судеб написал Художник
Путь каждому, распорядившись сущим.
И нам идти, пока нас не сотрут
В своей игре слепые пальцы мира!

С п и н а
Слепые, государь!
Мы слепы все —
Твои глаза!..

А л е к с а н д р I I
Что там?

С п и н а
В известный день
Со свитой в Петропавловский собор
Прибудет царь почтить усопших предков.
Среди могил его захватят в плен —
К тому есть подготовленные люди
В охране крепости…

А л е к с а н д р I I
Но крепость та
Свидетельствует прочность трона!
И там изменники?! Непостижимо!

С п и н а
Нечаев много лет готовил их.

А л е к с а н д р I I
Вот, господа, к чему ведет гуманность!

С п и н а
Возмездие грядет… Вот адреса.
Фамилии…

А л е к с а н д р I I
Судить!.. Всех, всех судить!

С п и н а

Желябов арестован!

А л е к с а н д р I I
Ну так что?

С п и н а
Змея без головы не так опасна,
Как с головой.

А л е к с а н д р I I
Но помни, в русских сказках
Все змеи трехголовые!

С п и н а
Отрубят
И остальные.

А л е к с а н д р I I
Дай-то бог!
(Прикрепляет орден.)
Иди!

С п и н а
Спасибо, государь! Пусть вам покой
Пошлет господь.

А л е к с а н д р I I
Иди. Цари спокойны,
Покуда виселицы есть в России!..

АКТ ТРЕТИЙ

3.1.

С.-Петербург. 1 марта 1881 г. Полуподвал. С о ф ь я и К и б а л ь ч и ч.

С о ф ь я
Спокоен город, будто ничего
Не происходит… Или он привычен
К предательствам, облавам, беззаконью,
И не волнует больше никого,
Что рядом тихо исчезают люди?..
Мы без Желябова…

К и б а л ь ч и ч
Ты заменила
Его достойно.

С о ф ь я
Он незаменим!
Так громко жить — и так исчезнуть тихо!

К и б а л ь ч и ч
Но эхо этой тишины вот здесь.
Вот в этих бомбах!

С о ф ь я
Погляди туда:
Вытряхивает булочник мешки
На середине улицы, не зная,
Что он стоит сейчас на динамите,
И стоит топнуть посильней ногой
Взлетит на воздух!

К и б а л ь ч и ч
Не взлетит.

С о ф ь я
Мир полон
Своих забот… Кухарка выметает
Последних околевших тараканов,
Трактирщик — пьяниц!.. Осознанье всеми
Одной большой заботы — вот что нас
Возвысит до борьбы, до Человека!..
И это все должно произойти
Сегодня, может…

К и б а л ь ч и ч *(прерывая)*
Свойственно нам всем,
Когда мы вкладываем в дело жизни
Все, что имеем, ошибаться!.. Да!..
Себя мы осязаем центром мира!
Нам кажется, что люди всей земли
Должны взирать на нас как на богов.

А человечество подчас не знает
Не только нас, но и своих героев,
Достойных этой славы…

С о ф ь я
Ты увидишь
Еще сегодня… Ты увидишь: здесь
Пойдет народ!.. И будут говорить:
«Да здравствует свобода!..» В этом слове.
Где наши имена
все воедино
Слились, — ты будешь различать свое!
Затем мы здесь.

За окном видны ноги жандармов.

Жандармы!

Г о л о с Ж а н д а р м а
Разойдись!
Освободите место!

К и б а л ь ч и ч
Ждут царя!

С о ф ь я
Теперь уж скоро!

Г о л о с П р и с т а в а
В крепости измена!

Все он опять!

Г о л о с Ж а н д а р м а
Неужто?

Г о л о с П р и с т а в а
Кто ж еще?!
Как был в одной рубашке, так и взяли,
И слова не сказал!

Г о л о с Ж а н д а р м а
Да где ему
По-нашему-то знать, коль сатана!

С о ф ь я
Нам не уйти.

К и б а л ь ч и ч
Зато у нас теперь
Есть информация из первых уст, а это
Куда важней.

С о ф ь я
Спокойствие твое…
Сейчас… преступно!

К и б а л ь ч и ч
Коль жандармы здесь,
Царь не минует нас, а в динамите
Не сомневаюсь я.

С о ф ь я
Прости.

К и б а л ь ч и ч
Есть бомбы.
И что случись,
то дело довершат
Бомбометатели.

Слышны свистки жандармов.

Кругом жандармы!

Г о л о с Ж а н д а р м а
Куда?.. Куда?..

Г о л о с П р и с т а в а
Сюда нельзя!

Г о л о с Ж а н д а р м а
Убег!
Что поезд?

Г о л о с П р и с т а в а
Выехал.

Г о л о с Ж а н д а р м а
Посторонись!

Г о л о с П р и с т а в а
Не собирайтесь кучами!

Стук в дверь. На пороге Л а в р о в.

К и б а л ь ч и ч
Лавров?
Как ты прошел?

Л а в р о в
Царь изменил маршрут!
Все сорвалось!..

С о ф ь я
План Петербурга!

Л а в р о в
Вот!

С о ф ь я
Скорее!.. Где он едет?

Л а в р о в
Здесь… Здесь… Здесь…

С о ф ь я
Там — никого!

К и б а л ь ч и ч
Вот бомбы!

Л а в р о в
Нам не выйти!
Здесь оцепленье!

К и б а л ь ч и ч
Я пройду!

С о ф ь я
Нет, нет!
Ты остаешься!

К и б а л ь ч и ч
Я…

С о ф ь я
Считай, что это
Постановленье партии!.. Лавров,
Немедленно доставишь эти бомбы
И план бомбометателям! Спеши!

Лавров уходит.

К и б а л ь ч и ч *(глядя в окно)*
Свернул за угол.

С о ф ь я
Не успеть!

К и б а л ь ч и ч
Успеет.

С о ф ь я
Кибальчич, ты спокоен, как всегда.
Но знаешь… странно… Я спокойна тоже.

С п о к о й н а, понимаешь?

К и б а л ь ч и ч
Плачешь?

С о ф ь я
Нет!
Холодная уверенность твоя —
Она всевластна!

К и б а л ь ч и ч
Обучила мать
Трем языкам меня. Отец-священник —
Трем заповедям, главная из них:
«Не суетись!»

С о ф ь я
И ты предпочитаешь
Трем языкам великим три глагола
Таких же мудрых?

К и б а л ь ч и ч
Нет! Всего дороже
Единственное слово, но свое
Об этом мире.

С о ф ь я
Взрывы бомб твоих
Его произнесут!

К и б а л ь ч и ч
Взрыв бомбы — шепот,
А нам пора на целый мир кричать!
Мы говорим высокие слова
Об истине, движении… Но слово
Лишь мертвый символ сути. Оживляет
То слово данный матерью язык.
Как многозвучны мира голоса:
Кричит француз на русском… Англичанин
Арабские рисует вензеля…
Но мир не слышит их…
Мир отзовется
На тот язык, что дан был при рожденье
Многострадальной Родиной твоей.

Резкий стук в дверь.

Г о л о с Ж а н д а р м а
Откройте!.. Именем царя!

С о ф ь я
Скорей
Спрячь бомбы!

Г о л о с Ж а н д а р м а
Именем царя!.. Откройте!..

К и б а л ь ч и ч *(берет бомбу)*
Они сломают дверь!

С о ф ь я
Не смей!

Г о л о с П р и с т а в а
Откройте!..
Откройте, или…

Неподалеку раздается мощный взрыв.

С о ф ь я
Что это?

Раздается второй взрыв.

К и б а л ь ч и ч
Свершилось!

Мимо окна пробегают ж а н д а р м ы.

Теперь пускай войдут.

С о ф ь я
Их нет.

Через несколько мгновений улица затихает.

Свершилось?
Ты понимаешь, что сказал?

К и б а л ь ч и ч
Да.

С о ф ь я
Нет!
Нет! Ты не понимаешь!.. Ты не рад!

К и б а л ь ч и ч
Я радуюсь, клянусь.

С о ф ь я
Свершилась месть,
И ожили мгновенно все предметы.
Ползет чугунная змея… Цветет
Чугунный виноград! Кричат вокруг
Двуглавые чугунные орлы!
И неживым в кричащем этом мире
Мне кажешься лишь ты!.. Ты!

К и б а л ь ч и ч
Никогда
Не чувствовал в себе я столько жизни,
Как здесь сейчас!..

С о ф ь я
Я счастлива, Кибальчич!
Есть радость, возвышающая нас.
И мы ее познали здесь, в стране,
Где испокон прекрасное опасно,
Великое запрещено… За это
Тебе спасибо! К совершенству мира

Наш поводырь — Любовь! Любовь к земле,
К отечеству!.. Ты погляди на город:
Идет народ!..

К и б а л ь ч и ч
Не вижу.

С о ф ь я
Он идет!
Я слышу!.. Слышу!..

Пауза.

Почему все стихло?..

К и б а л ь ч и ч
Быть может, мы убили не царя,
А город?

С о ф ь я
Тихо… Что это, Кибальчич?
Как понимать?..

К и б а л ь ч и ч
Все спрятались.

С о ф ь я
Но мы
Так ошибиться не могли!

К и б а л ь ч и ч

Увы,
Событье в миг свершенья — не событье.
Его событьем делают газеты,
Иль речи, или сплетни… А для них
Еще не время.

С о ф ь я
Как же так?.. Ведь мы
Рассчитывали… Я не верю!

К и б а л ь ч и ч
Софья!
Все, что могли, мы сделали!

С о ф ь я
Не всё!
Не всё, Кибальчич! Ты сказал о слове
Своем единственном… Я это слово
Произнесу!

К и б а л ь ч и ч
Но, Софья…

С о ф ь я
На суде!
Я ухожу к Желябову!..

К и б а л ь ч и ч
Безумство!..

С о ф ь я
Событье в миг свершенья — не событье.
Ты трижды прав… И было бы безумьем
Нам не использовать суда!.. Прощай!..
Вот паспорт и билеты до Берлина.
Поторопись!

К и б а л ь ч и ч
Но, Софья…

С о ф ь я
Торопись!
Не ты ли говорил: наш жребий брошен!
И я должна, пойми!..

К и б а л ь ч и ч
Прощай!

С о ф ь я
Прощай!

Софья уходит. Кибальчич смотрит на оставленные Софьей билеты и разрывает их.

3.2.

Я… признаю право каждого на жизнь, свободу, благосостояние и развитие всех нравственных и умственных сил чело-

веческой природы. С этой точки зрения отнятие жизни человека, и не с этой только, но и вообще с человеческой точки зрения, — является вещью ужасною…

Затем уже по частному вопросу я имею сделать заявление насчет одной вещи, о которой уже говорил мой защитник. Я написал проект воздухоплавательного аппарата. Я полагаю, что этот аппарат вполне осуществим…

Из последнего слова Кибальчича на суде

Трогательно, что человек перед страшной казнью имеет силы думать о человечестве.

К. Э. Циолковский

Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Март 1881 г. К и б а л ь ч и ч в камере.

К и б а л ь ч и ч
В предчувствии величия открытья
Восторг сжимает горло и в мгновенье
Так разгоняет сердце, будто скачут
В тебе десятки сильных кобылиц!..

Поди останови разгоряченных,
Полынью опьяненных лошадей,
Когда ты сам не человек, а поле,
Пронизанное мыслью, словно солнцем!..
Скачите, кони! Гулко бейся, сердце!
Гони, восторг! И зеленей, трава!

Сон Кибальчича. К и б а л ь ч и ч один. Возникает С в я щ е н н и к.

К и б а л ь ч и ч
Зачем ты здесь?

С в я щ е н н и к
В тебе живет Идея,
Что, как душа, бессмертна. Не гордись,
Не к одному к тебе приходят мысли.
Идея словно голубь — где прикормят,
Там и живет.

К и б а л ь ч и ч
О чем ты?

С в я щ е н н и к
Возмечтал
О счастье ты!

К и б а л ь ч и ч
Я матерью рожден

Для дел иных!

С в я щ е н н и к
Ты помышлял о славе!

К и б а л ь ч и ч
Бред юного ума! Воображенья
Игра слепая!..

С в я щ е н н и к
Мы приходим в мир
Не для того, чтоб каяться.

К и б а л ь ч и ч
Но в чем?
Я миру нес добро!

С в я щ е н н и к
Добро… Добро…
Где та граница меж добром и злом,
Меж небесами и землей — все хаос!
Зло — продолжение добра, и грани
Меж ними нам не уловить, мой сын!
Удушье — продолжение объятий,
А продолженье радости — печаль!
Ты мир творишь в себе самом! Ты хочешь
Сразиться с притяжением Земли…

К и б а л ь ч и ч

Но все не так!

С в я щ е н н и к
Я знаю, что ты веришь
Лишь своему единственному богу,
Что называют Разумом… Распятье
Перед тобой. Все видят в нем Христа,
А ты в нем видишь Гений свой!
(Исчезает.)

Г е н и й К и б а л ь ч и ч а сходит с креста.

Г е н и й
Я распят
За то, что столько знаю о тебе,
Сколь не дано другим… Взгляни однажды
На руки, распростертые в любви, —
Что это?.. Не распятье ли?.. А радость
Твоя, которой ты живешь и дышишь,
Не есть ли чье-то страшное мученье?..
И не завидуй птицам. Мук полета
Не испытай. Полет — распятье крыльев!

К и б а л ь ч и ч
Распятье крыльев?

Г е н и й
Ну, а что дала
Свобода мыслей? Замкнутость движенья!

Мои страданья более твоих.
Я Гений твой, а ты — убийца!

К и б а л ь ч и ч
Браво!
Безвинный Гений! Гений никогда
Безвинным не был. Сам ты преступаешь
Обыденность рассудка, потому
Все гении преступны по природе!
В чем ты — не я?

Г е н и й
Я знаю лишь один,
Что человечество освободит движенье.
Оно — свобода всех свобод. Мир сложен
И прост, как крест. Вселенские детали
Одни и те же, но закономерность
Дано постичь немногим.
(Переворачивает крест.)
Погляди:
Вот стержень, в небо устремленный, — он
Пусть станет двигателем, а вторую
Деталь креста ты преврати в площадку
И человека укрепи на ней.
Пусть взрыв рассудка вытечет огнем,
Для вознесения необходимым. В небо
Направь снаряд — спрессованный огонь.

Страданием полета мир познай.
Все муки равны, будь прибит гвоздями
Или Идеей праведной. Спеши
Свершить свой долг!
(Исчезает.)

К и б а л ь ч и ч
У детства есть всегда
Сто дерзновенных клятв: ходить по небу,
Быть гусеницей, бегать с воробьями,
Товарищем стать рыбе… Но, чем старше,
Желания — скромней, рассудок — крепче.
И вот фантазия лежит, как шкура
Давно тобой убитого медведя:
Ты вытираешь ноги и не помнишь,
Что был медведь и говорил с тобой!
И лишь немногим выпал путь иной
Туда, обратно в детство, с исполненьем
Хотя б одной из тех великих клятв
Безумного горячего рассудка.

3.3

К и б а л ь ч и ч в камере. Появляется Н а д з и р а т е л ь.

Н а д з и р а т е л ь
К тебе священник!..

К и б а л ь ч и ч
Я просил…

Надзиратель уходит. Входит С в я щ е н н и к.

С в я щ е н н и к
Сын мой,
Я знаю, исповедь не для тебя.
Ты отказался. Я пришел к тебе
Лишь только потому, что я один,
Один я знаю, кто ты есть… Проект
Твой гениален. Только люди
Невежественны, чтоб его осмыслить.

К и б а л ь ч и ч
Вы мне поможете?

С в я щ е н н и к
Нет. Никогда.
Проект твой — недоверье к человеку.
Всё в человеке. Человек взлетит,
Познав себя, без огненных машин,
А сам собою!

К и б а л ь ч и ч
Мы о мире знаем
Не больше ведьм средневековых!

С в я щ е н н и к

Полно!..
Мы знаем мир, но мир не знает нас.
Ты не познал себя! Ты был рожден
Совсем иным.

К и б а л ь ч и ч
Я был рожден собою.
Тем, кто я есть!

С в я щ е н н и к
Отправился Христос
На поле к детям, но, играя, те
Надели на него венок из роз,
И вдруг по лику слезы потекли
Кровавые.

К и б а л ь ч и ч
Несущие добро
Не могут не принадлежать другим.
Я сердцем, страстью, действием, умом
Принадлежал тем людям, что несут
На землю свет!

С в я щ е н н и к
Но и от света слепнут
И днем блуждают. Путь их был порочен.
И с ними ты погиб. Ты не исполнил
Того единственного, для чего

Ты приходил на свет!

К и б а л ь ч и ч
Отец, они…
Они крылаты!

С в я щ е н н и к
Майские жуки
Крылаты тоже! Но есть время суток,
Когда они, как желуди, бескрыло
На землю падают, тряхни лишь ветку.
Для всех крылатых есть в природе час,
Час роковой!.. И вас стряхнут с планеты,
Как крылья не расправивших жуков!

К и б а л ь ч и ч
Живущих для людей — таков закон —
Карают те же люди, для которых
Они живут, но остаются искры
Прозрения… И озареньем поздним
Народ и крепок.

С в я щ е н н и к
Ты не знал сомненья:
Зачем служить освобожденью мира,
Мечтать о человечестве, когда
С тобою рядом человек и просит
Участия?.. Так послужи ему!

Ты человечества не спас. Лишь совесть,
Как осознанье самого себя,
Освободит его!

К и б а л ь ч и ч
Нет! Лишь движенье
Несет свободу людям! Если космос
Доступен станет, то Земля тогда
Свободой разродится!

С в я щ е н н и к
Ересь!

К и б а л ь ч и ч
Если
Моя Идея будет исполнимой,
Я счастлив буду тем, что окажу
Громадную услугу Человеку
И Родине! И я спокойно встречусь
Тогда со смертью, — ведь моя Идея
Со мною вместе не погибнет. Нет!
Отныне ей существовать всегда
Средь человечества!

С в я щ е н н и к
И это слово
Твое последнее?

К и б а л ь ч и ч

Последним словом
Была вся жизнь моя. Она мое
И завещание и очищенье
От всех грехов.

С в я щ е н н и к
Я оставляю здесь
Тебе распятье. Долг мой — облегчить
Твои страданья.

Появляется Н а д з и р а т е л ь.

К и б а л ь ч и ч
Я просил
Бумагу и перо!

Н а д з и р а т е л ь
Запрещено!

Кибальчич зажигает свечу. Появляется портрет Александра II и С п и н а.

Спина переворачивает портрет. На обратной стороне — Александр III.

С п и н а
Воздухоплавательный аппарат?!
«Приобщить к делу «1-го марта».
Давать это
На рассмотрение ученых

Едва ли будет своевременно
И может вызвать только
Неуместные толки».

Кибальчич берет распятие, подходит к свече. На стену падает тень распятия. Кибальчич убирает распятие, но тень не исчезает. Напрасно он пытается ее уничтожить.

А. Романов
Я — «ЗАРЯ-ОДИН»
Документально-художественный репортаж в четырех страницах

Подвигу первопроходцев космоса — коммунистов академика Сергея Королева и космонавта Юрия Гагарина — посвящается.

В РЕПОРТАЖЕ ДЕЙСТВУЮТ:

Королев Сергей Павлович — Главный конструктор ракетно-космической системы «Восток».

Гагарин Юрий Алексеевич — летчик-космонавт СССР.

Горшин Игнатий Игоревич — вице-президент Академии наук СССР.

Думенко Алексей Тихонович — главный конструктор двигателей.

Фатьянов Борис Борисович — ведущий конструктор по кораблю.

Крутов Николай Владимирович — конструктор систем управления.

Громов Леонид Николаевич — заместитель Королева.

Преснякова Лариса Васильевна — инженер-испытатель.

Пресняков Георгий Викторович — ее муж, конструктор тормозной установки.

Томилин Аркадий Семенович — доктор технических наук.

Куликов Филипп Филиппович — академик Академии медицинских наук СССР.

Калюжный Вячеслав Федорович — медик Центра подготовки космонавтов.

Хоров Петр Трофим ович — генерал, наставник космонавтов

Егоров Василий Петрович — ветеран ракетостроения.

Наташа — дочь Егорова, оператор.

Нина Ивановна — жена Королева.

Журналист — автор репортажа.

Соколов Василий Васильевич — бригадир электросварщиков.

Амангалов Амир }

Прошина Маша }

Яркин Петр } — электросварщики.

Светов Григорий Самсонович — профессор, металлург.

Прокопьевна — вахтер в доме Королева.

Чупин Василий — летчик.

Летчики-космонавты — второй, третий, четвертый, пятый.

Ученые, конструкторы, инженеры, операторы, члены стартовой команды, офицер связи.

СТРАНИЦА ПЕРВАЯ
12 апреля 1961 года
ПРЕКРАСНОЕ МГНОВЕНЬЕ

Театральный зал заполняется стереофоническими звуками радиопланерки. В ней участвуют специалисты, готовящие ракету и корабль к полету. Зрители оказываются в атмосфере тех событий, свидетелями которых вот-вот станут.

Голос Громова. Внимание всем службам! Внимание всем службам старта! Я — «Второй». Подготовьтесь к докладам. «Пятый», доложите!

Голос «Пятого». Я — «Пятый». Проверку систем жизнеобеспечения заканчиваем.

Голос Громова. Подробнее.

Голос «Пятого». Все параметры строго выдержаны. Температура в кабине корабля ожидается восемнадцать градусов Цельсия, давление семьсот сорок миллиметров ртутного столба. Относительная влажность семьдесят процентов.

Голос Куликова. Прошу быть повнимательнее к системе регенерации. Еще раз проверьте соотношение кислорода и азота.

Голос «Пятого». Ясно, Филипп Филиппо-

вич. Сделаем.

Голос Громова. Я — «Второй». Прошу «Шестой». Почему молчит «Шестой»? Теряем минуты.

Голос «Шестого». Леонид Николаевич!

Голос Громова. «Шестой», мы не на пляже. Доложите по форме.

Голос «Шестого». Я — «Шестой». Докладываю сводку погоды. Температура двенадцать градусов выше нуля, к девяти ожидаем двадцать. Скорость ветра четыре метра в секунду. Гроз и осадков не предвидится.

Голос Крутова. Я — «Третий». «Девятый», доложите.

Голос «Девятого». Я — «Девятый». Проверка бортовых систем управления ракеты-носителя закончена. Замечаний нет.

Голос Крутова. Спасибо. Прошу на связь «Десятого».

Голос Пресняковa *(нервно)*. Я вам докладывал, Николай Владимирович. Все нормально.

Голос Громова *(резко)*. «Десятый», эмоции потом. Доложите еще раз.

Голос Пресняковой. Я — «Одиннадцатый». Позвольте мне. Тормозная двигательная установка прошла предстартовые испытания во

всех позициях. Замечаний нет.

Голос Громова. Ясно. «Семнадцатый», я — «Второй».

Голос «Семнадцатого». «Семнадцатый» докладывает. Автобус с космонавтами идет на старт.

Открывается занавес. Стартовая площадка космодрома Байконур. Бескрайняя казахская степь. Раннее утро. Над горизонтом неяркое апрельское солнце. Вдали видна ракета, напоминающая гигантскую стрелу, нацеленную в небо. На переднем плане подножье второй ракеты, готовящейся к полету. К ней примыкает массивная металлическая лестница, ведущая на небольшую площадку. С нее вход в лифт, который доставит космонавта к кораблю. Слева вход в командный бункер. Огромный красный стяг полощется на ветру.

С группой ученых стоит Королев. Внимательно слушает радиопланерку, которую ведет его заместитель Громов. Чуть в стороне Журналист с микрофоном и блокнотом в руках.

Голос Думенко. Я — «Четвертый». «Двенадцатый», доложите о ходе заправки баков

ракеты.

Голос «Двенадцатого». Заправка закончена. Параметры горючего и окислителя в норме.

Голос Громова. Внимание всем службам! Я — «Второй». Напоминаю, в семь ноль-ноль заседание Государственной комиссии. Доклады о готовности к пуску ракеты в пределах двух минут.

Королев быстро подходит к радиопереговорному устройству.

Королев *(в микрофон)*. Я — «Заря-один». Небольшая поправка к пожеланию «Второго». Доклады — минута, если нет веских оснований для большего. А теперь «Второй». Прошу самую суть.

Голос Громова. Я — «Второй». Подготовка ракеты-носителя и корабля к старту идет строго по графику. Замечаний по системам не поступало.

Королев. Спасибо, «Второй». Если понадоблюсь, я на площадке. Начинаем посадку космонавта в корабль.

Голос Громова. Ясно, «Заря-один». Объявляю трехчасовую готовность. Внимание всем службам! Внимание всем службам! Объявляется

трехчасовая готовность.

На сцене собираются все участники происходящего: ученые, конструкторы, летчики, члены стартовой команды.

Журналист *(в зрительный зал)*. Сегодня двенадцатое апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года. Я веду этот исторический репортаж непосредственно со стартовой площадки космодрома Байконур. Человечество еще не знает, что через несколько часов…

Вспыхивают аплодисменты. На площадке у ракеты появляется Юрий Гагарин. Он в оранжевом комбинезоне и серебристо-матовом гермошлеме. На лобовой части его короткое «СССР».

Это — Юрий Алексеевич Гагарин.

Гагарин *(подняв руку вверх)*. Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним

прекрасным мгновеньем. Все, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты. Вряд ли стоит говорить о тех чувствах, которые я испытал, когда мне предложили совершить этот первый в истории полет. Радость? Нет, это была не только радость. Гордость? Нет, это была не только гордость. Я испытал большое счастье. Первым совершить то, о чем мечтали поколения людей, первым проложить человечеству дорогу в космос… И если тем не менее я решаюсь на этот полет, то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников — советских людей. Счастлив ли я, отправляясь в космический полет? Конечно, счастлив. Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях… *(После паузы.)* Я говорю вам, дорогие друзья, до свидания, как всегда говорят люди друг другу, отправляясь в далекий путь. Как бы хотелось вас всех обнять, знакомых и незнакомых, далеких и близких! До скорой встречи!

Аплодисменты. Возгласы: «До встречи!» «Ни пуха ни пера!», «Мягкой посадки!» Калюжный открывает дверь лифта. Гагарин скрывается в нем. Провожающие медленно расходятся. На

площадке остаются только Королев и несколько его сотрудников, Журналист.

Ж у р н а л и с т. Мне посчастливилось встречаться с Юрием Гагариным. Сын Анны и Алексея Гагариных — дочери питерского рабочего и смоленского крестьянина-бедняка, — он, кажется, вобрал в себя все лучшее, что есть в этих двух могучих родниках. Юрию Гагарину недавно исполнилось двадцать семь. Ему предначертано осуществить дерзновенную мечту человечества и облететь вокруг родной планеты — колыбели разума — на фантастическом корабле. Имя ему «Восток». Именно фантастическом. Гигантская у него скорость: свыше семи километров в секунду. Я не могу себе представить ее. Двадцать восемь тысяч километров в час!

Неслышно подходит Королев. Слушает.

И ракетно-космическая система, и сам корабль созданы под руководством Главного конструктора, выдающегося ученого…

Королев кладет руку на микрофон Журналиста.

Сергей Павлович!

К о р о л е в *(мягко)*. Вы не сказали одного сло-

ва: «Ци-ол-ков-ский». А дальше ничего не надо, товарищ пресса. И мы с вами условились… Пусть всё и всех оценит матушка история. Она женщина строгая и справедливая. Когда понадобится, она всех расставит по своим местам. А то, не дай бог, раньше времени отольют кого-либо из нас в бронзе или добрую глыбу гранита изведут. Потом все рушить придется.

Г о л о с Г р о м о в а. Внимание всем службам! Внимание всем службам! Объявляется двухчасовая готовность Двухчасовая готовность!

К о р о л е в. Вот уже и двухчасовая готовность. Всего сто двадцать минут! *(Медленно подходит к входу в командный бункер и скрывается в нем.)*

Подземный бункер. Командный пункт. Через стеклянную дверь видны строения космодрома. На одной из стен карта полушарии, перепоясанная красной лентой, обозначающей первую космическую трассу. Большой цветной телевизионный экран. По мере его включения на экране в натуральную величину, как бы через люк корабля, в различных ракурсах зрители видят космонавта во время подготовки к старту, в часы полета и перед возвращением на Землю. Этим создается иллюзия телевизионной передачи, ведущейся с борта корабля в командный бункер на протяже-

нии всего космического полета.

У радиопереговорного пульта Королев, Думенко, Громов, Крутов, Калюжный.

У других пультов Пресняков, Четвертый летчик-космонавт, Наташа, операторы. На телевизионном экране появляется Гагарин. Он полулежит в корабельном кресле.

Королев *(в микрофон).* Я — «Заря-один». Приступайте к проверке скафандра. Как поняли меня?

Гагарин *(с экрана).* Я — «Кедр». Вас понял. Приступаю к проверке скафандра. Проверка телефонов и динамика прошла нормально. Самочувствие отличное. К полету готов!

Королев отходит от микрофона к Думенко и Крутову. На связь с Гагариным выходит Четвертый летчик-космонавт.

Четвертый летчик-космонавт. Юра! Ребята довольны, что у тебя все нормально и мы видим тебя на экране. Понял?

Гагарин *(с экрана).* Понял, понял! Паша, пе-

редай «ландышам» сердечный привет!

Четвертый летчик-космонавт. Передам. *(Выключает телевизионный экран.)*

Громов. Нервы у всех как струны, а он спокоен.

Королев. Я влюблен в этого парня.

Думенко. Думающий.

Королев. Настоящий. Кое-кто не прочь поворчать на молодежь: «Не та пошла, что в наше время...» Не скрою, люблю нынешних. Самостоятельные, ничего на веру не берут. Ершистые. Как правило, таланты.

Крутов. Мне ершистых уговаривать некогда.

Королев. Надо убеждать. Надо, надо убеждать, Николай Владимирович. Не терплю тех, у которых что ни слово, то чужое. Белоручки ума — обуза обществу.

Появляется Куликов. Его замечает Королев.

Прошу, Филипп Филиппович. Вы мне нужны. *(Громову.)* Дайте на экран кабину корабля.

Четвертый летчик-космонавт включает телевизионный экран. Улыбающееся лицо Гагарина. Он с кем-то продолжает разговор.

Г а г а р и н *(с экрана)*. Как, по данным медицины, бьется мое сердце?

Г о л о с К а л ю ж н о г о. Пульс шестьдесят четыре удара. Частота дыхания двадцать.

Г а г а р и н *(с экрана, в том же шутливом тоне)*. Понял, Вячеслав. Значит, сердце бьется.

К о р о л е в *(в микрофон)*. Я — «Заря-один». Вижу вас, «Кедр», на экране. Вид бодрый. Это нас радует. *(После паузы.)* Наверное, Земля наша с высоты очень красива. Счастливый! Увидите ее такой первым. *(Помолчав.)*. Даже тогда, когда, кажется, все проверено и перепроверено, остается доля риска. И она не дает мне покоя. Впрочем, Юра, вы знаете это не хуже меня. *(Весело.)* А зайчишку Леночке в степи поймаете. Их там много. Только уж не забудьте на этот раз!

Г а г а р и н *(с экрана)*. Не забуду. *(Тихо-тихо.)* Ждать устал. Минуты как версты.

К о р о л е в. Понял, «Кедр». Скоро будут даны нужные команды. *(Громову.)* Леонид Николаевич, отключите лишние каналы связи. *(Гагарину, задушевно, как отец сыну, на «ты».)* Юра, я говорю с тобой по прямой связи. Помни мои советы. Старт, отделение ступеней. Особенно последней. Будь готов ко всему. Мы никогда не обманывали друг друга. Я не запрашиваю данных ни о пульсе,

ни о давлении. Если даже все идеально с точки зрения медиков, я знаю, ты волнуешься. Если бы кто-нибудь измерил мой пульс в эти минуты! Верю, все будет так, как задумано. Сделано, кажется, все, что в человеческих возможностях. И все-таки шаг, на который мы решились сегодня, небывало ответственный. *(После паузы.)* Помни, Юра, какие бы трудные ситуации ни сложились у тебя в полете, все силы нашего разума немедленно будут отданы тебе. В сегодняшнем деле, повторяю, есть риск. Но разве подлинный исследователь нового может не рисковать?! Нет! Мы коммунисты с тобой, Юра, и этим сказано все. *(Твердо.)* Все будет хорошо. Я абсолютно уверен в успехе.

Гагарин *(с экрана).* И я тоже, Сергей Павлович!

Королев. Закройте гермошлем, займите исходное положение.

Гагарин *(с экрана).* Я — «Кедр». Вас понял. *(Полностью опускается в кресло, закрывает гермошлем.)*

Королев выключает телевизионный экран.

Громов. Внимание всем службам! Внимание всем службам! Объявляется минутная готовность!

Хронометр отсчитывает секунды.

К о р о л е в *(в микрофон).* Юрий Алексеевич! Объявлена минутная готовность. Я — «Заря». Минутная готовность.

Г о л о с Г а г а р и н а. Я — «Кедр». Вас понял. Объявлена минутная готовность.

Появляется Т о м и л и н.

Г р о м о в. Ключ на старт!

Г о л о с. Есть ключ на старт!

Г р о м о в. Продувка!

Г о л о с. Есть продувка!

Г р о м о в. Протяжка!

Г о л о с. Есть протяжка!

Г р о м о в. Зажигание! *(После паузы.)* Главная! *(Почти кричит.)* Подъ-ем!

В бункер доносится гул работающих двигателей ракеты.

Г о л о с Г а г а р и н а *(звонкий, восторженный).* По-е-е-ха-а-а-ли!

К о р о л е в *(в микрофон).* Я — «Заря». Все мы желаем вам доброго полета! *(Куликову.)* Что скажете, Филипп Филиппович?

Куликов молчит.

Голос Гагарина. До свидания! До скорой встречи!

Наташа. Десять секунд полета! *(После паузы.)* Тридцать секунд полета! *(После паузы.)* Сто секунд полета! Машина идет устойчиво!

Королев *(в микрофон).* «Кедр», я — «Заря». По скорости и времени все нормально. Как чувствуете себя, Юра?

Голос Гагарина. Растут перегрузки. Тяжесть становится все больше. На плечи, кажется, кто-то десяток пудов бросил. Слежу за работой приборов. Настроение бодрое!

Наташа. Двести секунд полета! *(После паузы.)* Двести пятьдесят секунд полета! Все параметры в норме!

Громов. Главное, чтобы не подвела последняя ступень ракеты.

Куликов. Сейчас главное — человек.

Напряженная тишина.

Наташа. Триста пятьдесят секунд полета… Четыреста секунд полета… Пятьсот тридцать секунд полета…

Четвертый летчик-космонавт включает телевизионный экран.

Г а г а р и н *(с экрана, голос восторженный, ясный).* Все прекрасно! Двигатель последней ступени выдал полный импульс. Проверил секундомером. Это я почувствовал. Корабль на орбите. Наступила невесомость.

Операторы вскакивают со своих мест, что-то кричат, аплодируют, поздравляют ученых.

Красота-то какая! Красивая наша Земля. Самочувствие отличное! Невесомость переношу хорошо.

К о р о л е в *(в микрофон).* Я — «Заря-один». Как слышите меня, «Кедр»? Я — «Заря-один». Доложите.

Г а г а р и н *(с экрана).* Я — «Кедр», я — «Кедр». Слышимость отличная. Такой красивый ореол… Сначала радуга от самой поверхности Земли. Очень красиво! Вижу звезды. Очень красивое зрелище! Продолжается полет в тени Земли. В правый иллюминатор наблюдаю звезду… Проходит слева… Уходит, уходит… Вся аппаратура работает нормально. На борту корабля все нормально.

Т о м и л и н *(в сторону).* Вот только сработает ли ваша тормозная? А то и красоте не нарадуешься.

К о р о л е в. Я — «Заря-один». Как слышишь меня, Юра? Здесь тоже все нормально. Ждем тебя на Земле. Через несколько минут корабль уйдет из зоны прямой радиовидимости. Не скучай. Как условились, используй телеграф. Пять, четыре. Думаю, тройка не понадобится. Да, есть для вас приятная новость. Вам присвоено внеочередное звание. Надо менять погоны.

Г а г а р и н *(с экрана).* Спасибо, спасибо. *(Строго.)* Вас понял. Все ясно. До встречи.

Королев выключает телевизионный экран.

Г р о м о в. Садитесь, Сергей Павлович. Вы уже третьи сутки на ногах.

К о р о л е в. Да, нервы на пределе. Сегодня как в годы войны. Помню, я конструировал к военным самолетам ускорители с двигателями Алексея Тихоновича. Испытывал их там, в небе. Всякое бывало.

Г р о м о в. Я этого не знал…

К о р о л е в. Да, полетел бы сам и сейчас. Вот только мое жалкое сердце. Сейчас оно бьется как сумасшедшее.

Г о л о с М о с к в ы. Работают все радиостанции Советского Союза! Работают все радиостанции Советского Союза! Сообщение ТАСС!

Все слушают.

Двенадцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года в Советском Союзе на орбиту вокруг Земли выведен первый в мире космический корабль «Восток» с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик майор Гагарин Юрий Алексеевич.

Общее оживление. Все аплодируют.

К о р о л е в *(повторяет).* Юрий Алексеевич… Настоящий русский богатырь! *(Идет к легкому креслу, садится, откидывается на спинку.)* Да, нелегок путь до тебя, космос. *(Задумывается.)*

З а т е м н е н и е

Ж у р н а л и с т. Все идет хорошо, вы это знаете. До очередного сеанса связи с Гагариным целых полчаса. Предлагаю перелистать несколько страниц репортажа, написанных ранее. Вернемся, скажем, в тысяча девятьсот пятьдесят девятый — тысяча девятьсот шестидесятый годы. Согласитесь, зная вчерашнее, легче оценить невиданное в истории сегодняшнее свершение. Не возражаете?

СТРАНИЦА ВТОРАЯ
Март 1959 года
ДУМАТЬ О БУДУЩЕМ

Приемная вице-президента Академии наук СССР Горшина. На стенах портреты Менделеева, Попова, Циолковского. Небольшая мраморная скульптура Ломоносова. Несколько журнальных столиков. Справа большое окно. Круглая вешалка заполнена одеждой. Возле двери, ведущей в кабинет, небольшой столик секретаря-референта. На столике несколько телефонов. Только что объявлен перерыв. Кто-то курит, кто-то читает газету. Слева на переднем плане за журнальным столиком сидят Королев, Горшин и Журналист. В стороне группами стоят Томилин, Светов, Хоров, Думенко, Крутов, Громов, Калюжный, ученые, специалисты.

Томилин *(Хорову)*. Златоуст ваш Королев! Какой доклад! И прогнозы погоды, и космическое телевидение, и… солнечная энергия вместо угля. *(Зло.)* Ему не Главным конструктором быть, а фантастические романы пописывать. Циолков-

ский — тот мечтал, а этот требует, черт подери. А если говорить конфиденциально, Петр Трофимович, самолет надо совершенствовать.

Х о р о в. Боитесь вы всего нового, как черт ладана. Я не забыл, как вы в тридцатых годах ниспровергали Циолковского.

Т о м и л и н. Это ложь.

Д у м е н к о. Это правда, Аркадий Семенович. Правда! Мы проникли в космос, перекинули мост между Землей и Луной. Совершили чудо, а вы нас тянете назад. Если сегодня мы не примем решение поддержать предложение Королева…

С в е т о в *(со слуховым аппаратом)*. Говорите же громче. Аппарат барахлит. *(Томилину.)* Может, вы подкрутите?

Т о м и л и н. Я зову вас, академик Думенко, не назад, а к здравому смыслу. Сегодня — Луна, завтра — Марс. А ведь это всё денежки. Именно оттого я против полета человека в космос. Послать докладную в ЦК о нашей готовности сразу осуществить полет человека вокруг Земли — непростительное верхоглядство.

Д у м е н к о. Верхоглядство? Вы, товарищ Томилин, хотите ребенку, уже начавшему самостоятельно ходить, связать ноги и заставить его сидеть сиднем. Не понимаю вас.

С в е т о в *(Томилину).* Обидно, так красиво сделано. *(Показывает на слуховой аппарат.)* А толку никакого! Ну ничегошеньки не слышу.

Г о р ш и н *(встает, всем).* Товарищи, десять минут истекли. Продолжим работу. *(Светову, громко на ухо.)* Будете выступать, Григорий Самсонович?

С в е т о в. Пока не решил, Игнатий Игоревич.

Горшин, участники совещания неторопливо идут в кабинет вице-президента. Крутов и Томилин задерживаются. Ждут окончания разговора Королева с Журналистом.

Ж у р н а л и с т. Мы не договорили с вами, Сергей Павлович. Вы хотели рассказать о последних минутах перед стартом спутника…

К о р о л е в *(загораясь).* Минута?! В ней целых шестьдесят секунд! И самой трудной была последняя. Ждали появления спутника там, над Землей. Поверьте, впервые в жизни я понял разумом — нет, скорее почувствовал всем своим существом — бесконечную длину секунды… Для нас голос спутника стал таким же желанным, как в муках рожавшей матери первый крик ее младенца… *(Обрывает себя.)* Может, не сегодня, товарищ пресса? А вот самая суть: человек

больше не прикован к своей планете. Можно ли точнее определить научное значение спутника? Вряд ли. *(Резко.)* А скептики есть и будут.

Журналист. Времена Циолковского остались позади.

Королев. Но законы развития? Разве нет борьбы между зарождающимся и отживающим? Старое и новое во многих случаях так же антагонистично, как и миллионы лет назад. Ничего не поделаешь, диалектика! *(Смотрит на часы.)* Пора. Сейчас пойдут вопросы, а потом обсуждение доклада. Надо еще с Фатьяновым парой слов перекинуться. *(Журналисту.)* До встречи. *(Идет к столу референта, набирает номер. В трубку.)* Елена Алексеевна, Преснякова не появилась? Если прорежется, пусть немедленно мне позвонит в Академию наук. В приемную Горшина. *(Кладет трубку.)*

Томилин *(подходит к Королеву).* Не хотелось бы говорить там, Сергей Павлович, при всех, но мой долг ученого… Ты торопишься заручиться поддержкой Академии наук. Сказать Центральному Комитету, что мы готовы? Нет, я своей подписи под этим документом не поставлю. Это слишком безответственно. Пойми меня правильно. Холодная война. Тут деться некуда. А космос?!

Да бог с ним.

К о р о л е в *(открывая перед Томилиным дверь в кабинет Горшина).* Я все-таки очень, очень надеюсь на вашу поддержку… Да, Аркадий Семенович, а у вас внуки есть?

Т о м и л и н *(в дверях).* Внуки? Странный вопрос. *(Уходит в кабинет.)*

К Королеву подходит Крутов.

К р у т о в. Ничего понять не могу, Сергей Павлович… Вы мечете бисер. Как это поточнее сказать…

К о р о л е в *(насмешливо).* Не уточняйте, Николай Владимирович, не надо. *(Серьезно.)* Искру туши до пожара, напасть отводи до удара. Народная мудрость.

К р у т о в. Дипломатия.

К о р о л е в. А как вы думаете! Очень, скажу вам, наука нужная и в нашем деле. Дипломатия чем-то схожа с навигацией. Помогает определять понадежней путь к цели. Гак-то! *(Меняя тему разговора.)* Преснякова молчит? Ну, я с нее стружку сниму. Испытания закончились. Два часа, а ока молчит.

К р у т о в. Да вы не волнуйтесь, Сергей Павлович. Предварительные стендовые прошли

успешно.

К о р о л е в. Ну-ну.

К р у т о в. К концу заседания все будет известно.

К о р о л е в. Просто «известно» мне мало.

К р у т о в *(нервно).* Я уверен, я отвечаю. *(Уходит в кабинет Горшина.)*

К о р о л е в. Ну вот и обиделся. *(Останавливается. Достает из кармана таблетку валидола, кладет под язык.)* Есть главное — мощнейшая ракета-носитель. Она должна служить науке. Еще одна ступень, дополнительная, — и человек в космосе. Человек! *(Уходит в кабинет Горшина.)*

Сцена некоторое время пуста. В приемную быстро входят Л а р и с а и Г е о р г и й П р е с н я к о в ы. Они прямо с аэродрома, одеты по-дорожному, в руках чемоданы, портфели.

П р е с н я к о в *(запальчиво).* Ты понимаешь, что ты делаешь? Он же ждет нас. *(Достает из портфеля бумаги.)*

П р е с н я к о в а. Не подпишу, Георгий. Это тормозная установка. Цена ей — жизнь человека. Ты можешь это понять, можешь?!

П р е с н я к о в. Люди не глупее тебя поставили подписи.

П р е с н я к о в а. Я очень устала, Георгий.

П р е с н я к о в *(не слушая).* Может, все дело в топливе. Может, система… Все же поправимо!

П р е с н я к о в а *(успокаивая).* Ну хорошо, хорошо. Я прошу тебя посоветоваться с Фатьяновым. Он отвечает за все. Ведущий конструктор по кораблю имеет право…

П р е с н я к о в *(выходит из себя).* Я тебя просил, я же тебя просил!

П р е с н я к о в а *(решительно).* Может, все-таки не здесь и не сейчас?

П р е с н я к о в. В тот день, когда у Королева появился Фатьянов…

Из кабинета выходит Ф а т ь я н о в.

Ф а т ь я н о в. Ну слава богу!

П р е с н я к о в а. Я… я… акт испытаний не подписала. Многое неясно.

Ф а т ь я н о в *(ошеломлен).* Ты шутишь?!

П р е с н я к о в а. Взгляни! *(Показывает на лист бумаги.)*

Фатьянов читает.

Ф а т ь я н о в. Значит, объект… Этого Королев не ждет. Особенно сегодня, сейчас.

П р е с н я к о в. Да поймите вы наконец, если

Академия наук не поддержит нас…

П р е с н я к о в а *(в отчаянии).* Как я буду смотреть в глаза Сергею Павловичу? Я, наверное, подпишу, Борис. *(Достает ручку, пододвигает к себе листы бумаги.)*

Ф а т ь я н о в *(Пресняковой).* Подожди. Так нельзя.

П р е с н я к о в *(Пресняковой, зло).* Эх ты! *(Быстро идет к двери. Останавливается.)* Не тот советчик, Лариса Васильевна! *(Убегает.)*

Ф а т ь я н о в. Что с ним? *(Пресняковой.)* Прежде чем сказать обо всем Королеву, пойдем, Лариса, да подумаем, очень подумаем.

Появляется К у л и к о в. Он в пальто, шляпе.

К у л и к о в *(раздраженно).* Все куда-то бегут. Земля, что ли, вращаться быстрее стала? *(Снимает пальто. Вслед Пресняковой.)* Скажите, барышня, началось заседание?

Преснякова не отвечает. Куликов уходит в кабинет Горшина.

Кабинет Горшина. На подставке макет первого искусственного спутника Земли. Через огромное окно видна вечерняя Москва. За длинным столом и возле стен сидят у ч е н ы е,

конструкторы, инженеры, участники заседания. Председательствует Горшин.

Королев *(продолжает выступление).* Масса нашей планеты в общем-то невелика. И ее ресурсы ограничены. А пассажиров на борту Земли уже три с лишним миллиарда человек. Я уже говорил: железо, уголь, медь, нефть... Кто-нибудь из сидящих здесь видел своими глазами новообразование этих полезных ископаемых? Нет! *(После паузы.)* Как бы вы отнеслись к человеку, который, решив обогреться, начал растапливать печь, ломая на дрова стены собственного дома? Я бы назвал его безумцем. Мне все больше кажется, что уважаемые мои земляне напоминают этого безумца. Мы вычерпываем из недр земли все, что можем, забывая, что дарам ее когда-то наступит конец. Нам не хочется перешагнуть порог дома, съездить за дровами в лес. Но так жить нельзя. Нельзя жить, не думая о завтрашнем дне. Опасно, очень опасно.

Светов. Не хотелось бы сесть на голодный паек?

Королев. Вот именно. В этом вся суть. Неужели трудно понять, что из космоса нам легче взглянуть на кладовую Земли, узнать, где, что и

сколько! Но не это главное. Мы должны следить за тем, чтобы все системы жизнеобеспечения планеты Земля работали всегда безотказно. Имеется много путей для совершенствования наших отношений с природой. Поверьте, необходимость заставит рано или поздно осваивать близлежащие небесные тела, использовать их ресурсы. Если сказать кратко, пора разрабатывать основы будущего внеземного производства.

Т о м и л и н. Фантазерство!

С в е т о в. Но это предприятие, Сергей Павлович, будет стоить бешеных денег!

К о р о л е в. А разве самая первая тонна угля, добытая на Земле в самой современной шахте в день ее пуска, не стоит, как вы сказали, профессор Светов, бешеных денег?

Г о р ш и н. Есть еще вопросы к докладчику? Вы будете отвечать сразу или запишете их? Как вам удобнее, Сергей Павлович?

К о р о л е в. Лучше сразу, Игнатий Игоревич. Мне помогут мои коллеги.

В зале поднимается несколько рук.

Г о р ш и н. Прошу.

Ж е н с к и й г о л о с. Докладчик почему-то обошел молчанием метеорную опасность.

К о р о л е в. Метеорная опасность преувеличена. Тем не менее мы не игнорируем ее полностью.

С в е т о в. Э, голубок мой, это несерьезно. Нам, металлургам, да и химикам хорошо известно, что прочнейшую двенадцатимиллиметровую сталь вот такусенький — с горошину — пробивает запросто.

Т о м и л и н. Может, я прослушал, Игнатий Игоревич, но в докладе очень глухо сказано о технике возвращения корабля на землю-матушку, а это вопрос вопросов.

К о р о л е в. Хорошо, скажу несколько подробнее. *(Громову.)* Леонид Николаевич, повесьте куда-нибудь нашу схему.

Громов встает из-за стола, развертывает ватман. Не знает, куда его повесить.

Г о р ш и н *(Громову).* Да вот на эту стену. Там есть за что прикрепить ее. Вот так. Всем видно. *(Королеву.)* Продолжайте, Сергей Павлович.

К о р о л е в *(возле схемы спуска корабля с орбиты).* Ну, а дальше все ясно. Тормозная установка частично гасит скорость и меняет направление полета корабля. Корабль выходит на спусковую траекторию, к Земле. На высоте примерно

семь километров над спускаемым аппаратом раскроется парашют. Конструкция тормозной установки разработана инженером Пресняковым. Она нас устраивает.

К у л и к о в. А если… произойдет разгерметизация кабины?

С в е т о в *(прижимая слуховой аппарат).* Попутный вопрос: а не сварится ли ваш кораблик, как яйцо, вкрутую, на пути к Земле? Температура может оказаться куда выше, чем в мартене.

Г о р ш и н *(полушутя).* Вы, Григорий Самсонович, до старта так запугаете наших летчиков, что они и лететь раздумают.

С в е т о в. Чуть погромче. Опять это изделице забарахлило. *(Что-то подкручивает в аппарате.)*

Г о р ш и н *(громко).* Ученые стоят на пути создания необходимого теплозащитного материала. Но, согласен, в этом отношении не все еще закончено. *(Куликову.)* Прошу вас, Филипп Филиппович.

К у л и к о в. Прежде всего о не-ве-со-мо-сти. Что мы знаем о ней? Секунды в самолете — это чепуха. По ним могут судить только люди малосведущие, еще хуже — безответственные.

К а л ю ж н ы й *(ехидно).* Ну и ну! Не пойду в воду, пока не научусь плавать. Смешно.

К у л и к о в. Острить будем потом, молодой человек. *(Продолжает.)* Теперь о радиационной опасности. Одна частица высоких энергий способна уничтожить десять тысяч живых клеток. Десять тысяч!

Г о р ш и н. Есть еще вопросы? Нет. Кто хочет высказать свое мнение?

Т о м и л и н. Разрешите?

Г о р ш и н. Пожалуйста, Аркадий Семенович!

Т о м и л и н. В мире началось черт знает что: космическая лихорадка, как в свое время золотая. Просто стихийное бедствие. Было бы смешно отрицать известную ценность полученных из космоса научных сведений. Но человечество не покатилось бы назад к первобытности, если бы и не увидело обратного лика Луны.

Д у м е н к о. Это, положим, явная чушь.

Г о р ш и н *(укоризненно).* Алексей Тихонович! *(Томилину.)* Продолжайте, прошу вас.

Т о м и л и н. Ну хорошо, хорошо, успокойтесь. И если уж так приспичило, то вначале по логике вещей следует провести полет человека по баллистической траектории. Тут вам всё — и отработка техники, и перегрузки, и невесомость. Шажок за шажком. Об этом и надо написать в докладной.

К у л и к о в. Прекрасное предложение. Я за

него.

Ж е н с к и й г о л о с. Еще раз проверим метеорную опасность.

С в е т о в. Стоит подумать, Сергей Павлович.

К р у т о в. В этом предложении заложен известный смысл.

К у л и к о в. Уточним влияние невесомости.

Т о м и л и н. Слава богу, кажется, хоть с этим соглашаетесь.

Настороженная тишина.

К о р о л е в *(после долгой паузы).* Я много думал и об этом. Баллистический полет займет всего пятнадцать минут. Невесомость, Филипп Филиппович, коснется человека лишь на пять минут. Нет, наши возможности шире, и не использовать их просто недопустимо.

Т о м и л и н. Десять полетов, пятьдесят минут. Опыт.

Д у м е н к о *(зло).* Шажок за шажком.

К о р о л е в. Деньги уметь считать, Аркадий Семенович, должны не только финансисты, но и ученые.

Т о м и л и н. Не очень ясно.

К о р о л е в. Да поймите вы, осуществление баллистического полета потребует не меньших

средств, а для человека — не меньшего риска! Полета вокруг Земли — вот чего требует наука.

Д у м е н к о. Не шажка, а решительного шага, и, может быть, даже дерзновенного.

Т о м и л и н *(бешено).* Да что вы все прицепились к моим шажкам?! *(Бросает на стол мешочек с землей.)* Взгляните!

Г о р ш и н. Что это?

Т о м и л и н. Земля Байконура. *(Достает из мешочка щепотку земли.)* Сердце у вас не щемит при виде ее? Тысячи лет она ждет человеческой ласки, заботливых рук. Потрогайте: суха, как мумия. Дать этой землице один глоток воды — и она одарит нас своей щедростью. Каналы, оросительные системы надо сооружать в казахской степи. А вы египетские пирамиды строите!

К у л и к о в *(примирительно).* Сергей Павлович, Алексей Тихонович, мы ведь не враги вашим идеям, не враги прогресса. Я бы лично никогда не рискнул. Невесомость! Враг номер один. Кто знает, может, полчаса невесомости — и… смерть. Мы не ретрограды, нет. Но представьте, что эксперимент не удался или, не дай бог… Как мы будем смотреть в глаза ученому миру?

К а л ю ж н ы й. Полеты животных вас не убедили?

К у л и к о в. Нет, Вячеслав Федорович. Нет!

Д у м е н к о. Извините меня, Филипп Филиппович, но от вашей осторожности попахивает научной трусостью, если хотите.

К у л и к о в. Алексей Тихонович!

Д у м е н к о. Других слов не нахожу.

Г о р ш и н. Кажется, мы начинаем повторяться.

Г о л о с а. Все ясно.

— Пора закругляться.

— Что ясно?

Г о р ш и н. Сергей Павлович, вам заключительное слово как докладчику.

К о р о л е в. Два слова. Наши дети, внуки — будущее планеты Земля. Будущее! Ради него мы живем, мыслим, собрались сегодня в Академии наук. Вы воюете, товарищ Томилин, с будущим, а мы прогнозируем его и по мере сил строим для таких мальчишек и девчонок, как ваш внук, как моя дочь. Вы, Аркадий Семенович, очень опасный для науки человек. Вы используете веские на первый взгляд аргументы. Они легко воздействуют на неподготовленные умы. Тут забота и о народной копейке, и о благе народа. Куда уж дальше! Кто может выступить против! Но я выступлю, ибо все, что вы говорите, — типичная

ограниченность мышления, консерватизм чистейшей воды. Опыт нашей ленинской партии учит нас смотреть вперед, намного вперед…

Г о р ш и н. Вспомните первые пятилетки, годы индустриализации! Извини, перебил тебя, Сергей Павлович.

К о р о л е в. Верно. В те годы немало голосов было за сатин да за ситчик. Партия не согласилась, народ ее поддержал, хотя пришлось потуже затянуть пояса.

Д у м е н к о. Ситчиком от фашизма не укрылись бы. Металл выручил.

К о р о л е в. Точнее — сплав людей и металла. *(После паузы.)* Наша идея освоения Вселенной взращена мечтой всего человечества, его жаждой познания окружающего мира. И потому семена космонавтики, посеянные еще в незапамятные времена, начинают давать всходы.

Входят П р е с н я к о в а и Ф а т ь я н о в. Ждут, когда закончится разговор, чтобы подойти к Королеву.

Т о м и л и н *(ехидно).* Мы еще не знаем, что из этих семян вырастет, — может, сорняк. Да и ракеты ваши еще пошаливают. Человеку летать, а не собачкам.

Думенко *(нервно).* Безответственный домысел!

Хоров *(жестом призывая к вниманию).* Я присутствовал при испытаниях всех ступеней ракеты. *(Проходит по комнате, останавливается возле Горшина.)* Игнатий Игоревич, сочту за честь предложить своего сына — летчика-испытателя — пилотом первого космического корабля.

Шум, возгласы, общее волнение.

Мой сын Николай готов лететь. Он просил меня об этом. Прошу оказать честь нашей фамилии Хоровых.

Общий шум, аплодисменты.

Томилин *(переждав шум).* Похвально, похвально, генерал Хоров. Я знаю, вы и ваш сын мужественные люди. Только науке нужны более веские гарантии успеха. Одних эмоций мало. Наш долг…

Светов *(Томилину).* Долг ученого? Святое слово. Это верно, мы должники у народа… Не любим мы строить дороги. Дороги в завтра. Сиюминутными заботами прикрываемся. Одним словом *(поворачивается к Королеву),* успехов тебе, Сергей Павлович. Буду счастлив помочь

тебе по своей части. *(Томилину.)* А этот слуховой аппаратик, между прочим, Аркадий Семенович, подсобный цех твоей фирмы изготовляет. Дали мне на испытание, не скрою — дерьмо! Вот ваша забота о людях.

Оживление, смех.

Г о р ш и н. Тише, товарищи, прошу вас! Судя по всему, желающих выступить больше нет? Позволю себе напомнить: идея Академии наук об организации полета человека в космос в Центральном Комитете партии и Совете Министров встречена одобрительно. Цель сегодняшней встречи, о чем я говорил, открывая заседание, одна — целесообразный вариант. Я думаю, что мы готовы к новому большому шагу — к орбитальному, именно орбитальному полету человека за пределы Земли. Скептиков же мне хочется спросить: разве извечную жажду познания окружающего мира можно чем-то ограничить? А развитие производительных сил? Имеют ли они предел?

Шум, возгласы одобрения. Королев замечает Преснякову и Фатьянова.

К о р о л е в *(собравшимся).* Извините. *(Пресня-*

ковой.) Ну как? Докладывайте!

Ф а т ь я н о в. Сергей Павлович!

К о р о л е в. Да, здесь!

П р е с н я к о в а. Я… акт испытаний тормозной двигательной установки не подписала. Объект на Землю не возвратился.

Т о м и л и н. А если человек?

В комнате гнетущая тишина.

К о р о л е в. Где Пресняков?

П р е с н я к о в а *(не знает, что сказать).* Я… Он…

К о р о л е в. Что это за местоимения: «я», «он»? Вы разобрались в причинах? Вы полагаете, что ваше дело только сказать «нет»? Может, вы, Лариса Васильевна, из другого ведомства? *(Берет себя в руки.)* Так, так.

Т о м и л и н. А если человек, Сергей Павлович?

К о р о л е в *(принимает решение. Горшину).* Извините, Игнатий Игоревич, я должен уйти. Надо во всем самому разобраться. По горячим следам. *(Поворачивается к Пресняковой и Фатьянову.)* А вас я знать не хочу. (Уходит.)

Фатьянов и Преснякова идут за ним.

Т о м и л и н *(всем, решительно).* Так что шажок за шажком, да и растянуть бы их на сотенку лет.

Занавес

ВО ВРЕМЯ АНТРАКТА

Голос Москвы. Передаем очередное сообщение ТАСС о полете корабля «Восток». Период выведения корабля-спутника «Восток» на орбиту космонавт товарищ Гагарин перенес удовлетворительно и в настоящее время чувствует себя хорошо. С ним поддерживается двухсторонняя радиосвязь.

СТРАНИЦА ТРЕТЬЯ
Сентябрь — октябрь 1959 года.
ЕСТЬ НАШ ВАРИАНТ!

Ж у р н а л и с т *(перед занавесом).* После жаркой дискуссии в Академии наук прошло несколько месяцев. Сергей Павлович Королев не прекращает работы над космическим кораблем. Но нет еще окончательного решения, каким быть полету — баллистическим или орбитальным. А тут еще некстати сдало сердце…

Открывается занавес. Летний домашний кабинет-веранда Королева. Круглый стол завален книгами, журналами. Вдоль стены справа — книжные полки. На стене возле двери, ведущей в другие комнаты, коричневая доска. На ней цифры. Фотография искусственного спутника Земли. На переднем плане сцены — вековые березы; чуть дальше, в глубине, — осенний яблоневый сад. Справа несколько садовых скамеек. Одна из них сломана. Между березами натянут плакат, на котором написано от руки: «Талант — это вера в себя, в свои силы. М. Горький». Возле калитки на скамейке сидит П р о к о п ь е в н а. Возле нее

телефон.

К о р о л е в в домашнем костюме: темно-серые брюки, темно-синий свитер. Он стоит возле доски и пишет какие-то цифры. Энергичным движением руки стирает их. Вычерчивает на доске схему спуска корабля из космоса на Землю.

К о р о л е в. А если так?*(Снова вычерчивает на доске.)* Нет, не годится. Тормозная установка должна работать как часы. При чрезвычайных обстоятельствах мы обязаны будем включать ее в любую секунду полета над любой территорией. Без уменья возвращать аппарат на Землю нет корабля, нет полета. Нет эксперимента. Тут Томилин прав. Это вопрос вопросов. *(Подходит к телефону, набирает номер.)* Соедините со сто пятым. Да, с Пресняковой. *(После паузы.)* Нет связи! Сутки же прошли! Чепуха какая-то. До Луны добрались, а тут сто километров… Извините. Не вам. *(Вешает трубку и с силой нажимает большим пальцем то место на столе, где обычно укрепляется кнопка звонка.)* Черт! *(Кричит.)* Нина!

Н и н а И в а н о в н а *(из соседней комнаты).* Я здесь. *(Появляется в дверях.)*

К о р о л е в *(смотрит на часы).* Мои не врут?

Н и н а И в а н о в н а. Ждешь кого-то? Лекарство, конечно, не принимал. Беда с тобой. *(Дает*

таблетку.)

К о р о л е в. Хуже рыбьего жира.

Н и н а И в а н о в н а. Прокопьевна очередную почту несет.

Входит П р о к о п ь е в н а.

П р о к о п ь е в н а *(Королеву).* Все пишут и пишут. Все заказные. Когда прочитывать успеваете?

К о р о л е в. Не ворчите, Прокопьевна. Что тут у вас?

П р о к о п ь е в н а. Письма. Телеграммы не по-нашему написаны.

К о р о л е в *(читает).* Париж, Лондон, Нью-Йорк. С ними я сам справлюсь. *(Кладет в карман. Нине Ивановне.)* Посмотри, что в этой охапке срочного?

Н и н а И в а н о в н а. «Новый мир» пришел. *(Забирает всю почту и уходит.)*

П р о к о п ь е в н а. Я вас тоже хотела спросить, Сергей Павлович. На Луне-то жить придется или только так, для науки?

К о р о л е в. И то, и другое. С Луны будем изучать другие планеты. Может, когда-нибудь найдем подходящую. Похожую на нашу Землю. Освоим ее.

П р о к о п ь е в н а. Не пойму! У нас земли на Земле вроде хватает.

Королев не отвечает. Читает телеграммы.

Тишина-то какая! Не нарадуешься. Никто не звонит, никто не приходит.

К о р о л е в. Вы о чем это, Прокопьевна?

П р о к о п ь е в н а. Пока человек на коне, все шапку ломают.

К о р о л е в. Не рвите мне душу.

П р о к о п ь е в н а. Да я так, к слову. Жалеючи. Вижу, извелся. Сын у меня вроде вас, такой же беспокойный.

К о р о л е в *(вдруг оживляется).* Послушайте, Варвара Прокопьевна, давно хотел спросить: сын часто пишет?

П р о к о п ь е в н а. Не балует. Как ваша Наташа — раз в месяц.

К о р о л е в. Все летает?

П р о к о п ь е в н а. Училище для этого окончил.

К о р о л е в *(мягко).* Скажите, Варвара Прокопьевна, если вашему сыну в космос придется лететь, благословите?

П р о к о п ь е в н а *(отшатывается).* Последнего сына на смерть?! Что вы, Сергей Павлович,

сейчас не война.

К о р о л е в. Да… Сейчас не война.

П р о к о п ь е в н а. Извините, коли я не то сказала. *(Быстро уходит во двор.)*

К о р о л е в *(про себя).* Да, я теряю время. Пишу статьи, порчу бумагу и чернила. *(Комкает все написанное и бросает на стол.)* Нет, надо работать, работать. *(Нервно ходит по кабинету.)* Сидеть дома нельзя, невозможно, преступно.

Входит Н и н а И в а н о в н а. Она со вкусом, нарядно одета. В руках хозяйственная сумка и «Новый мир».

Н и н а И в а н о в н а. С кем ты так энергично разговариваешь?

К о р о л е в *(рассмеялся).* Подслушивала? Куда так вырядилась?

Н и н а И в а н о в н а *(несколько игриво).* Тебе нравится? *(Грустно.)* Моя орбита по кругу: дом — магазин — дом, дом — аптека — дом. Сегодня вот квартплату внести.

К о р о л е в *(как-то необычно внимательно смотрит на жену. С горечью).* Плохо тебе со мной, с моими делами, вечной занятостью… и болезнями.

Н и н а И в а н о в н а. Плохо, Сергей. *(Вздыха-*

ет.) Только ведь каждому свое счастье. Мне — мое. И другого не надо, не хочу. Слышишь? Не хочу. Люблю тебя ждать из твоих бесконечных командировок. *(Весело.)* А вообще за что я тебя люблю?

К о р о л е в *(повеселев).* Действительно, за что? Ты об этом мне ни разу не говорила.

Н и н а И в а н о в н а. Не знаю. Да и не спрашивал ты меня об этом.

К о р о л е в. И некрасив, и грубоват. *(Смеется.)* Ну, может, в уме не откажешь мне. *(Машет рукой.)* Но и ума не хватает, и такта. *(Задумывается.)*

Н и н а И в а н о в н а *(переводя разговор).* Пойдем, Сережа, проводи до калитки. Полдня за бумагами. Отдохни.

К о р о л е в. И то дело. *(Увидев журнал.)* Журнал-то зачем?

Королев и Нина Ивановна идут из кабинета в сад.

(Замечает плакат. Весело смеется. Нине Ивановне.) Твоя работа? Нет, с тобой не заскучаешь. Ты же знаешь, местком второй год массовика ищет.

Н и н а И в а н о в н а. Не пойду. Мало платят. Да, Сергей, скамейка сломалась. Сама хотела

починить, да не получилось. Там и гвозди и молоток.

К о р о л е в *(шутливо).* Слушаюсь.

Н и н а И в а н о в н а. Совсем забыла. Садовник обещал прийти. Посоветуйся с ним.

К о р о л е в. Слушаюсь. Еще какие приказания? Тогда у меня просьба. Что-то на бруснику потянуло, может, найдешь.

Н и н а И в а н о в н а *(срывает яблоко).* А пока яблоко съешь. *(Уходит к Прокопьевне, о чем-то говорит с ней, изредка посматривая на Королева.)*

К о р о л е в. Житомиряночка. *(Держит в руках яблоко. Любуется.)* Первые плоды. Красивые… *(Подходит к яблоньке.)* Не могу припомнить, кто из друзей привез тебя с родины — тонконогую, с пятью веточками. *(Снова рассматривает яблоко, будто видит впервые.)* Нина, а почему яблоко круглое? И Земля круглая, и планеты?

Н и н а И в а н о в н а *(подходит).* И даже моя голова. Ну, я побежала. *(Целует Королева. Идет мимо другой яблони. Останавливается, что-то рассматривает.)* Ты смотри, Сережа, паук какую паутину наплел. Жди добрых вестей. *(Проходит мимо Прокопьевны, что-то говорит ей, показывая то на сад, то на Королева. Уходит.)*

Появляется Ж у р н а л и с т. Королев сосредоточенно рассматривает яблоко.

К о р о л е в. Во всем этом чувствуется какой-то мудрый смысл. Может, в этой шарообразной форме природа заложила еще не объясненную человеком целесообразность. Следуя природе, первый космический корабль… круглым… Круглым. Гениально! *(Достает записную книжку и начинает что-то чертить. Потом идет к сломанной скамейке. Сколачивает ее.)*

Ж у р н а л и с т. Столярничаете? Здравствуйте, Сергей Павлович!

К о р о л е в. А, Пимен-летописец! Опоздали на пять минут, товарищ пресса. Рад видеть вас. Поручение жены… Ну вот, теперь можно и сесть. *(Садится на скамейку.)* Остальное потом доделаю. *(Достает из кармана листки бумаги.)* Прочитал, прочитал ваш репортаж. Как бы вам сказать…

Ж у р н а л и с т. Понял вас!

К о р о л е в. Не торопитесь. Такое чувство, будто я стою возле памятника самому себе. Очень скверное чувство.

Ж у р н а л и с т. Не вы один стояли, Сергей Павлович.

К о р о л е в *(смеется).* Ну-ну!

Ж у р н а л и с т. Образ Главного в репортаже

собирательный. В нем от Королева небольшие крупицы.

К о р о л е в. Ну, и на этом спасибо. Кто-то из вас, журналистов, однажды написал примерно так: «Главный конструктор — мозг, душа, сердце всего». И еще что-то вроде этой чепухи. Запомните, товарищ пресса, век ученых-одиночек кончился. Фундаментальные проблемы решают десятки, а порой сотни коллективов. Кол-лек-ти-вов!

Ж у р н а л и с т. Но должна же, Сергей Павлович, быть единая воля, единый направляющий разум?!

К о р о л е в. Главное — единая цель, увлекшая всех. Нет энтузиазма без увлеченности. Нет.

Ж у р н а л и с т. Но кто-то же должен быть главным, ответственным за все!

К о р о л е в. Должен. Космос — это не временная кампания. Он навсегда! Все надо делать основательно. Вы знаете, я пришел в ракетную технику с мыслью о полете человека в космическое пространство. И я знаю, день, к которому мы идем, станет великим торжеством разума и рук человеческих. Но он не родился сам по себе. Он нерасторжимыми узами связан с миллионнопрошлым всего человечества. Не будем досконально заглядывать в то бесконечно далекое. Но у меня

нет сомнений, что земляне всегда жили не только одной мыслью, чем накормить себя, но и робкой, с веками усиливающейся жаждой познания окружающего мира, им непонятного и дорогого. Самые разумные из людей уже задумывались, глядя на небо, а «что» и «почему». Солнце, питающее их светом и теплом, Луна, приходящая на смену дневному светилу, мерцающие в ночи звезды и созвездия, напоминающие очертания животных, рыб и человека и куда-то исчезающие. Все это и многое другое радовало и тревожило, чаще пугало ум человека младенческого периода. *(Задумывается.)* Перешагнем геоцентрическое мировоззрение, долго властвовавшее умами. А разве нет органической связи между сегодняшним днем и идеями Галилео Галилея, Джордано Бруно и Николая Коперника, Иоганна Кеплера и Исаака Ньютона? Мы вправе поставить рядом с ними Михаила Ломоносова и Константина Циолковского, Альберта Эйнштейна? Этим революционным в науке умам человечество обязано многим... *(Спохватывается.)* Я, кажется, увлекся... Это от безделья. Неделю дома. Никто не приходит, никто не звонит, как сговорились. И решения окончательного все нет... *(Смеется.)* Значит, Главный — с миру по нитке? Действи-

тельно, он не один. Смотрите: академик Горшин. Светлейшая голова, теоретик. Масштабы его математических открытий грандиозны. Без него в космонавтике что полет корабля без системы ориентации. Мне просто везет на людей. И будьте объективным, честным перед историей. Пишите о том, что есть, и о тех, кто есть. *(Смеется.)* Смотрите-ка, афоризм. *(Передает листки бумаги.)* Там кое-какие пометки технического характера.

Ж у р н а л и с т. Спасибо, Сергей Павлович. До свидания.

К о р о л е в. Будут вопросы — звоните…

Журналист уходит через калитку возле Прокопьевны. Звонит телефон. Прокопьевна берет трубку. Появляется Ф а т ь я н о в. Видно, что он с дороги. Ждет, когда Прокопьевна кончит разговаривать.

П р о к о п ь е в н а *(в трубку).* Пастухова. Нет, миленький. По слогам: Па-сту-хо-ва. Вот и хорошо. Товарищ Королев живут тут. Только сегодня вроде выходной, да и больны они. Конституция, как солнце, для всех одна. Не объясняй, сама грамотная. Дело-то какое? Помедленнее. Так, так, так. Позвони, миленький, к заму. Скажи, Варвара Прокопьевна посоветовала. Не учи, не учи. Я

тут ихние порядки знаю. Как кто? Вахтер. Вахту, значит, несу. Салют! *(Вешает трубку. Фатьянову, приняв его за садовника.)* Чего опаздываешь? Обещал к десяти, так к десяти и прибудь. Академика заставляешь ждать. А где саженцы?

Фатьянов. Саженцы? Какие саженцы?

Прокопьевна *(показывая на футляр для чертежей).* Ну, слава богу, хоть инструмент-то прихватил.

Фатьянов. Да… То есть нет.

Прокопьевна. Ну, коли нет, так наш возьми. *(Передает растерявшемуся Фатьянову лопату.)* Да иди пошибче, хозяин давно ждет.

Фатьянов идет к Королеву. Прокопьевна — за ним.

И скамейку справить подмогни. Он тебе за все разом и заплатит.

Фатьянов и Прокопьевна подходят к Королеву. Ждут, пока тот забьет гвоздь.

Вот, привела.

Фатьянов. Это я, Сергей Павлович.

Королев *(радостно).* Фатьянов?

Фатьянов. Да вот… *(Показывает на Прокопьевну.)*

П р о к о п ь е в н а *(радостно).* Так мы же вас давно ждем! Ну молодец, что пришел. Исстрадался весь, вас ожидаючи. А что за садовника приняла, уж извините. Здоровьем-то бог не обидел. Вон какой! Вроде моего младшего, Василия.

К о р о л е в. Пока мы тут, может, вы, Варвара Прокопьевна, у меня в кабинете порядок наведете? Только, пожалуйста, ничего не выбрасывайте.

П р о к о п ь е в н а. Чего меня учить-то! Первый день, что ли! Поговорите. *(Уходит.)*

Ф а т ь я н о в. Смешная старуха.

К о р о л е в. Смешная?! Всю войну эта смешная женщина у токарного станка простояла… Муж и два сына… в земле. Руки целовать надо при встрече. Вот так, Борис Борисович!

Ф а т ь я н о в *(смущенно).* Извините, не знал.

К о р о л е в. Ну добро, садовник. Что пришел — спасибо. А как дела?

Ф а т ь я н о в. В общем, с тормозной установкой, по-моему, все в порядке…

К о р о л е в. Ну наконец-то! Раз так, можно подвести некоторые итоги. Отработка систем корабля идет полным ходом. Добро. Проблема герметизации решена. Теплозащита корабля найдена. Спасибо профессору Светову. С энергетикой

все в порядке. А вот система ориентации — капризная штука. Возьми ее под свой контроль, Борис Борисович. Передай, пожалуйста, мою просьбу генералу Хорову: пусть сам лично поприсутствует на испытаниях парашютных систем. Ну что же, к баллистикам у меня претензий нет пока. Горшинская фирма — вне конкуренции. И прошу, Борис Борисович, максимум энергии и внимания. В нашем деле мелочей нет. *(Склоняется над бумагами.)* Так, так. Разумно. Это чья подпись? Георгия Преснякова? А это?.. Лариса Преснякова? До чего расписываются одинаково, чертенята! Удивительно талантливая пара. Тебе не кажется?

Фатьянов *(после паузы).* Они разные… И… поссорились. С того дня в академии.

Королев. Ты, кажется, радуешься?

Фатьянов. Я люблю ее, Сергей Павлович.

Королев. Вот те раз!

Фатьянов. Мы учились с Ларисой и Георгием в одной школе. Дружили. Потом фронт. Вы знаете. *(После паузы.)* Георгий Пресняков вернулся первым…

Королев. Жизнь. Ты никогда не говорил мне…

Фатьянов свертывает чертежи.

Нет, нет. Оставь мне. Я пару дней помозгую. Куда-то валидол затерялся. *(Серьезно.)* Ты что-то хочешь мне сказать?

Фатьянов. Вот. *(Подает Королеву листок бумаги.)*

Королев *(читает).* Я против. Решительно против.

Фатьянов. Но вы, Сергей Павлович, не только конструировали самолеты и планеры, но и сами испытывали их. Представьте, я в кабине корабля.

Королев *(официально).* Не представляю. Да и вообще к чему этот разговор? Вы знаете, нет окончательного решения.

Фатьянов. Может, разрешат по баллистической?

Королев *(раздраженно).* Тогда… Тогда передайте ваше заявление Томилину. Да-да, Томилину. И забудьте дорогу ко мне. Мне нужны единомышленники во всем: в большом и малом… *(Берет себя в руки.)* Что же нам Преснякова не звонит? Пойду закажу полигон. *(Уходит на веранду к телефону.)*

Появляется Преснякова в дорожном костюме — куртке и сапогах. Фатьянов быстро идет ей навстречу.

П р е с н я к о в а *(нервно).* Борис!

Ф а т ь я н о в. Я все понял, Лариса.

П р е с н я к о в а. Есть дефекты, правда незначительные. Пытались скрыть их от меня. Я не имею права. Дело в принципе. Сегодня в малом, завтра могут в большом.

Ф а т ь я н о в. Ни слова Королеву. Я сам.

Появляется К о р о л е в. Видит Преснякову.

П р е с н я к о в а *(как можно веселее).* Здравствуйте, Сергей Павлович!

К о р о л е в. Здравствуйте, здравствуйте. А я заказал полигон. Самую суть!

Ф а т ь я н о в *(торопливо).* Тормозная есть. *(Пресняковой.)* Ты, Лариса, очень устала. Сергей Павлович…

К о р о л е в. Да, да, конечно, пойдемте на веранду. Остальное потом. Отлично, отлично. Теперь снова вперед. А сейчас за стол. Борис, свертывайка свои чертежи. В кои-то веки мы встречаемся так, по-домашнему. Рад, рад, что вы оба здесь. *(Обнимая Преснякову и Фатьянова, уходит на веранду.)*

К Прокопьевне подходит Е г о р о в. Он в осеннем легком пальто, в кепке. В руках продолговатый сверток.

Е г о р о в. Здравствуйте!

П р о к о п ь е в н а. Здравствуй.

Е г о р о в. Сергей Павлович дома?

П р о к о п ь е в н а. Не садовник, случаем?

Е г о р о в. Кое-что понимаю. Яблоньки-то подрезать пора. Крепко запущены.

П р о к о п ь е в н а. Кому ухаживать-то? Сам с утра до вечера на работе. Инструмент-то поставь, чего ты его в руках, как младенца, держишь.

Егоров ставит сверток к забору.

Ты посиди тут, а я пойду доложу.

Егоров садится на скамейку. Прокопьевна идет на веранду к Королеву.

К о р о л е в *(Пресняковой и Фатьянову).* Вот жена ушла некстати! *(Достает коробку конфет. Пресняковой.)* Признавайтесь, Лариса Васильевна, любите сладкое? Прошу.

П р е с н я к о в а. Признаюсь, Сергей Павлович, люблю. В детстве нас не баловали. Отец у меня строгий. Сахар и мед признает. Остальное, говорит, баловство.

Появляется П р о к о п ь е в н а.

П р о к о п ь е в н а *(всем).* Какой-то бородач

пришел. Похоже, в этот раз садовник, с инструментом. Яблони пора подрезать, запущены, говорит, очень.

К о р о л е в. Пойдемте, Варвара Прокопьевна. *(Пресняковой и Фатьянову.)* Я сейчас. А вы пока новую песню Бориса Мокроусова послушайте. *(Включает магнитофон.)*

Звучит песня:

Кружат в небе планеты —
Сестры нашей Земли.
Твердо верим: ракеты
К ним домчат корабли.

Королев и Прокопьевна подходят к калитке. Егоров встает.

К о р о л е в *(подает руку).* Здравствуйте. Королев.

Е г о р о в. Не узнаешь, Сергей Павлович? *(Встает по стойке «смирно», вскидывает руку к козырьку, четко, по-военному.)* Товарищ начальник, первая советская жидкостная ракета ноль девять к старту готова. Механик Егоров.

К о р о л е в. Кажется, это сон… Егорыч! *(Бросается к Егорову.)* Родной мой! *(Обнимает.)* Да неужели это ты?! Сколько лет прошло! А бороди-

ща-то, бородища!

П р о к о п ь е в н а *(в сторону).* Опять промахнулась. *(Уходит.)*

К о р о л е в. Пойдем, старина. Там у меня двое инженеров с работы. Подождут! Вон туда. Ну, рассказывай.

Садятся на скамейку.

Е г о р о в. Да что рассказывать? Воевал. Подгорел в танке. *(Гладит рукой по щеке.)* За бороду и спрятался. После войны партийная работа. Одно поручение за другим. Вот и сегодня приехал за новым. *(Смотрит на часы.)* В восемнадцать двадцать должен быть у секретаря ЦК. Давно хотел тебя повидать, Сергей. Да и в Москве-то лет пятнадцать не бывал. Сижу все в родной Сибири. Кое-кого спрашивал: где Королев? Никто не знает. А тут первый спутник… Опять спрашиваю: кто командует? А мне в ответ: Главный. Как фамилия, спрашиваю, а они: не знаем. Только по размаху да по хватке понял — твоих рук дело.

К о р о л е в. Чуть было не связали эти руки.

Е г о р о в. Не пойму что-то.

К о р о л е в. Мечтали о полете человека Циолковский, Цандер, Кондратюк…

Е г о р о в. Теперь и пора. Силищу какую народ

накопил! По Сибири вижу.

К о р о л е в. Скажи мне, старый мой друг, действительно все это не ко времени? Война была…

Е г о р о в. Не ко времени? А план электрификации? Что греха таить, не все поняли в двадцатом году великую ленинскую задумку. Да и я в том числе… Опять же земля-то не бездонная кладовая. Железо, уголь, нефть не хлеб, не вырастишь. Пора, самая пора трубить во все трубы, как перед началом атаки. А ты — не ко времени.

К о р о л е в. Сердце сдает. Две недели на Грановского провалялся.

Е г о р о в. Подлечат. Медицина вон куда шагнула. Поговаривают, что ученые искусственную почку создали, — может, скоро и наши моторы научатся ремонтировать, а еще лучше заменять новыми.

Идут к саду.

А садик-то запущен.

Королев и Егоров уходят в сад. Действие продолжается на веранде.

П р е с н я к о в а. Борис, давай послушаем еще раз… *(Включает магнитофон.)*

Звучит песня:

Будет все по-земному:
И любовь, и весна.
Только жаль, что в окно к нам
Не заглянет луна…

Фатьянов. Я помню, Лариса, другую. *(Выключает магнитофон.)*

Преснякова. Не надо, Борис.

Фатьянов. Почему?

Преснякова. Прошло столько лет…

Фатьянов. Послушай, Лариса, я тебе никогда об этом не говорил. Однажды меня фашисты схватили… и расстреляли. Но пуля попала вот сюда. *(Показывает на шею.)* Ночью с трудом выбрался из-под трупов. Как никогда раньше захотелось жить. Жить, чтобы драться. Драться с фашистами до конца. И когда командир партизанского отряда говорил о Родине, я видел тебя. Когда он меня отправлял в разведку, я знал: рядом со мной ты. Все, что было на земле, было с тобой, Лариса. *(Достает из кармана маленькую фотографию.)* Ты помнишь эту девчонку с косичками и добрыми глазами? Я всегда ношу ее с собой. И когда мне очень трудно, я смотрю этой девчонке в глаза, как сейчас.

Преснякова. Прости меня, если можешь.

(Закрывает лицо руками.)

Фатьянов. Я люблю тебя… Люблю.

Преснякова. Боря… *(Берет из рук Фатьянова фотокарточку и долго смотрит на нее. Вдруг зарыдала.)* Ты прости меня…

Фатьянов. Милая ты моя! *(Обнимает Преснякову.)*

На веранду из комнаты выходит Королев. Видит Преснякову и Фатьянова. Улыбается. Неслышно подходит к книжной полке, берет книгу и так же неслышно уходит.

Преснякова. Ой, кто-то здесь был! Это Сергей Павлович. Стыд-то какой! И все ты, Борис.

Фатьянов. Он все знает, Лариса. Сергей Павлович мне вместо отца. Встретились после войны в небольшом немецком городишке. Я лежал в госпитале. Он приезжал к своему другу. В общем, после госпиталя я заехал к нему. Это было в мае тысяча девятьсот сорок шестого года. Потом поступил в Бауманку. Родные, ты знаешь, погибли, помогать было некому. Сергей Павлович придумал для меня должность. *(Смеется.)* Ночного вахтера у него в кабинете. «Вот тебе, — говорит, — Борис, должность. Место для занятий, место для сна и зарплата на пропитание». Днем

слушал лекции Сергея Павловича по ракетной технике, а вечером... *(Неожиданно вспоминает.)* Лариса, какое сегодня число?

П р е с н я к о в а. Шестое октября. *(Вспоминает.)* Боже мой! *(Закрывает лицо руками, плачет.)*

Ф а т ь я н о в. Ну что ты! Не надо. Не плачь, родная.

П р е с н я к о в а. Пятнадцать лет... Все как вчера. Вокзал, шинель и ты. Я никогда не забуду твоих глаз.

Ф а т ь я н о в. Пойдем в сад, Лариса. И спой ту... что в тот год... на вокзале.

Фатьянов и Преснякова уходят. Появляются К о р о л е в и Е г о р о в с книгой в руках.

Е г о р о в *(энергично).* А у министра был? Боишься, я вижу, у начальства по столу кулаком постучать. Не узнаю тебя, Королев. С Центральным Комитетом партии в одном городе живешь, мог бы и сходить.

К о р о л е в. Ну что ты, Василий Петрович, на больного так навалился?

Е г о р о в. Партия — это, Сергей, для сильных, для самых сильных... Может, мне позвонить по-дружески старому коннику Клементию Воро-

шилову? Ну что молчишь?

К о р о л е в. У меня рубашка взмокла. Двадцать лет не виделись и устроили заседание. Будто больше не о чем говорить… Как твои парни, что делают?..

Е г о р о в. Федор с войны не вернулся. В последний день у рейхстага проклятая пуля свалила… Анисья с той поры как травинка. Владимир — карусельщик в Ленинграде. Турбины для наших сибирских ГЭС строит. Недавно ордена Ленина удостоен.

К о р о л е в. Поздравляю. Я помню его. Он все время у нас в мастерской крутился. Любил гайки ключом закручивать.

Е г о р о в *(смеется).* Ну, по части закручивания гаек ты был непревзойденным мастером. Помнится, промашка у меня случилась, так закрутил *(копируя Королева):* «Мы, товарищ Егоров, не утюги с вами делаем, а ракеты…» А за книгу спасибо, дорогая память…

К о р о л е в. Да что там!

Е г о р о в. Только ведь и я, Сергей, тебе подарок приготовил. *(Идет к калитке, берет сверток, снимает с него упаковку и возвращается.)*

Поблескивает металлической синевой ракета. На ней четко «09».

Позволь вручить. Правда, без торжественной церемонии. Дал слово себе подарить ее тому, кто первым запустит ракету в космос. Счастлив, по-человечески счастлив, что именно тебе.

К о р о л е в *(растерянно, радостно).* Знаменитая московская! Спасибо, Егорыч. Лучшего подарка и не может быть. Спасибо! *(Ставит ракету. Обнимает Егорова.)* Такая малюсенькая! А нынешняя-то — громадина. *(Задумывается.)* Первый шаг. Всякое дело начинается с первого шага. Помню, радовался я... Наташенька вот такой шажок сделала, сейчас студентка Первого медицинского, первый шаг... не скрою, люблю их, самые первые, самые трудные.

Е г о р о в *(после паузы).* Ну вот, свои обязанности выполнил. Мне пора, Сергей Павлович.

К о р о л е в. Как пора? С минуты на минуту моя жена возвратится.

Е г о р о в. Не могу. Весь лимит времени израсходован, а еще в пригороде надо побывать. Дочь там у меня. *(Грустно.)* Старшая невезучая. Все не так, как у людей. При случае расскажу. Три года дома не была. А тут пишет: приезжай, отец, тяжело мне. Командировка в Москву как нельзя кстати.

К о р о л е в *(неожиданно).* Послушай, Егорыч,

просись в ЦК к нам. Секретарь парткома на учебу уходит. Вот мы с тобой бы закрутили…

Е г о р о в. Я солдат партии. Куда пошлют.

Раздается телефонный звонок.

К о р о л е в. Это полигон. Извини. *(Кричит.)* Варвара Прокопьевна! Проводите Егорыча к машине. Я сейчас. *(Торопливо идет к телефону, что в кабинете.)*

Егоров и Прокопьевна уходят через калитку. Появляются П р е с н я к о в а и Ф а т ь я н о в.

П р е с н я к о в а. А где же садовник? *(Оглядывается. Видит ракету, удивленно восклицает.)* Отец! Нет, сегодня у меня какой-то необыкновенный день.

Появляется К о р о л е в. Слышит слова Пресняковой.

К о р о л е в. Какой отец? Может, ты мне объяснишь, Борис?! *(Догадавшись.)* Егорыч? Догоняйте, а то уедет!

Преснякова и Фатьянов бегут к калитке. Со стороны сада появляются Н и н а И в а н о в н а и К а л ю ж н ы й. Их видит Королев.

Сейчас меня начнут лечить. *(Прячется за дерево.)*

Нина Ивановна *(Калюжному.)* Все нервничает. Привык все сам.

Калюжный. Да и у нас без него, Нина Ивановна, откровенно говоря, все не так. Никто до конца ответственность на себя взять не хочет. Топчемся на месте. *(Передает рецепт.)* Это тонизирующее. Все остальное, как раньше.

Нина Ивановна *(замечает Королева. Калюжному).* Тс-с! *(Королеву.)* Выходи, Сергей, выходи.

Калюжный *(Королеву).* Добрый день, Сергей Павлович!

Королев. Рад вас видеть, Вячеслав Федорович! Как здоровье Филиппа Филипповича? Он мне звонил позавчера, два таких великолепных предложения… А как там орлята? Тренируются? Что вы молчите?

Калюжный мерит Королеву давление.

А почему «топчемся на месте»?

Калюжный *(не обращая внимания на вопросы Королева).* Давление сегодня в норме. Я разрешаю вам работать дома, не более четырех часов в день. Разрешу вашим ближайшим сотруд-

никам звонить вам.

К о р о л е в. Вот как! Значит, я все это время как бы под домашним арестом! *(Сдерживается.)* Ну и дела! *(Просительно.)* Так как все-таки идут тренировки?

К а л ю ж н ы й. Нелегко ребятам. Нагрузки большие. Все для них непривычно, да и для нас тоже. Авиационного опыта явно недостаточно. Начались первые встречи летчиков с кратковременной невесомостью. Ребята не жалеют себя, выкладываются полностью. Особенно первая группа: Попович, Гагарин, Титов, Николаев, Быковский, Леонов…

К о р о л е в. Не назвали седьмого. Почему?

К а л ю ж н ы й. Пришлось откомандировать.

К о р о л е в. Правильно. Я полностью одобряю решение генерала Хорова. И впредь будем поступать так. Нам нужны люди, верящие в дело, увлеченные им. Спасибо, Вячеслав Федорович, за информацию. *(Весело.)* Много ли мне надо.

К а л ю ж н ы й *(пользуясь хорошим настроением Королева, передает ему листок бумаги).* Сергей Павлович, вы знаете, я ведь не только медик, но и летчик.

К о р о л е в *(хитро улыбается).* Я здесь, дома, Вячеслав Федорович, человек бесправный. Одно

слово — пациент. Завтра в КБ я с удовольствием продолжу этот разговор…

К а л ю ж н ы й *(решительно).* Через неделю, не раньше.

К о р о л е в *(вспылив).* Ну вот что, товарищ Калюжный…

Н и н а И в а н о в н а *(пытаясь потушить назревающий конфликт).* Да, Сергей, я тебе такой чудесной брусники купила… Совершенно случайно. Шла мимо и…

К о р о л е в *(выходит из себя).* Какая брусника! При чем тут брусника! *(Калюжному.)* Вам все ясно? Завтра в двенадцать ноль-ноль.

К а л ю ж н ы й *(по-военному).* Слушаюсь! *(Берет под козырек.)* Честь имею.

К о р о л е в. Честь имею.

К а л ю ж н ы й быстро идет к калитке.

Н и н а И в а н о в н а *(вслед Калюжному).* Куда же вы, Вячеслав Федорович? Сергей, что же ты молчишь? Ты ведешь себя несносно. Я тоже пойду.

К о р о л е в *(останавливая Нину Ивановну).* Ну, Нина, ну, подожди. Кто-то хвастал чудесной брусникой.

Н и н а И в а н о в н а *(копируя Королева).* «Какая брусника! При чем тут брусника!»

К о р о л е в. Вот опять не сдержался. (Меняя тему разговора.) Ну что там, Ниночка, умного в журнале? *(Берет журнал, читает.)* Межелайтис. *(Читает.)* Удивительно, как настоящий поэт чувствует время! Подумай, я, ученый, и он, писатель, мыслим одинаково. Вернее, об одном и том же. Читай-ка вслух, у тебя это получается красивее.

Н и н а И в а н о в н а *(читает).*

Недра мозга, пласты мозга
Глубоки, словно рудные недра.
Я из них вырубаю, как уголь,
Выплавляю из них, как железо,
Корабли, бороздящие море,
Поезда, обвившие сушу,
Продолжение птиц — самолеты
И развитие молний — ракеты.

К о р о л е в *(повторяет).* «И развитие молний — ракеты». Кто-то должен быть первым.

Н и н а И в а н о в н а *(настороженно).* Конечно, конечно…

К о р о л е в. Испытывал же я планеры и самолеты.

Н и н а И в а н о в н а *(испуганно).* О чем ты, Сережа?

К о р о л е в. Каждый первый тоже был чьим-то сыном, мужем, а может быть, и отцом.

Н и н а И в а н о в н а. Это для молодых.

К о р о л е в. Ради этого шага мы живем, боремся, страдаем от неудач и терзаемся сомнениями.

Н и н а И в а н о в н а *(нервно).* Ты шутишь.

Бежит П р о к о п ь е в н а. За ней идет о ф и ц е р с в я з и.

О ф и ц е р. Товарищ Королев?

К о р о л е в. Да, это я.

О ф и ц е р. Прошу документ.

К о р о л е в. Нина, а где он у меня?

Н и н а И в а н о в н а. Сейчас. *(Уходит.)*

О ф и ц е р. Пакет из Кремля.

К о р о л е в *(нетерпеливо).* Нина! Скорее!

Входит Н и н а И в а н о в н а.

Н и н а И в а н о в н а *(передает офицеру документ).* Пожалуйста.

О ф и ц е р. Распишитесь в получении.

Королев расписывается. Офицер передает пакет, отдает честь и уходит.

К о р о л е в *(вскрывает пакет).* Боюсь. Видишь, руки дрожат. Читай ты, Нина.

Нина Ивановна *(читает).* Поздравляю, Сергей.

Королев *(радостно).* Есть решение. *(Берет документ, читает. Кричит.)* Егорыч! Василий Петрович! Борис! Лариса! Да где же вы?!

Появляются Егоров, Пресняков а и Фатьянов.

Постановление... О полете... Разрешили наш вариант. Ор-би-таль-ный. Теперь, друзья, только вперед.

Пресняков а *(Фатьянову).* А как же тормозная? Нет, я не могу лгать. *(Шагнула к Королеву.)* Сергей Павлович...

Занавес

ВО ВРЕМЯ АНТРАКТА

Голос Москвы. Сообщение ТАСС. По предварительным данным, период обращения корабля «Восток» вокруг Земли составляет восемьдесят девять и одну десятую минуты. Минимальное удаление от поверхности Земли (в перигее) сто семьдесят пять километров, а максимальное расстояние (в апогее) триста два километра. Системы, обеспечивающие необходимые жиз-

ненные условия в кабине корабля-спутника, функционируют нормально.

СТРАНИЦА ЧЕТВЕРТАЯ
Январь 1960 года
ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ — К ЗВЕЗДАМ!

Ж у р н а л и с т *(перед занавесом).* Эта страница, пожалуй, одна из самых трудных в жизни Сергея Павловича. И хотя идеи Главного конструктора уже переводятся в металл, одна техническая трудность встает за другой. Все делается впервые, действительно впервые в мире… Создан отряд космонавтов. Тренируется Гагарин. А тормозная — эта лестница, без которой космонавт не сможет вернуться на Землю, — все еще капризничает.

Открывается занавес. Огромный цех из бетона и стекла. В разных направлениях цех пересекают два красных полотнища. На одном написано: «Земля — колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели. К. Циолковский». На другом слова: «Искусственные спутники Земли проложат дорогу межпланетным путешествиям». В глубине сцены на специальных ложементах серебристо-матовые баки ракет. В стороне макет космического корабля в натуральную

величину. Где-то вспыхивают искры сварки. Чуть ближе щит, на котором написано: «Сварку ведет бригада коммунистического труда Василия Соколова». Еще один щит: «Досрочно выполним квартальный план!» Слева — отгороженная стеклом часть цеха. Это кабинет заместителя Королева — Громова. На одной из стен — доска. Возле нее Фатьянов, Крутов, Хоров и Пресняков а. Справа в цехе появляются Соколов и Амангалов в светлых халатах. Они несут ящики.

Соколов. Ребята говорят, что Эс Пэ прилетел. Поехал не в гостиницу, а прямо к нам на завод.

Амангалов. Испытание тормозной. Осторожнее. *(Ставит ящик к другому, принесенному ранее.)*

Соколов. Ох и попадет нам, Амир, за эту самодеятельность!

Амангалов. Струсил? Пока Быханов проснется, мы до Марса доберемся. На уголок ставь. Вот так. Пусть все видят. *(Вытирает пот со лба. Пишет мелом: «Ремонт».)* Три дня простоя. А ты… График как соломинку ломаем. Ракете пора летать, а она…

Амангалов и Соколов уходят. В цех входит

К о р о л е в. Он в белом халате, накинутом на плечи, в серой шляпе. В руках небольшой портфель. Дошел до середины цеха, постоял, потом быстро пошел в глубину сцены. Появляется Е г о р о в. Он кого-то ищет. Видит идущую из глубины сцены Н а т а ш у.

Е г о р о в. Ты чего тут, Наташа?

Н а т а ш а. Будто не знаешь.

Е г о р о в. Королева не видела?

Н а т а ш а. Даже на фотографии… Это же тайна… Вот я ему и пожалуюсь!

Е г о р о в. С тобой говорить…

Н а т а ш а. Ну, попроси Громова. *(Машет рукой.)* У всех отец как отец, а у меня…

Кабинет Громова. Ф а т ь я н о в вычерчивает на доске схему космического корабля. К р у т о в, Х о р о в и П р е с н я к о в а о чем-то спорят.

Х о р о в *(Крутову).* Недоверие к человеку?

К р у т о в. Наоборот, Петр Трофимович. Доверие к тем, кто создает технику. Она будет управлять экспериментом с начала и до конца. Вот схема. *(Стирает с доски все начерченное Фатьяновым и чертит свою схему.)*

По металлической лестнице в кабинет Гро-

мова поднимается К о р о л е в. Преснякова не замечает его.

П р е с н я к о в а. Только автоматика? Вы знаете, Эс Пэ против…

К р у т о в *(перебивая).* Да что вы все твердите: Эс Пэ да Эс Пэ? Что он, бог всезнающий, всемогущий?

К о р о л е в *(подходит).* Не бог, не бог. *(Резко.)* И все-таки…

К р у т о в. Лишний вес!

К о р о л е в *(резко, Фатьянову).* Вы почему не доложили мне о положении дел? Вы мои глаза, уши и руки. Есть график работ, он закон для всех. Вы не обеспечили его выполнение. Вы… Дайте мне ваш пропуск, вы отстраняетесь.

Фатьянов достает из кармана пропуск и отдает его Королеву.

Топчемся на месте… Не за горами комплексные испытания. *(В микрофон.)* Я — Королев. Громова прошу немедленно ко мне!

К р у т о в. Может, и мой пропуск возьмете?

К о р о л е в. Я отвечаю за все, товарищ Крутов. С меня тоже есть кому спросить.

К р у т о в. Администрируйте.

К о р о л е в. Хватит с меня томилиных. Теперь

вы... *(Пресняковой.)* Когда же наконец мы покончим с неполадками в тормозной? Лариса Васильевна, я вас спрашиваю. Больше года топчемся. И даже сегодня опаздываем.

П р е с н я к о в а. Испытания уже идут. Последний этап испытаний начнется через несколько часов.

Быстро входит Г р о м о в.

Г р о м о в. Слушаю вас, Сергей Павлович.

К о р о л е в. Мы что, утюги делаем? Занимаетесь ракетой-носителем, а корабль передоверили Фатьянову. Да его Крутов подмял, как школьника! Помолчите! Исходные данные, Леонид Николаевич, вы имели месяц назад.

Г р о м о в. Вы были в командировке, Сергей Павлович.

К о р о л е в *(передразнивая).* Сергей Павлович, Сергей Павлович! А вы? Вы — мой заместитель. У вас знания и власть.

К р у т о в. Возглавляемая мной группа специалистов настаивает на том, чтобы автоматике в корабле было отдано полное предпочтение.

К о р о л е в *(категорично).* Ручная система управления кораблем обязательна. На этом период дискуссии закончим. Мною в эти дни будет

подписана вся документация, касающаяся компоновки первого космического корабля-спутника. Разумные предложения в плане утвержденного проекта — пожалуйста.

К р у т о в. Н-да!

К о р о л е в. Есть сроки работ. *(Фатьянову.)* Что вы там прячетесь, Борис Борисович? Доложите.

Ф а т ь я н о в. Система ориентации корабля требует доработки.

К о р о л е в. Вы почему, товарищ Фатьянов, мне об этом раньше не доложили? Я же вас лично просил…

Ф а т ь я н о в. Сергей Павлович…

К о р о л е в. Я объявляю вам выговор.

Ф а т ь я н о в. Не имеете права.

К о р о л е в *(возмущенно).* Я? Не имею права?!

Ф а т ь я н о в. Вы меня только что отстранили от работы.

К о р о л е в *(рассмеялся).* Ну вот, с такими разве можно работать? *(Крутову.)* В чем дело, Николай Владимирович?

К р у т о в. В нашей лаборатории она прошла полный цикл испытаний.

Х о р о в. Системе работать не в лаборатории, а в космосе.

К о р о л е в. Прошу назначить день контроль-

ных испытаний. Буду присутствовать сам.

К р у т о в *(раздраженно).* Как прикажете, Сергей Павлович.

К о р о л е в. Сейчас, товарищи, главное — космический корабль. Ему все наши усилия. Сегодня генеральные испытания тормозной. А это половина успеха. В конце года полетные испытания космического корабля. Такова программа. Есть ко мне вопросы? Нет? Все свободны.

Крутов, Фатьянов и Преснякова уходят. В кабинете остаются Королев, Хоров и Громов. Королев молча ходит по кабинету.

(Хорову.) А врачи говорят: не нервничайте. Как же! Как там у вас дела в Звездном, Петр Трофимович?

Х о р о в. Отличные ребята, с «ястребков». Через час здесь будет вся группа летчиков. Пора им вникать в дело. Вы найдете для них время?

К о р о л е в. О чем вы спрашиваете? Конечно. *(Уходит.)*

В цехе появляются К у л и к о в и К а л ю ж н ы й.

К у л и к о в *(оглядывая цех).* Никогда бы не подумал, что это заводской цех. И эти белые халаты,

и чистота. Махина! Мой институт вместе с клиникой и парком просто детская игрушка. И все за такой короткий срок! Чувствуется королевская хватка. Да, хотел тебя спросить, Вячеслав. Вместе с нами летели молодые летчики. Один веселый, улыбка необыкновенная…

К а л ю ж н ы й. Тебе понравились?

К у л и к о в *(поняв, о чем речь).* Нет-нет. Таких парней… на смерть… Сейчас не война.

Громов и Хоров подходят к Куликову.

Г р о м о в *(Куликову).* С приездом, Филипп Филиппович! Сергей Павлович просил извиниться перед вами. Я покажу все наше хозяйство. Он обещал вас найти.

К у л и к о в. Так тому и быть. *(Спохватывается.)* Разрешите вам, Петр Трофимович, и вам, Леонид Николаевич, представить *(показывая на Калюжного)* доктора Калюжного…

Х о р о в *(переглядывается с Громовым).* В общем-то… Мы знакомы.

К у л и к о в. Не совсем, не совсем. *(Гордо.)* Вячеслав Федорович мой внук. Так сказать, традиция. В нашем роду он четвертое поколение медиков.

Г р о м о в. Приятно слышать. Поздравляю! Прошу, Филипп Филиппович.

Куликов и Громов уходят. С противоположной стороны цеха появляются Гагарин, Чупин, летчики-космонавты.

Гагарин *(оглядывая цех).* Такого я еще не видел. Здорово! *(Показывая на корпус ракеты.)* Похоже, наша лошадка. Поскорее бы ее оседлать. *(Чупину.)* Тебе нравится, Вася?

Чупин. Тоже мне, кавалерист. *(Мрачно.)* Надоело мне все это. Я же летчик.

Гагарин *(меняя тему разговора, напевает).* «Что ты, Вася, приуныл...»

Второй летчик-космонавт *(подхватывая песню).* «Голову повесил...»

Чупин *(прерывая).* Сорвали нас с летной работы. Да я без нее дня не могу прожить! Можете вы меня понять? А тут еще... Мне осточертели все эти термо-, баро-, центрифуги. Я же летчик-испытатель, черт подери! А здесь? Я чувствую себя как в первоначалке. *(Машет рукой.)* С вами говорить — себе дороже стоит. *(Четвертому летчику-космонавту.)* Ты у нас, Павел Романович, по партийной линии самый старший.

Третий летчик-космонавт *(посмеиваясь).* Задал ты нам задачку, Вася!

Четвертый летчик-космонавт. Ну что ж, решим ее...

П я т ы й л е т ч и к - к о с м о н а в т *(с ехидцей).* А может, Чупина медвежья болезнь одолевает?

Г а г а р и н. Подожди, Валера. Разговор действительно серьезный. Не знаю, как тебя разубедить, Вася, да и не место здесь. Только я тебе скажу, надо иметь терпение. Мы идем на штурм неведомого и чуждого нам мира. И не думай, Чупин, что он встретит нас как родная мать. Нет, это крепость, и водрузят на ней победное знамя самые сильные — сильные знаниями, безгранично верящие в успех. Штурм есть штурм. Будет все: гордое счастье победы, неудачи, жертвы… И все-таки, по мне, нет высшего счастья, чем участие в новых открытиях.

Ч у п и н. Громкие слова, Юра!

В т о р о й л е т ч и к - к о с м о н а в т *(ни к кому не обращаясь).* «Испортил песню… дур-рак!»

Чупин бросается ко Второму летчику-космонавту, но его перехватывает Пятый летчик-космонавт.

П я т ы й л е т ч и к - к о с м о н а в т. Что с тобой, Чупин? Герман же Горького цитирует. Есть такая пьеса — «На дне». Слышал?

Чупин уходит вперед. Появляется Н а т а ш а. Видит летчиков-космонавтов, подходит к ним.

Наташа. О, у нас мальчики! Откуда такие красивенькие?

Третий летчик-космонавт. Да прямо с неба.

Наташа. Не ангелочки ли?

Гагарин. А что, похожи? Работу вот себе подходящую подыскиваем.

Второй летчик-космонавт. А вы не из отдела кадров?

Наташа *(кокетливо).* А что, похожа? Я вижу, вы ребята подходящие. И работа *(многозначительно)* вас ждет. Помощница вам не понадобится?

Пятый летчик-космонавт. Надо подумать. Как, друзья?

Наташа. И думать нечего. Без меня вам не обойтись. Разрешите представиться: Наташа. Умею летать на планере, пять раз прыгала с парашютом… Как видите сами, красива и бог меня ничем не обидел. У уважаемого собрания есть ко мне вопросы?

Гагарин. Послужной список довольно содержателен.

Четвертый летчик-космонавт *(нарочито строго).* Фамилия, возраст, семейное положение?

Н а т а ш а *(смеясь).* А вот это все как раз военная тайна. Рада была, мальчики, с вами познакомиться. Вон видите шарик? *(Показывает на макет космического корабля.)* Я думаю, он вам понравится. Если в нем что-то не сообразите, обращайтесь прямо ко мне.

Летчики-космонавты и Наташа уходят. Почти сталкиваются с П р о ш и н о й, которая несет корзину со съестным.

П р о ш и н а (вслед). Опять комиссия какая-то!

Раздается звонок на обеденный перерыв. Прошина вынимает из корзины бутылки с молоком и кефиром и расставляет их по ящикам. Появляются С о к о л о в, Я р к и н, А м а н г а л о в. Рассаживаются, едят. Появляются К о р о л е в и Г р о м о в.

К о р о л е в *(показывая на импровизированную столовую).* Что это?

Г р о м о в. Столовая работает с утра. Походная.

Королев и Громов неслышно подходят к бригаде.

П р о ш и н а *(не замечая их).* Телеграмму Эс Пэ надо послать. Сидит там, в Москве, ничего не

видит. Наука тоже порядка требует…

К о р о л е в *(строго).* Так что Мария Прошина хотела бы сказать Эс Пэ?

Все встают. Неловкая пауза.

П р о ш и н а. Здравствуйте, Сергей Павлович.

К о р о л е в. Здравствуйте.

П р о ш и н а. С нами за компанию. Наверное, с утра не ели? *(Не дожидаясь ответа Королева, передает ему стакан кефира.)* Да вот сюда и садитесь.

К о р о л е в. Вывернулась?

Я р к и н. Она у нас дипломат.

К о р о л е в *(усмехается).* Дипломат. *(Неожиданно весело.)* А что?! Со студенческих лет не привык ждать второго приглашения. *(Садится на ящик.)* Никого не обижу?

П р о ш и н а. Яркин может и на молочке пожить. *(Угощает Королева пирожками.)* Домашнего производства. *(Громову.)* А вы, Леонид Николаевич?

Г р о м о в. Спасибо. Я попозднее.

К о р о л е в. Постойте, друзья! *(Роется в портфеле.)* Ну, конечно. Я же знаю свою жену. *(Достает сверток, разворачивает его.)* Колбаса. Отлично. *(Передает Прошиной.)* В общий котел. Без раз-

говоров.

Молча продолжают есть. Слева появляются Хоров, Куликов, Калюжный и Журналист.

Куликов. Мой друг академик Кирпичников как-то удивительно образно заметил: человеческий организм подобен полужидкой капле, заключенной в непрочную оболочку.

Хоров. Странное сравнение.

Куликов. Мудрое, мудрое, Петр Трофимович. Эту каплю в определенных границах удерживают мускулы и кости. Даже в спокойном состоянии, вися, например, вниз головой, человек погибнет.

Калюжный. В общем, бог, создав Адама, забыл по рассеянности написать на его спине: «Не кантовать», «Не трясти», «Осторожно»!

Хоров *(смеясь).* Академик ведь только цитирует своего друга.

Калюжный. Висящего вниз головой.

Куликов *(раздраженно).* У меня время ограничено. Острить, Вячеслав Федорович, будете позднее. А ваша система жизнеобеспечения меня лично не устраивает.

Уходят в глубину сцены.

К о р о л е в *(заметив лежащую книгу, берет ее в руки).* Академик Патон. Чья?

С о к о л о в. Моя.

К о р о л е в. Осиливаешь? Не сложно? У тебя, Василий Васильевич, какое образование?

С о к о л о в. ФЗУ, потом техникум. А что?

К о р о л е в. А как насчет института?

С о к о л о в. А что, без института держать не будете?

К о р о л е в. Не ершись. Может, в тебе второй академик Патон сидит? Это я серьезно. Подумай.

А м а н г а л о в. Он подумает, Сергей Павлович. Мы поможем.

К о р о л е в. Ну что же, спасибо за хлеб-соль. *(Встает.)* Теперь о деле. Сегодня завершим наземные испытания тормозной. Ракета нужна как воздух. Очень прошу поскорее закончить сварку баков.

С о к о л о в *(уклончиво).* Как вам сказать…

А м а н г а л о в. График ломаем как соломинку. Мы Патона читаем: времени свободного много.

К о р о л е в. Дайте-ка график работы.

Все молчат.

Ну?

С о к о л о в. А что его показывать — два сва-

рочных аппарата вышли из строя. Вот они, в ящиках.

П р о ш и н а. Для мебели еще годятся…

К о р о л е в. Сидите и ждете? А еще бригада коммунистического труда.

С о к о л о в. Сергей Павлович!

К о р о л е в. Что — Сергей Павлович? Быханова за ворот брали? Громову в дверь стучали? В партком к Егорычу ходили? Ну, что молчите?

А м а н г а л о в. Не дошли, джолдос Королев… Как вам сказать…

П р о ш и н а. Я скажу, а то мужчины больно пугливы стали.

К о р о л е в. Ну, ну?!

Появляется Е г о р о в. Слушает.

П р о ш и н а. Не обижайтесь, Сергей Павлович, но, по-моему, не наше рабочее дело ходить по инстанциям да пороги обивать. *(Соколову.)* Ты мне, Соколик, модельную обувь не порти и в кумовья не набивайся. Наше дело — работать…

К о р о л е в. Так, так! Значит, партия, по-твоему, Маша, просто инстанция? *(Егорову.)* Твоя недоработка, Василий Петрович!

С о к о л о в. Да не слушайте вы ее.

К о р о л е в *(недовольно).* Разговор на эту серьез-

ную тему, Мария, у нас впереди. А пока несколько строк из одной поэмы: «Мозг класса, дело класса, сила класса, слава класса — вот что такое партия!» И слышал я эти слова от самого Владимира Маяковского. А где же все-таки ваш Быханов? *(Быстро идет к настенному телефону.)*

Из глубины сцены появляются К у л и к о в, Х о р о в, К а л ю ж н ы й и Ж у р н а л и с т. Идут в сторону бригады Соколова.

Ж у р н а л и с т. Буду благодарен вам, Филипп Филиппович…

К у л и к о в. Зачем прессе мое мнение? Вот они *(показывая на бригаду Соколова)* лучше меня ответят. Они люди практичные. *(Рабочим.)* Добрый день.

Г о л о с а. Здравствуйте, присаживайтесь.

К у л и к о в. Мы вот с журналистом обсуждаем вопрос. Если позволите: как вы понимаете, зачем нам космос? Может, подождать лучше? Да и средств немало на него пойдет.

А м а н г а л о в. До Отечественной строил самолеты, туполевские. Потом сам летал. Понимаешь? В сорок втором году меня сбили. С тех пор опять в промышленности. Так вот, помнится мне, когда первые самолеты делали, находились люди, гово-

рили: «Зачем? Зря деньги тратим». А сейчас? Да без самолетов как без рук. Два часа — и у себя дома, в Алма-Ате. Два часа — обратно дома, здесь.

Возвращается К о р о л е в. Слушает.

Так и о космосе думаю. Сегодня как будто не нужен, а завтра без него вроде не обойдемся. Тонкостей, конечно, я не знаю, но Циолковского тоже читал. А поработать в космосе — с удовольствием!

К о р о л е в. Отлично, Амир Амангалович! А нас некоторые высокопоставленные все еще пытаются убедить, что идея важности освоения космоса не овладела массами. Спасибо. *(Пожимает руку Куликову.)* Здравствуйте, Филипп Филиппович. Рад, что вы здесь. Извините, что задерживаю вас: дела. Их надо решать немедленно, не откладывая. *(Громову.)* А где же все-таки Быханов? Рабочий телефон не отвечает.

Г р о м о в. У него ангина, говорят.

К о р о л е в. Ангина? Помнится, в прошлый мой приезд…

П р о ш и н а. Та же ангина. Только, Сергей Павлович, пьяница ваш начальник цеха, и другого ему имени нет.

К о р о л е в. У кого-нибудь есть листок бумаги?

Г р о м о в. Только из записной книжки.

К о р о л е в. Мы сейчас выпишем ему рецептик. *(Что-то быстро пишет.)* По всей стране собираем лучших людей, золотые руки, умнейшие головы. Чтобы им срывал работу один разгильдяй? *(Передает листок Громову.)* Это приказ об увольнении Быханова. Я его дважды предупреждал.

Е г о р о в. Дай мне твою бумагу, Сергей Павлович. Мы вначале Быханову на парткоме построжим. Партия ему доверила высокий пост, она его и вниз опустит. Не возражаешь? Ну, вот и хорошо.

К о р о л е в *(Громову).* Простой рабочим оплатить из зарплаты Быханова. Я проверю. Не сделаете — вычтем из вашей. *(Бригаде.)* Два сварочных аппарата через три часа вам доставят из Москвы самолетом из моего резерва.

С о к о л о в *(Королеву).* Можете на нас положиться. Нагоним упущенное. Пока не закончим сварку баков ракеты, из цеха не уйдем.

К о р о л е в. Добро. И все-таки сегодня на совещании доложишь, Василий Васильевич, почему график как соломинку смяли.

А м а н г а л о в *(Прошиной).* Ну, «недоработка», пойдем!

Электросварщики уходят в глубину сцены.

К о р о л е в *(Куликову).* Теперь к вам голову на плаху, Филипп Филиппович.

К у л и к о в. Смелый вы человек, Сергей Павлович. В таком суденышке *(показывает на стоящий вдали макет корабля)* туда!

К о р о л е в. Мне рассказывали, Филипп Филиппович, что во время войны вы испытывали на себе один медицинский препарат.

К у л и к о в. Я рисковал собой.

К о р о л е в. Мы должны обо всем подробно поговорить. *(Смотрит на часы.)* Вы, наверное, с утра ничего не ели, а я тут, сами видели…

К у л и к о в *(смотрит на часы).* Да, пожалуй. Не вредно и подкрепиться. Может, меня Калюжный и проводит?

Калюжный берет под руку Куликова. Уходят.

К о р о л е в *(увидев Журналиста, здоровается за руку).* Я вижу, вы не теряете времени. *(Хорову.)* А где же, Петр Трофимович, обещанная встреча с орлятами?

Х о р о в. Все в сборе. Вас ждут. Прошу…

Ж у р н а л и с т. Разрешите, Сергей Павлович, присутствовать при вашей беседе?

К о р о л е в. Да, пожалуйста.

Королев, Хоров, Громов, Егоров и Журналист

уходят.

Сцена поворачивается. Возле макета корабля «Восток» собрались летчики-космонавты. С ними Крутов, Фатьянов, Думенко. Королев, Хоров, Громов, Егоров и Журналист подходят к ожидающим.

Рад познакомиться с вами, орлята! *(Здоровается за руку.)*

Слышны голоса: «Николаев», «Титов», «Быковский», «Попович».

Гагарин. Лейтенант Гагарин.

Королев *(внимательно вглядывается в лицо летчика).* Из каких краев?

Гагарин. Со Смоленщины.

Королев. Исконно русская земля. Друг у меня там… в сорок первом. Инженер из Реактивного института. Командовал дивизионом «катюш». Талантливейший человек. Погиб. *(После паузы.)* Смоленчане — богатырский народ. Наполеона били, Гитлеру хребет крепко помяли. *(Возвращаясь к теме о друге.)* Сын ищет могилу отца, хочет перенести его прах ближе к дому. Помните, у Александра Твардовского:

Где б ни был ты в огне передних ли-

ний —

На Севере иль где-нибудь в Крыму,

В Смоленщине иль здесь, на Украине, —

Идешь ты нынче к дому своему.

Г а г а р и н *(продолжая).*

Идешь с людьми в строю необозримом, —

У каждого своя родная сторона,

У каждого свой дом, свой сад, свой брат любимый,

А Родина у всех у нас одна.

К о р о л е в *(удивлен и растроган).* Прекрасные строки: «А Родина у всех у нас одна». *(Перейдя на деловой тон.)* Средняя школа?

Г а г а р и н. Ремесленное — литейщик.

К о р о л е в *(обрадованно).* Вот как! Значит, мы с вами, лейтенант Гагарин, птицы одного полета. Я вот профессионально-строительную школу окончил. Давненько это было. Крыл крыши черепицей и смотрел в небо. *(Неожиданно.)* Планеры строили?

Гагарин отрицательно качает головой.

А как же небо?

Г а г а р и н. Во время войны мальчишкой видел самолеты. Один подбитый совершил вынужденную посадку у нас в селе… Вначале индустриальный техникум в Саратове. Там был аэроклуб.

К о р о л е в *(довольный).* Совсем молодец. *(Обращаясь ко всем летчикам.)* В нашем деле все прежние профессии пригодятся. Будет чем заняться в космосе и строителям, и литейщикам. Но это потом. Сегодня нужны летчики-космонавты. Сколько лет самому старшему из вас?

Х о р о в *(смеется).* Всем вместе, пожалуй, чуть побольше, чем нам с вами.

К о р о л е в. Мы с тобой, Петр Трофимович, тоже начинали в их возрасте. В тридцатые годы. Первые удачи, первые огорчения — все было. Да и сейчас не все идет гладко. *(Поворачивается в сторону макета космического корабля. После долгой паузы.)* И давайте будем всегда откровенны. Вы выбрали себе нелегкий путь. Прямо скажу, опасный. *(После паузы.)* Надеюсь, не запугал вас…

Г а г а р и н. Мы летчики.

В т о р о й л е т ч и к - к о с м о н а в т. В наш век тлеть нельзя, надо гореть огнем.

К о р о л е в. Согласен. Летчик — это профессия смелых. Завидую вам. Кому-то из вас действи-

тельно выпадет счастье первым штурмовать космос.

Г а г а р и н. Хорошо бы мне.

К о р о л е в *(взглянув на Гагарина, улыбается).* Профессия космонавта — труднейшая. Лавры потом. А вначале труд, труд и труд. Римский философ Сенека сказал: «Через тернии — к звездам!» *(Смотрит на часы.)* Наверное, у вас есть вопросы…

Появляется П р е с н я к о в. Он взволнован. Королев замечает его.

Извините. Вы ко мне? *(Летчикам-космонавтам.)* Познакомьтесь: инженер-конструктор тормозной двигательной установки Георгий Викторович Пресняков. *(Здоровается за руку.)* А теперь докладывайте.

П р е с н я к о в. Прошу разрешить завершающий этап испытаний всей установки.

К о р о л е в. Почему не докладываете, что все в порядке?

П р е с н я к о в. Не все в порядке, Сергей Павлович. Снова происходит перегрев… Есть мысль испытать в условиях, близких к критическим.

К о р о л е в. Запрещаю.

П р е с н я к о в. Но…

К о р о л е в. Отправьте изделие на завод.

Ф а т ь я н о в. Потеряем много времени, Сергей Павлович. Позвольте мне быть вместе с Георгием.

П р е с н я к о в. Нет, я один.

К о р о л е в. Риск!..

Ф а т ь я н о в. А где его нет, Сергей Павлович?

К о р о л е в. Это верно. Без меня испытаний не начинать, ясно?

П р е с н я к о в. Хорошо. *(Уходит.)*

Королев жестом задерживает Фатьянова. Нащупывает в кармане его пропуск.

К о р о л е в. Что это такое? *(Разыгрывая, читает.)* «Фатьянов Борис Борисович, ведущий конструктор». Между прочим, он у вас просрочен. И вас пускают на завод? У меня пропуск вахтер пять раз в день проверяет. *(Весело.)* Я вам его продлю. Вы не собираете автографы? *(Достает авторучку, пишет.)* До двухтысячного года. Достаточно? *(Передает пропуск Фатьянову.)* И, пожалуйста, не подбрасывайте его в чужие карманы.

Фатьянов уходит. Рядом, в кабинете Громова, настойчиво звонит телефон.

Четвертый летчик-космонавт *(Королеву).* Разрешите?

Королев. Да, пожалуйста.

Четвертый летчик-космонавт уходит к телефону.

(Продолжает беседу.) Конструирование корабля, друзья мои, дело абсолютно новое и потому исключительно сложное. Нет опыта. Все — первый шаг. Мы хотим, чтобы в создании космического первенца вы приняли самое деятельное участие. Вам летать, вот и помогайте.

Четвертый летчик-космонавт *(из кабинета).* Сергей Павлович, вас просят из Центрального Комитета партии.

Королев. Сейчас подойду.

Гагарин *(показывая на макет корабля).* Аэродинамические качества у корабля невелики.

Королев *(взглянув на Крутова).* На этот вопрос вам даст исчерпывающий ответ конструктор Крутов. Извините. *(Уходит в кабинет Громова.)*

Четвертый летчик-космонавт присоединяется к беседующим.

Хоров. Слушаем вас, Николай Владимирович.

К р у т о в. К этой части приборного отсека примыкает тормозная двигательная установка. Она возвращает корабль на Землю. Двигатель ее перед спуском включит бортовая автоматика в нужное время полета.

Ч е т в е р т ы й л е т ч и к - к о с м о н а в т *(иронически).* Значит, наше дело — дышать, есть, пить.

П я т ы й л е т ч и к - к о с м о н а в т. Пускай собачки летают.

Х о р о в *(строго).* Товарищи!

К р у т о в. Напрасно иронизируете. Может случиться непредвиденное — летчик потерял сознание. Влияние космических факторов не изучено. Всякое может быть. Мы не имеем права рисковать…

Г а г а р и н. Но и в самом умном и исполнительном автомате может тоже что-нибудь забарахлить.

К р у т о в. К сожалению, не исключено.

Г а г а р и н. Человек в союзе с автоматикой — надежнее. Это бесспорно.

К р у т о в. Может, и так. Приглашаю ознакомиться с некоторыми системами в действии.

Летчики-космонавты, Хоров, Крутов и Егоров уходят. Остаются Журналист и Думенко. Из

кабинета Громова выходит К о р о л е в.

К о р о л е в *(радостно).* Хороший звонок из ЦК партии. Такие поднимают настроение. А где же мои собеседники?

Д у м е н к о. Тут без вас космонавты Николая Владимировича в такой оборот взяли…

К о р о л е в. Вот как! Это мне нравится. Молодцы! А как вам Гагарин?

Журналист и Думенко молчат.

Осторожничаете. А мне, не скрою, пришелся по сердцу. *(После паузы.)* Все думаю: сделаю сегодня — завтра будет полегче. Наступает завтра — опять то же самое. Сколько себя помню, не было легких дней. Вот и сегодня. Труднейший день, скажу вам.

Ж у р н а л и с т. Проблема руководителя и коллектива?

К о р о л е в. Да, именно. Всегда конкретная, всегда социальная, всегда острая… Только не следует забывать: и личности разные, и идеи тоже разные. Нельзя всякому и всякой слепо поклоняться. Рабочие Соколов и…

Ж у р н а л и с т. Амангалов.

К о р о л е в. И Амангалов. Чудесный казах. И языкастая Маша. Это личности. В общем, роль

личности в нашей жизни от малой до великой должна быть только созидательной. Иначе зачем ей быть?

Журналист. Можно вопрос? Каким, по вашему мнению, должен быть современный ученый-руководитель?

Думенко. Одни предпочитают ученого-организатора, другие — лабораторно-академического ученого.

Журналист. А ваша точка зрения, Сергей Павлович?

Королев. Академик Курчатов.

Журналист. Сплав того и другого?

Думенко. Это и мой идеал.

Журналист. Еще один вопрос. Не слишком ли мы осуждаем тех, кто думает о сегодняшнем дне?

Королев. Сегодняшнее должно быть частицей прогноза наших предшественников. Мы обязаны лишь скорректировать расхождения и смотреть в завтра, далеко в завтра. Подлинным ученым могу считать только того, кто мыслит и делает вперед хотя бы во имя двух-трех поколений. Преемственность. Нельзя каждый раз начинать все сначала. Опасно.

Журналист. А как вы относитесь к людям

с характером?

К о р о л е в. Это вы о Крутове? Трудно с ним, ой как трудно! Но именно на таких все держится. Под стать ему Преснякова, Фатьянов. Та-лан-ты! Такие пойдут дальше нас. А Алексей? Пять слов в день, а дел гора.

Думенко разводит руками.

Молчу, молчу. *(После паузы.)* Ну что же, отдохнули? Пора. Пресняков, наверное, меня уже ждет. Грешен, люблю все своими глазами посмотреть да руками потрогать: не утюги делаем. До встречи.

Думенко и Журналист уходят налево. Королев идет по цеху, замечает на ящиках плачущую Н а т а ш у.

(Наташе.) Вы ко мне?

Н а т а ш а. Нет.

К о р о л е в. Плачете?

Н а т а ш а. Кончила уже.

К о р о л е в. Очень хорошо, что кончила, а почему начала?

Н а т а ш а. Так, захотелось. А что?

К о р о л е в. Разлюбил, что ли?

Н а т а ш а *(удивленно).* Меня разлюбить?

К о р о л е в. О да! Ну а почему все-таки плачешь-то?

Н а т а ш а. На сессию не пускают.

К о р о л е в. Куда? Кто?

Н а т а ш а. В Бауманку. Громов. Там, говорят, Королев лекции сейчас читает…

К о р о л е в *(резко).* И редко, и плохо.

Н а т а ш а. Плохо? Вы его хоть раз слышали? *(Гневно.)* Нет!.. Вы… *(Наступает.)* Вы… несерьезный человек. Да вы знаете?!..

К о р о л е в *(смеется).* Ну, не будем ссориться. Мы же свои люди. Поедете через неделю.

Н а т а ш а. А что, меня специально ждать будут?

К о р о л е в. Полетите на служебном самолете. Успеете? *(Быстро уходит.)*

Н а т а ш а. И меня пустят в самолет?

К о р о л е в *(кричит).* Позвоните через три дня по двадцатому в девять ноль-ноль!

Н а т а ш а. А кого спросить-то? *(Кричит вслед уходящему Королеву.)* Как ваша фамилия? Ничего не слышу… Кого по двадцатому? Да у нас вроде и номера такого на заводе нет.

Появляется А м а н г а л о в.

А м а н г а л о в. Чего кричишь?

Н а т а ш а *(в сторону уходящего Королева).* Кто это?

А м а н г а л о в. Человек. *(Уходит.)*

Вбегает С о к о л о в.

С о к о л о в. Вот черт! Уже ушли. *(Замечает Наташу.)* Послушай!

Н а т а ш а. Нет, вы послушайте! Вы знаете этого человека?

С о к о л о в. Седой-то? Амангалов.

Н а т а ш а. Да нет же! Того, что в серой шляпе. Вот такой. *(Изображает грузного человека.)*

С о к о л о в. Многого хочешь.

Н а т а ш а. И почему это вы со мной сразу на «ты», мальчик?

С о к о л о в. Э! Да ты, пичуга, веселая.

Н а т а ш а. Это еще что за обращение?

С о к о л о в. Хочешь к нам в бригаду?

Н а т а ш а. Сейчас. Только вот шнурки от ботинок поглажу.

С о к о л о в *(смеется).* Я подожду.

Н а т а ш а. Я о том, с которым вы в цехе говорили. Ну, пожалуйста!

С о к о л о в. Да академик Королев. Надо бы знать.

Н а т а ш а. Академик… Да ну вас! Ой! Вот дура-

то! Что я ему наговорила!

Откуда-то с улицы доносится гудок промчавшейся машины «скорой помощи». Второй, третий.

С о к о л о в. Что это?

Н а т а ш а. «Скорая». Бежим!

Соколов и Наташа убегают. Выбегают П р о ш и н а и Я р к и н. Из глубины цеха выбегают Г р о м о в, К а л ю ж н ы й и Ж у р н а л и с т.

Г р о м о в *(на ходу, обращаясь ко всем).* Прошина, если меня будут спрашивать, я в восьмом. (Убегает.)

Я р к и н. Послушай, Маня, туда ведь ушел наш Амир.

П р о ш и н а. Да что ты, Петр! *(С тревогой в голосе.)* Давно?

Я р к и н. Я побегу. *(Убегает вслед за всеми.)*

Прошина бежит к телефону, набирает номер.

П р о ш и н а *(в трубку).* «Скорая»! «Скорая»! Что там случилось, Катя? Да ты что, не узнала? Это я, Маша. *(После паузы.)* Взрыв? Да подожди ты, ради бога! Туда наш Амангалов ушел.

Появляется П р е с н я к о в а. Слушает.

Вот несчастье! Да что ты говоришь! Как фамилия? Пресняков? Нет, такого не знаю.

П р е с н я к о в а. Что, что? *(Вырывает трубку у Прошиной.)* Алло, алло! Уже повесили. *(Прошиной.)* Что вам сказали, что там случилось с Пресняковым?

П р о ш и н а *(растерянно).* Вы его знаете?

Преснякова не слушает, бежит к двери. Навстречу ей А м а н г а л о в, К а л ю ж н ы й и Н а т а ш а.

К а л ю ж н ы й. Лариса Васильевна!

П р е с н я к о в а. Нет, я должна пойти туда.

А м а н г а л о в. Нельзя туда, нельзя. Там медицина… врачи…

П р е с н я к о в а. Это ужасно!

Входит П р е с н я к о в. Он в обгорелом халате, лицо в темных пятнах.

(Бросается к нему.) А Борис? *(Видит Наташу, кидается к ней.)* Ты была там! Ты видела его?! На-та-ша! *(Рыдает.)* Бо-о-рис…

П р е с н я к о в. Все произошло так быстро. Я ничего не успел сделать.

Преснякова словно окаменела.

Лариса! *(Нервно.)* Не успел. Ты слышишь меня?

П р е с н я к о в а (решительно). Проводите меня к нему.

Входят К о р о л е в в обгорелом халате, без шляпы, Г а г а р и н в гимнастерке без пояса, на лице следы сажи. Все смотрят на них.

К о р о л е в *(окидывает всех взглядом, глухо).* Я виноват… Как я мог разрешить… *(Резко, Преснякову.)* Я просил вас, Георгий Викторович, не начинать без меня… О чем я?..

Г а г а р и н. Нет. Слова ни к чему. Только вы, Сергей Павлович, говорили… Вы говорили… Риск неизбежен. Дерзание.

К о р о л е в. Не такой ценой. Я начинаю терять веру. Какой-то рок…

Г а г а р и н. А я верю, уверен.

З а т е м н е н и е

Ж у р н а л и с т. Вот так или почти так все и было. Время, конечно, примирило сторонников и противников полета человека в космос. Забылись жестокие споры, нелицеприятные дискуссии, поиски технических решений, удачи и срывы. И лишь бесстрастные архивы сохранят следы

об этом. В них не найти только самого главного: чего все это стоило дерзавшим, смотревшим вперед, на много сотен лет вперед! Укорачивало жизнь. А она, жизнь, даже у тех, кого мы называем бессмертными, всего одна! Только одна! *(После паузы.)* А теперь вернемся в сегодняшнее, в день двенадцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года.

СТРАНИЦА ПЕРВАЯ
(продолжение)
12 апреля 1961 года
ПРЕКРАСНОЕ МГНОВЕНЬЕ

Снова подземный командный бункер космодрома Байконур. Здесь Громов, Думенко и Крутов. У пультов операторы, Преснякова и Наташа. Чуть в стороне Куликов, Хоров, Пресняков и Томилин. Королев, откинувшись на спинку кресла, задумался.

Королев *(как бы сам себе).* Теперь вперед, не останавливаясь, вперед!

Громов *(Королеву).* Вы что-то сказали, Сергей Павлович?

Королев *(улыбается).* Да нет. Что-то прошлое вспомнилось. Промчалось, как на киноленте.

Входит Горшин.

Горшин. Есть еще новости, товарищи!

Думенко. Интересно.

Горшин. Предполагается торжественная встреча!

Х о р о в. В Кремле?

Г о р ш и н. Принято специальное решение Центрального Комитета партии и Советского правительства. Гагарин расскажет о полете в космос с самой высокой трибуны — с Мавзолея Ленина — всей стране, всему народу…

К о р о л е в *(взволнованно).* Всего ожидал, но только не этого.

Вбегает К а л ю ж н ы й. В руках у него телеграфная лента.

К а л ю ж н ы й. Сергей Павлович! Игнатий Игоревич! Смотрите! Только что приняли.

К о р о л е в *(взглянув).* Тройка! Дубль. *(Дает дубль Хорову.)*

Х о р о в. Не может быть! *(Всем, показывая ленту.)* Идет тройка. Включите экран!

Включается телевизионный экран. Изображения нет.

Т о м и л и н. Это же катастрофа! Я предупреждал…

К о р о л е в *(резко).* Помолчите! *(Овладевая собой.)* Ясно… Ясно… Проклятая тройка! *(Калюжному, сдерживаясь.)* Что вы скажете, Вячеслав Федорович?

К а л ю ж н ы й. Возможно, недостаток кислорода. Предполагаю выход из строя одного из узлов регенерационной установки, отсюда почти потеря сознания.

К о р о л е в. Так-так.

К у л и к о в. Или то, чего мы боялись больше всего, — воздействие невесомости. Частичное расстройство сердечно-сосудистой системы.

К о р о л е в. Так-так. А если радиация?

К а л ю ж н ы й. Ни в коем случае, Сергей Павлович. Ни в коем случае… В зону непосредственной опасности корабль не заходил. Солнце было абсолютно спокойно.

Г о р ш и н. Было, товарищ Калюжный. А сейчас? Ваши данные суточной давности. Запросите институт.

К а л ю ж н ы й. Хорошо. Но это не меняет положения.

К о р о л е в. Меняет. Необходимо срочно вызвать специалистов-медиков. Возможно, понадобится эффективная помощь. *(После паузы.)* Может, каждый из вас и прав. Будем возвращать корабль немедленно. Возражения? Нет. Хорошо.

Калюжный убегает.

(В микрофон, решительно.) Я — «Заря-один».

Внимание «Восьмому»! Без вопросов. Ждите наших указаний. *(Громову.)* Леонид Николаевич, подготовьтесь к проведению нулевой программы на двадцать минут раньше. *(Хорову.)* Товарищ Хоров, свяжитесь с группой поиска.

Хоров. Есть. *(Быстро уходит.)*

Королев *(в микрофон).* Внимание службам управления полетом! Внимание службам управления! Работаем по нулевой. Точные координаты посадки корабля будут переданы позднее. Объявляется готовность номер один к посадке корабля. По внештатной.

Наташа. Это ужасно!

Вбегает Четвертый летчик-космонавт.

Четвертый летчик-космонавт *(радостно).* «Пять»! Смотрите, как четко «пять»! *(Показывает ленту.)*

Все поворачиваются к Четвертому летчику-космонавту.

«Пять», «пять», Сергей Павлович! Товарищи, шифровка! Наземный аппарат передавал неточно. Вот, смотрите, вместо «пять» выбивал «три»! *(Передает ленту.)*

К о р о л е в *(резко).* А если аппарат исказил «три», передав сейчас «пять», Павел Романович?

Ч е т в е р т ы й л е т ч и к - к о с м о н а в т *(недоуменно, растянуто).* Нет, не может быть. Все-нормально.

К о р о л е в *(всем).* Приступаем к заключительной операции.

Преснякова вскакивает, снимает наушники.

П р е с н я к о в а *(радостно).* У Гагарина отлично! Наземной станцией слежения двадцать пять установлена прямая связь. У Гагарина все отлично, Сергей Павлович!

Общее оживление. Радостные возгласы: «Отлично!», «Молодец!»

К о р о л е в *(жестом призывает к тишине. Надевает наушники. Лицо светлеет. В микрофон).* Я — «Заря-один». Внимание всем службам! Нулевой — отбой. Приземление — по основному. По пер-во-му. Я — «Заря-один». Я Королев. Дайте прямую. Я — «Заря-один», как слышите меня, «Кедр»? Как слышите меня, Юра?

Вспыхивает телевизионный экран. На нем чуть усталое, счастливое лицо Гагарина.

Г о л о с Г а г а р и н а. Я — «Кедр», я — «Кедр». Слышимость прекрасная. Все приборы корабля работают отлично. Перехожу на прием.

К о р о л е в *(в микрофон).* Я — «Заря». Радуюсь за вас, крепко жму руку. Через несколько минут будут переданы команды на спуск. До встречи! *(Отключается от микрофона.)* Ну и задал ты нам работы, Юра! Минуты, минуты…

Д у м е н к о. Гора с плеч. *(Садится на стул.)*

Г о р ш и н. Кажется, мы живем и мыслим не зря.

Г р о м о в *(в микрофон).* Внимание всем службам! Внимание всем службам! Космический корабль «Восток» следует в направлении расчетного района посадки.

К о р о л е в. Инженер Преснякова, к пульту управления! *(Выключает экран.)*

П р е с н я к о в а *(радостно).* Есть к пульту управления! *(Садится за один из пультов.)*

Наташа подходит к Пресняковой.

К у л и к о в. А радиация, а невесомость?!

К о р о л е в *(после долгой паузы).* Филипп Филиппович! Буду благодарен вам, если ваш коллектив возьмет на себя труд по послеполетному обследованию космонавта.

К у л и к о в. Там работает ваша группа медиков, Вячеслав…

К о р о л е в. Мне думается, что это не встреча представителей двух разных родов — Монтекки и Капулетти. Она не приведет к роковому исходу. И тем не менее две разные точки зрения, два метода. Так нужно для науки. Правда, это моя просьба.

К у л и к о в. Удивительный вы человек, Сергей Павлович. Не скрою, мне очень хотелось услышать это предложение. Именно от вас. Согласен. Благодарю. *(Неожиданно.)* А мой внук тоже полетит в космос… Так-то…

Королев смотрит на часы, идет к микрофону.

К о р о л е в *(в микрофон).* Я — «Заря-один». Внимание всем службам посадки корабля «Восток»! Выдать команду два!

П е р в ы й г о л о с *(в аппаратной).* Команда на спуск корабля выдана.

В т о р о й г о л о с *(в аппаратной).* Команда на спуск «Востока» прошла.

К о р о л е в. Тормозная установка?

Напряженная тишина.

Ну, ну!

П р е с н я к о в а *(радостно).* Тормозная выдала импульс!

Общее оживление, радость.

П е р в ы й г о л о с *(в аппаратной).* Корабль-спутник вышел на спусковую траекторию.

П р е с н я к о в а *(радостно).* Тормозная сработала! *(Закрывает лицо руками, рыдает.)*

Н а т а ш а. Что ты, Лариса, не надо!

К о р о л е в. Не казните меня, Лариса Васильевна. *(После паузы.)* Одному из лунных кратеров присваивается имя Бориса Фатьянова. Это — бессмертие. *(Отходит в сторону.)*

П р е с н я к о в а *(мягко, но с укором).* Борис достоин бессмертия, но еще больше, он имел право на жизнь.

П р е с н я к о в *(громко).* Есть разделение отсеков!

Н а т а ш а. До расчетной точки посадки корабля тысяча километров!

Появляется Ж у р н а л и с т. Подходит к Королеву.

Ж у р н а л и с т. Вы счастливы, Сергей Павлович? Мечта, точнее, цель вашей жизни осуществилась.

К о р о л е в. Я жаден, товарищ пресса. Сегодня хочу уже большего. Нет, не для себя. Когда слышу «цель вашей...», меня коробит. Поймите меня правильно. Цель индивидуума жизненна, если она выражает интересы масс, потребность общества. Проще говоря, всему свое время. Но идеи часто опережают возможности общества. Так было с Циолковским. Он шел впереди своего века. Почти шестьдесят лет назад вышел его классический труд «Исследование мировых пространств реактивными приборами», и только в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году мы создали и смогли запустить в космос первый искусственный спутник Земли. Уровень развития производительных сил — вот что определяет наши возможности... Но стимулируют их опять-таки идеи. Цепная реакция... *(Смеется.)* Сколько я наговорил вам — и все не по существу вашего вопроса! Конечно же я счастлив. Скажу «нет» — никто не поверит. *(Серьезно.)* Только, пожалуйста, помните: все, что сделано, делается и будет сделано по созданию ракет-носителей и кораблей, подготовке космонавтов, — это результат усилий многих коллективов, всей страны.

Ж у р н а л и с т. Вы сказали, Сергей Павлович, что хотите сейчас уже большего.

К о р о л е в *(шутливо).* Я смотрю, вы тоже хотите большего. *(Переходит на деловой тон.)* Полет еще не закончен. Приземление сложнейшее дело. Так что позднее.

Н а т а ш а *(все радостнее).* До расчетной точки двести километров! *(После паузы).* До расчетной точки сто километров!.. До расчетной точки «Востока» пятьдесят километров!.. До расчетной…

К о р о л е в *(поднимает руку вверх, словно прося внимания).* Сейчас включится парашютная система.

Напряженная пауза.

Г о л о с
л е т ч и к а с м е с т а п р и з е м л е н и я *(возбужденно-радостно).* Вижу парашют! *(Строго.)* Докладывает командир вертолета Никифоров. Вижу, медленно, медленно корабль идет к земле.

Общее ликование. Звучит музыка.

Уходит в сторону командный бункер. На фоне развевающегося красного стяга все участники эксперимента. В центре — Главный конструктор академик Королев и первый космонавт планеты Ю р и й Г а г а р и н. Он в скафандре и с гермошлемом в руках. Рядом г р у п п а у ч е н ы х и л е т ч и к о в — завтрашних космонавтов. Взоры

всех обращены к Гагарину. Аплодисменты, возгласы. Ликование. Королев жестом призывает всех к вниманию. Наступает тишина.

К о р о л е в. Друзья мои! Поздравляю всех вас! Вы творцы всего свершившегося. *(Поворачивается к Гагарину.)* Спасибо тебе, Юра! *(Крепко обнимает и целует космонавта.)*

Г а г а р и н *(смущенно).* Сергей Павлович…

К о р о л е в *(всем).* Наш Юрий Гагарин — олицетворение вечной молодости нашего народа! *(Переждав овации.)* Человечество никогда не забудет вашего подвига, как не забудет, что он совершен в двадцатом веке, когда народы России под руководством партии Ленина первыми на планете Земля подняли знамя социализма.

Новая волна аплодисментов.

Мы начали. Вслед за нами, я уверен, туда, в безоблачные дали Вселенной, устремятся и другие народы. Места в космосе хватит всем. Вспомним сегодня слова великого Циолковского: человечество приобретает всемирный океан, дарованный ему как бы нарочно для того, чтобы связать людей в одно целое, в одну семью. *(С воодушевлением.)* В тот день, когда космический аппарат доставит нам с одной из планет хотя

бы горсточку полезных ископаемых или, тем более, когда мы получим с первого внеземного завода-автомата первую, может быть, ничтожно малую шестеренку, человечество вправе будет сказать: отныне ресурсы Земли приумножены неисчерпаемо… Но настанет, я твердо верю, другой поистине великий день. В этот день на одной из некогда безжизненных планет взойдет зерно пшеницы и первое дитя, рожденное вне Земли, скажет земное слово «мама». И тогда земляне гордо воскликнут: Вселенная принадлежит человеку! *(После паузы.)* То, что еще вчера было дерзновенной мечтой, сегодня становится реальной задачей, а завтра свершением. Нет преград человеческой мысли!

Музыка, общее ликование.

Г о л о с М о с к в ы. Работают все радиостанции Советского Союза! Работают все радиостанции Советского Союза!

Обращение Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза!

…Нам, советским людям, строящим коммунизм, выпала честь первыми проникнуть в

космос. Победы в освоении космоса мы считаем достижением не только нашего народа, но и всего человечества. Мы с радостью ставим их на службу всем народам, во имя прогресса, счастья и блага всех людей на Земле…

Звучит музыка.

Г. Семенихин, Ю. Малашев
ДЕРЗКИЕ ЗЕМЛЯНЕ
Драматическая повесть в двух частях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

О л е г Д а н и л о в и ч — Главный конструктор.

Р а к и т и н С е р г е й С т е п а н о в и ч — генерал-лейтенант, командир отряда летчиков-космонавтов.

Е р м а к о в Г о р д е й В а с и л ь е в и ч — полковник, командир отряда летчиков-испытателей.

Г о р е л о в А л е к с е й }

Б ы с т р о в В л а д и м и р }

Р я з а н о в В я ч е с л а в } — летчики-космонавты.

Т а р а с е н к о М и х а и л }

С е в е р ц е в А н д р е й } — космонавты-исследователи, инженеры.

М а р и н а — космонавт-исследователь, врач.

М а т ь Г о р е л о в а.

А н н а С е р г е е в н а.

С в е т л а н а — жена Рязанова.

К р е т о в а Э л е к т р о н а И в а н о в н а — журналистка.

У б и й в о в к — майор, летчик.

А г е е в }

Ш у м и л о в } — летчики-испытатели.

С т а н и с л а в Л е о н и д о в и ч — авиаконструктор.

В р а ч.

С а н и т а р к а.

Время действия — 70-е годы нашего века.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Слышна музыка песни о космонавтах. Иссиня-черное небо с далекими звездами перерезает след пролетевшего космического корабля. Медленно гаснут звезды. Затемнение и голос человека: «Это повесть о тех, кто прокладывает маршруты в неизведанное. Это повесть о дерзких землянах. Им не всегда улыбаются звезды на трудном и опасном пути. Как и все мы, они живут на Земле и по-сыновнему любят свою голубую планету. Переливаясь нежными красками, она служит для них маяком. И какой счастливой бывает минута возвращения! «Здравствуй, Земля!» — говорят они, улыбаясь, а в глазах еще остывают видения таинственных миров... Люди двадцатого века, помните первых! Люди двадцатого века, склоните головы перед павшими в дальнем пути, чьи улыбки остались нам на портретах и в бронзе памятников!»

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Командный пункт испытательного аэродрома. За стеклянной стеной хмурое небо. Е р м а к о в

и Станислав Леонидович.

Ермаков *(в микрофон).* Двадцать первый? Я — «Вышка». Пришел на стоянку Горелов?

Голос Горелова. На стоянку прибыл. Принимаю рапорт от техника.

Ермаков. Волнуетесь, Станислав Леонидович?

Станислав Леонидович. Не то слово, Гордей Васильевич! Здесь могут быть две ситуации: либо полет пройдет успешно и машина будет запущена в серию, либо Горелов обнаружит серьезные недостатки, и тогда — здравствуйте, новые бессонные ночи в конструкторском бюро и сокращение летних отпусков.

Ермаков. Не беспокойтесь, Станислав Леонидович. Летчики вам скажут спасибо за такую отличную машину.

Голос Горелова. Я — сто пятый. Задание повторил. Вопросов нет.

Слышен гул реактивного самолета.

Ермаков *(в микрофон).* Горелов, выруливай! Смотри, сынок, повнимательней. Погодка…

Голос Горелова. Вас понял. Выруливаю.

Станислав Леонидович. Ишь, как вы с ним нежно, Гордей Васильевич.

Ермаков. Воспитанник. Мою летную школу кончал. Летал на истребителях. Потом меня сюда, а я его за собой.

Станислав Леонидович. По законам землячества и семейственности?

Ермаков. По законам авиационного братства и преемственности поколений. Чувствую, далеко пойдет мальчишка. Молодежь растет быстро, а нам важно распахнуть для нее горизонты.

Голос Горелова. Я — сто пятый. Разрешите взлет?

Ермаков *(в микрофон)*. Взлет разрешаю.

Гул двигателя и косая тень взлетающего самолета.

Станислав Леонидович. Чудесное слово — взлет! Так и в жизни: человеку надо хорошо разбежаться, чтобы набрать высоту.

Слышен хлопок, похожий на выстрел.

Ермаков. Пороховые ускорители сработали бесподобно. Самолет перешагнул звуковой барьер…

Голос Горелова. Высота десять тысяч… Двенадцать… Четырнадцать… Двадцать… Прекрасная машина! Достиг потолка. Иду со скоро-

стью две тысячи пятьсот…

С т а н и с л а в Л е о н и д о в и ч. Предельная скорость. Если планер ее выдержит, будем считать эпопею законченной.

Г о л о с Г о р е л о в а. Две с половиной машина выдерживает легко. Разрешите попробовать три?

Е р м а к о в. Что ему ответить, Станислав Леонидович?

Пауза.

С т а н и с л а в Л е о н и д о в и ч. Здесь могут быть две ситуации: или машина блестяще выдержит эти три тысячи километров, или…

Е р м а к о в *(прерывая).* Так ему и сказать, что здесь могут быть две ситуации? У него же каждая секунда на учете.

Г о л о с Г о р е л о в а. Иду на три. Ваше молчание принял за согласие. Иду на три. Все хорошо!

Пауза.

Е р м а к о в. Ну, что я говорил? Порядок!

С т а н и с л а в Л е о н и д о в и ч. Как будто все нормально…

Г о л о с Г о р е л о в а. Я — Горелов. Тяга двигателя резко упала.

Ермаков *(в микрофон).* Сбавьте скорость до двух тысяч. Идите домой! (Пауза.) Почему молчите? Прием.

Голос Горелова. Я — Горелов. В кабине дым. В кабине дым…

Ермаков *(в микрофон).* Доложите точнее обстановку!

Голос Горелова. Держаться на заданной высоте не могу. Машина идет вниз. Скорость падает. Высота восемь тысяч… Пять… Три…

Ермаков (в микрофон). Алеша, немедленно катапультируйся!

Голос Горелова. Высота две тысячи… Катапультироваться не могу. Буду садиться.

Ермаков *(в микрофон, резко).* Старший лейтенант Горелов, приказываю покинуть машину! Сообщите высоту!

Голос Горелова. Высота девятьсот метров… Приказ выполнить не могу. Высота пятьсот… Иду на посадку. Обеспечьте полосу…

Слышны звуки сирены, шум санитарной машины и — тишина. Тот же командный пункт. Стемнело. За окнами звезды. Ермаков за столом. Рядом — Станислав Леонидович. Звонит телефон.

Голос дежурного. Вас, товарищ командир, срочно.

Ермаков снимает трубку.

Голос генерала. Полковник Ермаков?

Ермаков. Слушаю, товарищ генерал.

Голос генерала. Что там у вас происходит?

Ермаков. Во время испытания нового истребителя летчик Горелов…

Голос генерала. Я в курсе вашего ЧП. Наказали?

Ермаков. Горелов не виноват, товарищ генерал. Запрета идти на три тысячи он не получал.

Голос генерала. А почему он не подчинился вашему приказанию?

Ермаков. Горелов спас машину. Он проявил большое мужество, товарищ генерал.

Голос генерала. За такое мужество надо наказывать. Какие приняли меры? *(Пауза.)* Он сейчас в госпитале?

Ермаков. Да, товарищ генерал.

Голос генерала. Понятно. И все же придется разобраться во всей этой истории. До свиданья.

Ермаков *(положив трубку).* Се ля ви, как

говорят французы.

С т а н и с л а в Л е о н и д о в и ч. Знаете, уважаемый Гордей Васильевич, в этом деле имели место две ситуации…

Е р м а к о в *(прерывая).* Две, говорите? Эх, Станислав Леонидович, что касается меня, то во всем происшедшем я усматриваю только одну ситуацию.

С т а н и с л а в Л е о н и д о в и ч. Какую же?

Е р м а к о в. Получу по шее от начальства.

С т а н и с л а в Л е о н и д о в и ч. Насколько я понимаю, Гордей Васильевич, шея у вас довольно крепкая.

Е р м а к о в. Вот только на эту ситуацию и надеюсь.

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Палата в госпитале. Г о р е л о в углубился в шахматную партию. Неподалеку хлопочет С а н и т а р к а.

С а н и т а р к а (тихо). Сок гранатовый… будете?

Г о р е л о в. Нет. Унесите, пожалуйста.

Входит Ш у м и л о в.

С а н и т а р к а. К Горелову?

Ш у м и л о в. Ага. Как он?

С а н и т а р к а. Молодцом. Только…

Ш у м и л о в. Что «только»?

С а н и т а р к а. Задумчив больно. В шахматы сам с собой играет. Видать, тоскует. Наш доктор говорила, ему друзья нужны как воздух.

Ш у м и л о в. Ему воздух нужен… Это его жизнь.

Г о р е л о в *(отрывается от шахмат).* Кого я вижу! Саша Шумилов собственной персоной… Проходи, проходи…

Шумилов садится около Горелова. Санитарка уходит.

Ш у м и л о в. Вот тебе сок гранатовый, говорят, чудо как помогает.

Г о р е л о в. От чего? От ушибов, что ли?

Ш у м и л о в. Ну, черт его знает, от чего, но помогает… *(Ставит бутылки.)* Самочувствие?

Г о р е л о в. Отличное.

Ш у м и л о в *(показывает на доску).* Доиграем? Блиц…

Г о р е л о в. Давай.

Делают несколько ходов.

Ш у м и л о в. Шах, дорогой…

Г о р е л о в. А мы закроемся.

Ш у м и л о в. Еще разок…

Г о р е л о в. Поспешили, товарищ майор. *(Переставляет фигуру.)* А ну-ка убирайте свою прелестную королеву!

Входит А г е е в со свертком в руке.

А г е е в. Привет! Опять шахматы? Ну, кто у вас Спасский, а кто Фишер?

Ш у м и л о в. Не мешай, Агеев! Тут такое положение…

А г е е в. О-хо-хо! *(Садится на койку.)*

Ш у м и л о в. Больно оглушительно зеваешь. Недоспал, что ли?

А г е е в. Скорее наоборот. Под дождичек минуток пятьсот отхватил. А какой сон пикантный приснился, братцы, до сих пор забыть не могу! *(Горелову.)* Сок гранатовый притащил, говорят, лучшее средство… *(Ставит бутылки.)*

Г о р е л о в. Помогает, да? *(Смеется.)* Спасибо. Скоро из вашего сока буду ванны принимать.

Ш у м и л о в *(делает ход).* Алеша, как полагаешь, что могло присниться такому редкостному экземпляру?

А г е е в. У меня сны, братцы, должен вам сообщить, заказные. Вроде цветного заграничного кино. Снился мне берег лазурного моря, зеленые кипарисы, розовые олеандры, белый корпус санатория и пляж. А на пляже девушки в купальных костюмах… Ножками по водичке — вжиг, вжиг… Загорелые, стройные, как богиня Венера или минимум как Брижит Бардо. Горелов, ты комсорг, ты все должен знать. Почему на юге все санатории белые?

Г о р е л о в. Почему белые? Много солнца. И почему девушки в пляжных костюмах — тоже объясню. Там жарко… *(Смеется.)*

А г е е в. Оракул!

Г о р е л о в. И почему такие сны снятся — знаю.

А г е е в. Интересуюсь, и даже очень.

Г о р е л о в. Потому что летчику-испытателю первого класса Агееву пора бы в двадцать восемь лет и жениться.

А г е е в. Ну, посуди сам, где я возьму невесту? Берега лазурного моря вижу только во сне или зимой, когда там в основном одни пенсионерки. А в нашем летном центре все девушки давно замуж повыходили, даже в столовой ни одной официантки нет незасватанной. Подругу жизни

стало найти, браток, тяжелее, чем какой-нибудь «МИГ» новой конструкции испытать.

Входит В р а ч. Шумилов и Агеев встают.

В р а ч. Добрый день! Садитесь, садитесь, товарищи, вы мне не помешаете. *(Горелову.)* Как ваше настроение?

Г о р е л о в. Отличное! И аппетит волчий.

В р а ч. Да?

Ш у м и л о в. Мы ему сока гранатового принесли…

В р а ч. Великолепно. *(Горелову.)* Засучите рукав, пожалуйста.

А г е е в. Можете не проверять.

В р а ч. Почему же?

А г е е в. Железный человек.

В р а ч *(измеряет кровяное давление).* Спокойно. Дышите. *(Снимает повязку.)* Все хорошо, Алексей Павлович.

Г о р е л о в. Сколько верхнее, нижнее?

В р а ч. Абсолютная норма.

А г е е в. Горелов за давлением ой-ой как следит, он ведь в космонавты собирался.

В р а ч. В космонавты? Алексей Павлович, правда?

Г о р е л о в. Собирался, на заре туманной юно-

сти.

В р а ч. Романтический порыв?

Г о р е л о в. Какой там романтический порыв! Скорее наивная проза. И вспоминать-то не хочется.

В р а ч. Расскажите, Алексей Павлович.

А г е е в. Хотите, я? Случилось это еще в шестьдесят четвертом году, когда Алешка курсантом был и в отпуск домой приехал… В провинциальном городишке тогда вдруг узнают, что Гагарин у них проездом будет. Весь народ, естественно, к центральной площади потянулся. А там церквушка неподалеку, на ней колокола малинового звона… Все шло как по нотам…

Г о р е л о в. Нет, уж лучше я сам, а то этот мастер художественного слова такое подзагнет… В общем, хлеб-соль Юрию Алексеевичу преподнесли и прочее. Но только наш предисполкома рот открыл, чтобы речь толкнуть, колокола нашей церквушки как рванут! Гагарин спрашивает: «По какому это поводу? Может, сегодня Никола летний какой-нибудь выдался?» Наш предисполкома растерялся и успел только на ухо ему прошептать: «Это церковники в вашу честь». — «В мою? — удивился Гагарин. — Вот дают!» Гагарин хохочет, кругом все хохочут, колокола во всю

моченьку ревут… Так без речей и уехали.

А г е е в. Потому Алешка с письмом к нему и не успел пробиться.

Ш у м и л о в. С каким письмом?

А г е е в. Заявление черкнул: «Возьмите меня в космонавты».

В р а ч. Жаль, что не успели, Алексей Павлович.

Г о р е л о в. Если бы не эта нелепая катастрофа!

В р а ч. Еще бы раз попытались?

Г о р е л о в *(твердо).* Да. Потому что попасть в космос — цель моей жизни.

А г е е в. Смотри ты, Алеша хороший, все рассчитал точненько…

Г о р е л о в. Ты все шутишь, Агеев, но скажи: должна у человека быть главная цель в жизни, заветная мечта?

В р а ч. Конечно, Алексей Павлович. Вы правы. *(Встает, смотрит на часы.)* А теперь отдыхать. *(Шумилову и Агееву.)* И вам тоже.

Горелов ложится на кровать, закрывается одеялом. Врач, Шумилов и Агеев направляются к выходу.

Ш у м и л о в *(тихо).* Ну как он?

В р а ч *(улыбаясь).* Как видите, летальный исход исключается.

А г е е в. А как летательный?

В р а ч. Думаю, все будет в порядке.

Входит С а н и т а р к а.

Арина Семеновна, сегодня больше никаких посещений.

Врач, Шумилов и Агеев уходят. Санитарка садится у двери. Через некоторое время входит К р е т о в а.

С а н и т а р к а *(механически).* Сегодня никаких посещений. *(Шепотом.)* Вы к кому?

К р е т о в а. К Горелову.

С а н и т а р к а. Нельзя, голубушка. К нему не велено никого пропускать. Идите, идите…

К р е т о в а. Арина Семеновна…

С а н и т а р к а. Сегодня никаких… *(Тихо.)* Откуда мое имя знаешь?

К р е т о в а. Я о вас почти все знаю.

С а н и т а р к а. Будто уж я так…

К р е т о в а. У вас двое детей. Сын пограничник. Верно? А как дела у дочки? Нашла золото?

С а н и т а р к а. Вроде бы ищет…

К р е т о в а. Не ищет, а нашла.

С а н и т а р к а. Ишь ты! Даже я этого не знаю, а

ты так прытко шпаришь.

К р е т о в а. И еще, Арина Семеновна, я знаю, что вы до смерти любите сливочные тянучки, предпочитаете их «мишкам» и трюфелям. Так?

С а н и т а р к а. Вот уж истинно! Просто млею перед ними.

К р е т о в а. А посему держите, Арина Семеновна, этот небольшой презент, а я остаюсь здесь. Он же меня давно ждет, Алеша Горелов.

С а н и т а р к а. Э-э, милая! А если врач?

К р е т о в а. Дадите знать. Два стука в дверь — и я немедленно улетучиваюсь.

С а н и т а р к а. Ну и девка! Ураган, а не девка. *(Уходит, слышен только ее голос.)* Сегодня никаких посещений.

Г о р е л о в. Откуда вы, прелестное созданье?

К р е т о в а. Стыдитесь, товарищ Горелов. Все только и говорят о вас — скромный, деликатный с представительницами слабого пола, и вдруг такая фривольность в обращении к девушке, которую вы видите впервые, которая пришла к вам с самыми чистыми помыслами.

Г о р е л о в. Вы говорите — впервые? А я только что слышал, как вы отрекомендовались нашей нянечке моей старой знакомой и даже назвали меня Алешей. В нашем поселке Взлетный я вас

что-то не примечал.

К р е т о в а. Это был всего-навсего тактический маневр, облегчающий атаку.

Г о р е л о в. Атаку? Вы хотите меня атаковать? Известно, что атакуют только противника. А я, как видите, противник уже поверженный. Госпитальная койка.

К р е т о в а. Алексей Павлович, вы меня неправильно поняли. Атака — это в переносном смысле. Эта атака, от которой зависит моя судьба, мое журналистское реноме и в особенности завтрашний номер нашей газеты, которую вы, надеюсь, читаете, которая гремит на весь мир, которая…

Г о р е л о в. Подождите, подождите, у меня в ушах запестрело от этого бесчисленного употребления слова «который».

К р е т о в а. Правда? Вот и опять сорвалась. Сколько раз мне говорил на летучке главный редактор… Знаете, что он говорил?

Г о р е л о в. Нет, разумеется.

К р е т о в а. Он говорил: «Электрона… это мое имя… ты была бы великой журналисткой, если бы отучилась употреблять слово «который». Ты бы тогда стала писать лучше самой мадам Жорж Санд».

Г о р е л о в. Возможно, он прав, ваш редактор.

К р е т о в а. Да, но он говорил и другое.

Г о р е л о в. Что же, если не секрет?

К р е т о в а. Он говорил: «Когда-то твоя бедная мама, решив шагать в ногу с веком, нарекла тебя Электроной. Она не ошиблась в одном: в тебе действительно заложена электронная энергия. Каждая твоя информация равносильна взрыву атомной бомбы». Мое отчество — Ивановна.

Г о р е л о в. Электрона Ивановна, а вы меня развеселили. Ваше воздействие сильнее всех пилюль, призванных, по мнению врачей, придать мне бодрость.

К р е т о в а. Полагаю, которой вы и не лишались?

Г о р е л о в. Которой я и не лишался.

К р е т о в а. Ну вот видите! И вы тоже заразились слабостью к моему любимому словечку. Скажите, вы читали мои авиационные репортажи — «Схватка в воздухе», «Орел атакует «МИГ», «Сто спасенных жизней»? Они были премированы на журналистском конкурсе. Вот мое редакционное удостоверение.

Г о р е л о в *(берет удостоверение, читает).* «Предъявитель сего действительно является специальным корреспондентом газеты...»

К р е т о в а. Могу добавить: тридцати двух лет,

незамужняя.

Г о р е л о в. Что вы говорите! Люблю…

К р е т о в а. Незамужних?..

Г о р е л о в. Вашу газету. Чертовски люблю. Через ее страницы проходит вся наша жизнь. Но я-то вам зачем? Чтобы написать: «Я видела его усталые глаза, в которых еще не погас блеск той решимости…»

К р е т о в а. «…с которой он побеждал смертельную опасность»? Нет, нет, Алексей Павлович, я вам хочу задать всего один вопрос, не связанный с техникой и секретами. Чисто человеческий. Почему вы не катапультировались? Неужели только состояние стресса?

Г о р е л о в. Стресс, стресс — оставьте эти термины для врачей-психологов.

К р е т о в а. Тогда что же?

Г о р е л о в. Видите ли, уважаемая Электрона Ивановна, была для меня одна весьма важная мысль в ту минуту… *(Задумывается.)*

К р е т о в а. Какая же?

Г о р е л о в. Вспомнилось, как-то мать говорила: «Жизнь трудная штука, но всегда больше думай о людях, чем о себе. Иначе ты не будешь чувствовать себя человеком…» Новую машину, конечно, соорудили бы, а вот если чья-нибудь

мать, вернувшись из магазина, не нашла бы сына или юноша студент пришел бы к девчонке, может, на свое первое свидание, а ее уже нет — увезли в морг… Вот что страшно, дорогая Электрона Ивановна.

К р е т о в а. При чем тут чей-то сын, студент, пришедший на свидание? Не очень понятно…

Г о р е л о в. Что ж тут непонятного? Когда отказал движок, я шел над городом, над каким — вы не хуже меня знаете. И что около миллиона людей в нем живет — вам тоже хорошо известно. Если бы я бросил самолет, как вы думаете, будущая Жорж Санд, сколько бы этажей он разрушил… Ну, скажем, в двенадцатиэтажном доме?

К р е т о в а. Ну два, три, может быть, четыре…

Г о р е л о в. А на каждом этаже человек по тридцать. Вот и посудите, что мне в первую очередь надо было сделать?

К р е т о в а. Я тупица! Товарищ Горелов… Алексей Павлович!.. Так ведь это…

Г о р е л о в. Ладно, ладно, дорогая Электрона Ивановна, не будем наполнять прозу жизни излишним пафосом.

К р е т о в а. Скажите, и после всего этого… вы будете летать?

Г о р е л о в. А как же иначе?

Появляется С а н и т а р к а.

С а н и т а р к а. Слышь, дочка, врачи! Улетучивайся, милая…

К р е т о в а. Улетучиваюсь, Арина Семеновна. *(Горелову.)* Еще одно уточнение. О своих близких вы успели подумать?

Г о р е л о в. Нет.

К р е т о в а. А о своей любимой девушке?

Г о р е л о в. К сожалению, у меня ее нет.

К р е т о в а *(Санитарке).* У него нет любимой девушки! *(Убегает.)*

С а н и т а р к а. Нет, нет любимой девушки. *(Уходя.)* Сегодня никаких посещений…

З а н а в е с

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Стартовый командный пункт. В окнах малиновые краски заката. Е р м а к о в за столом.

Г о л о с д е ж у р н о г о п о п о л е т а м. Товарищ полковник, у нас генерал какой-то появился. Ходит, присматривается, с летчиками разговаривает… Просит принять.

Е р м а к о в. Что за робкий такой генерал? Просит принять, говоришь? Немедленно при-

гласи. Ясно. Значит, проверяющий инспектор появился…

Через некоторое время появляется Р а к и т и н.

Р а к и т и н. Товарищ полковник… Генерал Ракитин без вашего вызова прибыл.

Е р м а к о в. Сережка! Вот не ожидал! Ты из Москвы? Какими ветрами в наши края?

Р а к и т и н. Попутными, Гордей, попутными.

Е р м а к о в. Уразумел. *(Придвигает стул, оба усаживаются за столик руководителя полетов.)* Сколько же мы не виделись?

Р а к и т и н. Порядочно, друг, порядочно.

Е р м а к о в. Да, время летит, все меняется, и ты малость изменился…

Р а к и т и н. Морщин время прибавило, сединой украсило. Смотрю на тебя — ты, а вроде и не ты. Помнишь, как в сорок втором меня за линией фронта спас?

Е р м а к о в. Ладно, хватит, а то подумаю, что под старость ты становишься сентиментальным. Лучше скажи, к нам зачем прибыл? Меня спасать?

Р а к и т и н. Зачем и от кого?

Е р м а к о в. Да понимаешь, у меня тут ЧП

случилось. Начальство инспектора прислать грозилось для расследования. Уж не тебе ли выпала эта почетная миссия?

Р а к и т и н. Нет, друже, не волнуйся, я не ревизор и к вашим делам прямого отношения не имею.

Е р м а к о в. Чем же занимаешься?

Р а к и т и н. Командую особым отрядом космонавтов.

Е р м а к о в. Ты? Извини, вроде и годы не те, да и делом этим никогда не занимался.

Р а к и т и н. Примерно и я так же говорил, когда назначали. Да что поделаешь! Поначалу трудно было, но чертовски интересно.

Е р м а к о в. Ну, а в наши-то края зачем пожаловал? Надеюсь, не только мои морщины пересчитать да коньяку за них выпить.

Р а к и т и н. Нет, конечно. Надо мне из молодых летчиков кандидата на вакантное место космонавта подыскать. А кто же лучше тебя поможет?

Е р м а к о в. Хоть целую дюжину предоставлю.

Р а к и т и н. Дюжина мне не нужна, Гордей. Ты мне одного предложи, но такого… сам понимаешь…

Е р м а к о в. А у меня все один к одному — молодые, красивые и здоровьем не обижены.

(Передает стопку личных дел. Одно откладывает.)

Ракитин быстро просматривает папки.

Боевые ребята…

Р а к и т и н. У твоих ребят я личных заслуг не отнимаю, но пойми, дорогой, критерий очень жесткий.

Е р м а к о в. Кого же тебе порекомендовать? Просто и не знаю.

Р а к и т и н. Слышал я, кого-то у вас космонавтом прозвали.

Е р м а к о в. А-а, это так, в шутку.

Р а к и т и н. Как его фамилия?

Е р м а к о в. Горелов.

Р а к и т и н. Расскажи-ка о нем.

Е р м а к о в. Что о нем рассказывать? Летчик еще молодой, но, полагаю, в будущем неплохой командир из него получится. Ну, еще что?.. Живописью увлекается.

Р а к и т и н. А что за картины пишет?

Е р м а к о в. Да разные… Если бы не любовь к авиации, мог бы неплохим художником стать.

Р а к и т и н. Слушай, друже, ты меня заинтриговал… Горелов… *(Просматривает личные дела.)* Что-то не припомню такой фамилии…

Е р м а к о в. Не ищи.

Р а к и т и н. Ох, Гордей, а ты, однако, феодал!

Е р м а к о в. Лобовая атака?

Р а к и т и н. Считай, что так… Художник? Интересно…

Е р м а к о в. Подумаешь! Да у меня вот пианист есть. Консерваторию закончил. Вот мастер спорта по боксу, а этот попугаев дрессирует.

Р а к и т и н. Ладно, признаюсь, меня интересует Горелов. Очерк о нем прочитал в газете…

Е р м а к о в. Сочинение мадам Кретовой? Знакомился, как же…

Р а к и т и н. Сочинение?.. Прекрасный очерк. Ты знаешь, что мне сынишка заявил? «Такой подвиг, пожалуй, не ниже космического!»

Е р м а к о в. Не ниже? Выше! У меня летуны все будь здоров! Ну и Алешка Горелов тоже. Только я тебе его не отдам.

Р а к и т и н. Это почему же?

Е р м а к о в. А потому что он для меня как сын родной. Я его еще в училище пестовал, а теперь, скажу тебе по совести, серьезнее, толковей испытателя, чем Горелов, не знаю.

Р а к и т и н. А мне такой и нужен. Ведь я, пойми, на какую дорогу хочу его вывести! На космическую!

Е р м а к о в. Ну и что? Разве авиация хуже вашего космоса?

Р а к и т и н. Эх, Гордей, Гордей! И как тебе только не стыдно! Ты, пожалуй, и на обывательскую позицию скатишься…

Е р м а к о в. Думаешь, я не уважаю ваши полеты или полеты ваших коллег — американских космонавтов — на Луну? Я понимаю, вы стремитесь заглянуть в будущее. Но я-то живу настоящим! Ну, посуди сам, Сережа. Зачислят Алешку в ваш отряд, и будет парень дожидаться своей очереди год, два, а то и больше. Подойдет очередь — врачи его обследуют и скажут, что за это время холестерин у него появился, гемоглобин не в том количестве и к старту он не готов. Оглянется он, а целая полоса жизни уже прошла. И в космонавтике не прижился, и в семью летчиков-испытателей возвращаться поздно. А у меня он за это время знаешь на какую дорогу выйдет! Нет, не отдам!

Р а к и т и н. Загибаешь, Гордей. Как ты можешь решать за человека, не поговорив с ним, не выслушав его! Почему его прячешь?

Е р м а к о в. И не собирался: не невеста… Можешь с ним хоть сейчас беседовать, если возымел такое желание.

Р а к и т и н. Представь себе, возымел.

Е р м а к о в *(по телефону).* «Лазурь»! Немедленно Горелова ко мне! Генерал вызывает. *(Бросает грибку.)* Мне остаться или уйти?

Р а к и т и н. Пожалуй, оставайся.

Е р м а к о в *(бросает на стол личное дело Горелова).* Вот, изучай.

Ракитин просматривает личное дело. Входит Г о р е л о в.

Г о р е л о в. Товарищ генерал, старший лейтенант Горелов по вашему вызову прибыл.

Р а к и т и н Садитесь, товарищ старший лейтенант, и подождите немного.

Горелов садится.

Давно живописью занимаетесь, Алексей Павлович?

Г о р е л о в. Шалю с детства.

Р а к и т и н. Говорят, ваши картины профессиональны, почему же так пренебрежительно говорите о своем увлечении?

Г о р е л о в. Потому что для меня прежде всего штурвал самолета, а краски, кисти — потом, на досуге.

Р а к и т и н. Что ж, довольно логично. Вы хоте-

ли бы перейти на другую технику?

Г о р е л о в *(взволнованно).* На другую? А разве для этой техники я уже не подхожу? Товарищ генерал, я больше никогда не нарушу режим полета. Я люблю самолет, который испытываю. Скорость машины, на которой я сейчас летаю, самая высокая.

Р а к и т и н. Есть и повыше.

Г о р е л о в. Какая же?

Р а к и т и н. Одиннадцать километров в секунду.

Е р м а к о в. Вторая космическая…

Р а к и т и н *(Ермакову).* Вот теперь мы начинаем понимать друг друга. *(Горелову.)* Я приехал, чтобы подобрать кандидата в отряд летчиков-космонавтов, и не тороплю с ответом. Возможно, это предложение вам не по душе?

Г о р е л о в. Что вы, товарищ генерал… Это же мечта… самая заветная… Только я и думать не мог, что я, то есть нет, что вы… Гордей Васильевич, это же моя мечта!.. Совсем запутался, простите, товарищ генерал.

Р а к и т и н. Космонавт должен всегда владеть собой.

Г о р е л о в. Я еще не космонавт, товарищ генерал.

Р а к и т и н. Верно, но считаю, что вы дали согласие? Передумывать не будете?

Г о р е л о в. Нет, товарищ генерал…

Р а к и т и н. Тогда свободны. Свободны до особого распоряжения.

Г о р е л о в. Слушаюсь. *(Уходит.)*

Р а к и т и н. Вот видишь! Во-первых, была у него мечта, а во-вторых…

Е р м а к о в. Что «во-вторых»?

Р а к и т и н. Во-вторых, я привез с собой распоряжение отозвать из летной испытательной части полковника Ермакова капитана Горелова Алексея Павловича…

Е р м а к о в *(прерывая).* Старшего лейтенанта!

Р а к и т и н. Капитана Горелова для направления его в отряд летчиков-космонавтов. Понятно?

Е р м а к о в. Понятно… А все же ты, Сергей Степанович, дипломат…

Р а к и т и н. Служба, Гордей Васильевич, служба такая.

Е р м а к о в. Украл у меня Алешку!

З а н а в е с

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Номер в гостинице. Две койки. Столик.

У б и й в о в к спит на одной из кроватей. За дверью на балконе слышится музыка.

У б и й в о в к *(просыпается).* Хлопче… *(Видит, что вторая койка пуста, прислушивается, встает и открывает дверь на балкон.)*

Врывается бодрая мелодия.

Ого-го-го! Мей брей, о це да! Такэ, такэ, мий гарный парубок. Кругом пекло, а вы еще и физкультурой плюс к тому занимаетесь! И каждый день так?

Г о л о с Г о р е л о в а. По пять раз…

У б и й в о в к. О це да! А я только в приказные часы этим физо занимаюсь. А зачем оно вам в таком объеме? Мабуть, на чемпионат по гимнастике собираетесь, а?

Г о л о с Г о р е л о в а. Да нет, не собираюсь. Просто — в форме надо себя держать.

У б и й в о в к. В форме? Да вы что, располнеть боитесь? У вас же талия, как у поручика Лермонтова на гравюре девятнадцатого века.

Г о л о с Г о р е л о в а. Пару килограммов все же согнать надо.

У б и й в о в к. Гм… Не угадал про гимнастику; возможно, но боксу выступать готовитесь?

Входит Г о р е л о в.

Г о р е л о в. Точно… В легком весе.

У б и й в о в к. В столовой были?

Г о р е л о в. Был.

У б и й в о в к. Препаршивенькая… Вот гарнизонная столовая — это, я вам доложу, да… Дивчины-официантки ну все как на подбор. Краля на крале. В очи заглянешь — аж дрожь берет, и никакого бифштекса тебе на надо.

Г о р е л о в. Я больше бифштексами интересуюсь.

У б и й в о в к. Каждому свое — так даже в библии вроде законспектировано… Вот мы тут балакаем про то да се, а познакомиться и не успели. Кто вы есть, я не ведаю. А про себя точно сформулирую: военный летчик Григорий Убийвовк. Можно и Гриньком кликать. Гоняю самолеты по всей стране. Иногда и за кордон, а сюда, в чертову дыру, Степновск, пригнал двухместный тренировочный. Обратно четырехтурбинный экземпляр погоню, на завод: движки почти весь ресурс выработали.

Г о р е л о в. Далеко гнать?

У б и й в о в к. Тысчонки три по прямой.

Г о р е л о в. А если ресурс кончится?

У б и й в о в к *(зевнув).* Так тут степь да степь

кругом, а я летчик первого класса.

Г о р е л о в. Разве такую махину посадишь?

У б и й в о в к. Когда припрет, так посадишь.

Г о р е л о в. Бывало?

У б и й в о в к. Всякое.

Г о р е л о в. И как?

У б и й в о в к. Жить захотелось, когда шасси выпускал, а вот теперь балакаю с вами.

Г о р е л о в. Чудной вы, майор.

У б и й в о в к. Постойте, хлопче, я про себя все как на духу, а вы? Что можете сказать в свое оправдание?

Г о р е л о в. Авиатор, такой же, как все… Зовут Алексей.

У б и й в о в к. Все?

Г о р е л о в. Ага.

У б и й в о в к. Темните, капитан. Авиатор — понятие широкое, а я люблю конкретику: Чем занимаетесь, гарный парубок?

Г о р е л о в. В особой группе. Лечу под Москву, да вот здесь по некоторым обстоятельствам застрял.

У б и й в о в к. В особой группе, куда ни ткнись, все особое: в столовой особый зал, в Доме офицеров особо, на первом ряду… Хм… Шоб мои очи повылазили, колы я ими не бачил на вашей

тужурке значка летчика второго класса. Вы же пилотяга, а значит, мне коллега, мий гарный парубок. Слухай, вечерком сообразим?

Г о р е л о в. Чего?

У б и й в о в к. Понимаешь, какое дело — сорок годков стукнуло, а я в этой дыре торчу, и нема никого знакомых…

Г о р е л о в. Не могу. Завтра предстану перед медициной. Обследование…

У б и й в о в к. Ай как же тебе не повезло! Медики — люди коварные. Перед обследованием сам за неделю в рот не беру… А жаль.

Г о р е л о в. Ну, поздравляю и желаю успеха… А может, на речку?

У б и й в о в к. Не… Иди купайся, а я напарника пошукаю — отметить круглую дату.

Горелов уходит. Убийвовк достает из чемодана бутылку и настольное зеркальце. Чокается со своим отражением, пьет. Включает транзисторный приемник, находит романс «Я встретил вас, и все былое…». Грустит. Затемнение. Из затемнения доносятся голоса.

Г о л о с А н н ы С е р г е е в н ы. Уйдите, товарищ майор! По-хорошему вас прошу. Ну что с вами делать? Неужели посторонних на помощь

звать?

Г о л о с У б и й в о в к а. Та не надо, золотце, не надо никого звать, коханая моя дивчина. Ведь сорок годков мне сегодня стукнуло. Разреши хоть в щечку!

Слышен звук пощечины. Входит Г о р е л о в.

О це влепила! Отметил круглую дату! Только я все одно не отступлю. Еще не было таких крепостей, чтобы Убийвовку не сдавались!

Г о р е л о в. Что тут происходит? *(Зажигает свет.)*

А н н а С е р г е е в н а стоит у окна. У б и й в о в к рядом.

У б и й в о в к. А-а, капитан объявився. Идите гуляйте дальше, гарный парубок. Я тут с королевой красоты балакаю.

Г о р е л о в *(улыбнувшись при виде растрепанного Убийвовка).* Оставьте в покое женщину, майор.

У б и й в о в к. Что?! *(Удерживает Анну Сергеевну, которая хочет уйти.)* Капитан, мей брей… Полегче на виражах…

Г о р е л о в. Еще раз повторяю… Оставьте…

У б и й в о в к *(прерывая).* А то что будет? Коменданта, может, позовешь?

Г о р е л о в. Нет. Сам управлюсь.

У б и й в о в к. Ты?

Г о р е л о в. Да, я.

У б и й в о в к. А это видал? *(Закатывает рукав рубашки, выжимает мускул, потом показывает кукиш.)*

Г о р е л о в. Примите холодный душ, майор!

У б и й в о в к *(очнувшись).* Ох, до чего же я дурной… до чего дурной… *(Уходит.)*

Г о р е л о в. Простите его, пожалуйста, не расстраивайтесь. Ну выпил человек лишнее…

А н н а С е р г е е в н а. А я и не расстраиваюсь и не очень злюсь. Позвонил ко мне и сказал: «Есть жалоба». Зашла, а он предложил чокнуться с ним за сорокалетие, заговорил об одиночестве, понес всякую чепуху… Потом выключил свет и полез целоваться. Слабый он человек.

Г о р е л о в. Майор?! Летчик первого класса… Такие махины водит!

А н н а С е р г е е в н а. Летчик он, может, и хороший, а человек? Был бы сильный, не потянулся за мимолетной лаской. Лучше прекратим этот бесполезный разговор.

Г о р е л о в *(пристально смотрит).* Странно…

Вы такая… и за столиком дежурной.

А н н а С е р г е е в н а. Что поделаешь, иногда обстоятельства… диктуют нам решение…

Г о р е л о в *(прерывая).* По-моему, это логика слабых, и не следует к ней прибегать. Сильные люди подчиняют себе обстоятельства.

А н н а С е р г е е в н а. Вот, оказывается, как!

Г о р е л о в. Вы обиделись? Я этого не хотел. Успокойтесь.

А н н а С е р г е е в н а. Пожалуйста, не надо меня утешать. Не такая уж слабая. В трудную минуту я и сама могу утешить. И если она у вас когда-либо наступит, долг платежом красен.

Г о р е л о в. У меня она никогда не наступит.

А н н а С е р г е е в н а. Вы так уверены? Ну, как говорится, давай бог. Когда вы от нас улетаете?

Г о р е л о в. Если все будет в порядке, то завтра.

А н н а С е р г е е в н а *(направляется к выходу).* Что ж, желаю счастливого полета, Алексей Павлович!

Г о р е л о в. Простите, а как вас зовут?

А н н а С е р г е е в н а. До свиданья.

Г о р е л о в. Как, как вас зовут?

А н н а С е р г е е в н а. Дежурный администратор.

З а т е м н е н и е

Появляется У б и й в о в к.

У б и й в о в к. Ни одна дама не могла заполнить моего большого сердца, всегда место оставалось, а вот вы, королева красоты… О це да… Яка ж гарная дивчина… *(Потирает щеку.)* Никогда не забуду, Анна Сергеевна, дорогая вы моя, извините старого дурня! Вы такая хорошая… Анна Сергеевна… прошу…

Входит Г о р е л о в. Ищет глазами Анну Сергеевну.

Кого шукаешь, капитан?

Г о р е л о в. Да так… Показалось, что вы с кем-то разговаривали.

У б и й в о в к. Це генеральная репетиция, шоб воно наикраще в натуре получилось, мий гарный парубок. *(Наливает в стакан воду из графина, пьет.)* Ух, и до чего мощная штука вода, особенно после горилки… *(Горелову.)* Я тут вчера трошки бузил, га? Мей брей, не серчайте на седого олуха, ради всего святого… Люди балакают, мужик я неплохой…

Г о р е л о в. А знаете, что такое хороший человек?

У б и й в о в к. Ну?

Г о р е л о в. Который сперва подумает, а потом

действует.

У б и й в о в к *(хохочет).* От подчепил!.. Гарненько... А все же якая важная ручка у этой королевы красоты! *(Смотрит в зеркальце.)* Ну куда мне с такой рожей сегодня деваться?... Мабуть, я и есть тот летчик, которому в аттестацию записали: «В выпивке не замечен, по понедельникам трясет головой и с утра употребляет очень много воды». Га?

Г о р е л о в *(хохочет).* Товарищ майор *(показывает на китель),* когда же вы столько орденов успели получить? Война давно кончилась. Вы тогда не за штурвал, а за мамину юбку держались...

У б и й в о в к. Разве ты про Убийвовка не слыхал, хлопче? Тоже мне летчик двадцатого века. Был такой случай. Испытывали новый двухтурбинный экземпляр. На большой высоте вошел он в плоский штопор. Приказал экипажу катапультироваться, а сам остался, недалеко от земли машину вывел, газеты писали. Ось як, гарный парубок. А ты вчера старику чуть ребра не поломал.

Г о р е л о в. За неосведомленность извините. А насчет выдворения... иначе поступить не мог...

У б и й в о в к *(прерывая).* Ладно, ладно... Сам

бы на твоем месте так же поступил. Ненавижу себя хмельного до ужаса. Как вы полагаете, мий гарный парубок, должен я извиниться перед королевой красоты?

Г о р е л о в. Пожалуй. У вас неплохо на репетиции получилось.

У б и й в о в к. Получилось? И я так думаю. Подготовился. Но извиниться не могу. И ноги к ней не идут. Слухай, хлопче, пойдем, может, вместе?

Г о р е л о в. А что! Но я-то тут при чем?

У б и й в о в к. Для поддержки морального духа. Вдвоем как-то сподручней, а?

Г о р е л о в. Нет уж, в адвокаты я, пожалуй, не гожусь. Лучше идите один, майор.

У б и й в о в к. Ты так считаешь? Тогда пожелай хоть успеха, по-нашему, по-авиационному, как перед сложным полетом.

Г о р е л о в. Ни пуха ни пера!

У б и й в о в к. К черту! *(Встает и решительно, строевым шагом направляется к двери.)*

З а н а в е с

КАРТИНА ПЯТАЯ

Квартира № 13 в Звездном городке. На диван брошена шинель. Около стола чемодан, на нем

сидит С в е т л а н а. Р я з а н о в у окна. Звонок в дверь.

Р я з а н о в *(оборачивается).* Войдите!

Входит Г о р е л о в.

Г о р е л о в *(ставит чемодан).* Извините.

Р я з а н о в *(засунув руки в карманы, бесцеремонно разглядывает Горелова).* А-а, новый искатель счастья прибыл?

Г о р е л о в. Почему искатель?

Р я з а н о в. Да по той простой причине, что теперь каждый летчик, только помани его пальцем, готов бежать в космонавты, полагая, что будет немедленно запущен в космос… Запущен… Но вам, дорогой искатель, выпал несчастливый номер. Уверяю вас, в этой квартире вы не найдете ни пера жар-птицы, ни маршальского жезла. Да, да, это уже проверено. Не забывайте, капитан, она тринадцатая.

С в е т л а н а. Не надо, Слава…

Г о р е л о в. А я этого числа не боюсь, в приметы не верю, и мне лично даже везет… Буду рад, если полечу в космос тринадцатого, майор.

Р я з а н о в. В космос! До него ой-ой как далеко!.. Такого может и не наступить в вашей юной жизни. Вам, пришедшему на мое место, не поме-

шает знать!

Г о р е л о в. На ваше?

Р я з а н о в. Впрочем, какое это имеет значение…

Г о р е л о в. Неясно, к чему такой разговор.

Р я з а н о в. Вы, конечно, тут ни при чем. *(Протягивает руку.)* Вячеслав Рязанов. Можете Славой называть…

Г о р е л о в. Алексей Горелов.

Р я з а н о в. Сию кабину *(показывает на комнату)* оставляю в беспорядке, но казенная мебель налицо… Кран горячий, кран холодный в исправности — извольте мыться! Ну а насчет причины, почему покидаю эти хоромы, тоже выскажусь в двух словах. Вам полезно будет знать, что не все достигают цели.

С в е т л а н а. Не надо, Слава, хватит переживать! Я очень тебя прошу! *(Встает, подходит к окну.)*

Р я з а н о в. Света, помолчи. *(Горелову.)* Садись!

Горелов садится на диван рядом с Рязановым.

Есть, Горелов, такая штука — космической медициной именуется… Ей плевать на вашу эрудицию или на ваши затаенные мечтания, какими бы высокими и светлыми они ни были…

Она, милый мой, беспощадна в своей объективности. И вот короткое заключение: повышенная чувствительность кожи делает майора Рязанова неспособным переносить условия космического полета. Вот так. Коротко и ясно. И все мечты фьюить…

С в е т л а н а. Слава, ты сомневаешься, что не найдешь себя в жизни? Стыдись! Ты же прекрасный летчик. Думаешь, я буду меньше тебя любить потому, что ты не полетел в космос? Кем бы ты ни был, ты для меня самый дорогой человек на свете. Я верю в тебя, Славка!

Р я з а н о в. Спасибо, Света. Ты всегда добрые слова находишь. Пилотом я был неплохим, восстановлю летные качества и еще рвану… ракетоносец-перехватчик оседлаю… и никаких центрифуг! *(Горелову.)* У нас еще кое-какие дела в хозчасти… Чемодан пока оставлю, не возражаешь?

Г о р е л о в. О чем речь!..

Р я з а н о в. Пошли, Света!

Рязанов и Светлана уходят. Горелов взволнованно бродит по комнате, затем начинает устраиваться. Стук в дверь. Входят Б ы с т р о в, С е в е р ц е в и Т а р а с е н к о со свертками. Они делают вид, что не замечают Горелова.

Б ы с т р о в. Вторгайтесь! Скатерть-самобранку расстелить! *(Указывает на магнитофон.)* Музыку туда! *(Кивает на Горелова.)* Полюбуйтесь. Хорош? *(Тихо Северцеву, который расстилает скатерть.)* Ты хоть этикетку-то оторвал с магазинной ценой? *(Горелову.)* Что? Не доходит? Вот чудак человек! Сразу видно, насколько глубоко в нем сидит провинциальное воспитание. А где же нюх, летная интуиция?

Г о р е л о в. Я действительно ничего не понимаю, товарищ майор.

Б ы с т р о в. Отставить! Здесь уставное обращение неуместно. Дома, вне службы, мы называем друг друга, как и в авиации, просто «ребята» или по именам. Я, например, Володя, Владимир Быстров. *(Показывает на Северцева.)* Это инженер-космонавт Андрей Северцев.

Горелов подходит к Северцеву и здоровается.

Т а р а с е н к о *(подходит к Горелову).* Михаил.

Г о р е л о в *(шутливо).* Алексей Горелов — Советский Союз.

Б ы с т р о в. Так. Значит, представились... Сегодня у вас новоселье, а у нас в связи с этим «большой сбор». Мы пришли поздравить вас, Алексей, с прибытием в наш городок. Принимай-

те гостей, ваших коллег-космонавтов.

Г о р е л о в. Есть принять гостей! Одну минуту…

Б ы с т р о в *(оглядывает Горелова с ног до головы).* А вы, Алеша, не переодевайтесь. Хотя тужурку лучше, пожалуй, вам временно снять.

Г о р е л о в. Да нет…

С е в е р ц е в. И галстучек ужасно жалко…

Б ы с т р о в. Видите ли, Алеша, прежде чем приступить к торжественной трапезе, вы должны выполнить небольшую формальность.

Г о р е л о в. Какую?

Б ы с т р о в. Представиться генералу Нептуну.

Г о р е л о в. Какому генералу? Нептун… Что за странная фамилия!

Б ы с т р о в. Сейчас узнаете. Ассистенты! *(Выходит.)*

Северцев и Тарасенко хватают Горелова и тащат в ванную. За дверью слышен плеск воды, голоса. Голос Быстрова: «Алексей сын Павлов, по прозванию Горелов, посвящается в верные и вечные служители бога морей и космоса, генерала Нептуна». Голос Горелова: «Согласен! Сколько можно? Промок до костей! За шиворот льется!» Голос Быстрова: «Посвящение закончено! Душ выключить!» Шум воды стихает. В комна-

ту возвращаются Быстров, Северцев и Тарасенко. Тут же входит Марина. У нее в руках сверток и букетик цветов.

Тарасенко. А вот и сестренка! Знакомилась с Алексеем Гореловым?

Марина. Видела… Важно чеканя шаг, он шествовал по центральной аллее городка и никого не замечал. Я сразу поняла: новичок. А где он?

Быстров. Переодевается… после крещения.

Марина. Ой, Володя!

Быстров. Иначе нельзя. Когда создается войско, создаются и традиции. А наш отряд новый…

Марина. Смотри, Володя, не попадайся со своими традициями под горячую руку генералу Ракитину. Влетит!

Входит Горелов. Марина отдает ему цветы.

Получайте от женского подразделения, Алексей, цветы и обязательство шефствовать над вами до той поры, пока не появится избранница.

Все *(вместе).* Появится.

Горелов. Спасибо. Меня вам представили, а вас…

Марина. Светлова.

Тарасенко. Наш доктор, тоже будущий

космонавт.

М а р и н а. Можно просто — Марина. *(Протягивает Горелову вазу.)* Это вам для уюта.

Г о р е л о в. Спасибо.

Б ы с т р о в. Начнем, пожалуй. Все ясно…

Все садятся за стол.

(Наливает минеральную воду.) Предлагаю за новую страницу в биографии Алеши Горелова…

М а р и н а. Володя…

Б ы с т р о в. Уступаю. Говори.

М а р и н а. Вот ты, Володя, предложил тост за новую страницу в биографии Горелова, а я хотела бы добавить: если вы, Алеша, хотите стать космонавтом только для того, чтобы после приземления пройтись по ковровой дорожке на Внуковском аэродроме да по заграницам с триумфом пространствовать, нечего вам делать в нашем отряде и в космос незачем вас запускать.

Т а р а с е н к о. Мариночка!

Г о р е л о в. Но я и не собирался…

М а р и н а. Извините за резкость, Алеша, но я закончу тост. Отряд космонавтов растет, и не за горами то время, когда на торжествах по Красной площади будет проходить взвод, потом рота космонавтов. Так я буду безмерно рада, если ко-

гда-нибудь стану рядовым такой роты.

Т а р а с е н к о. Молодец!

Б ы с т р о в *(Горелову).* На правах тамады или, вернее, старейшины отряда я вас, Алеша, познакомлю поближе с ребятами. О Мариночке говорить не стану, вы, наверное, уже заметили, что она умница.

М а р и н а *(останавливая Быстрова).* Поешь, Алеша. Продолжай, Володя.

Б ы с т р о в. К тому же среди нас она сейчас единственная представительница лучшей половины человечества…

Входит К р е т о в а.

К р е т о в а. А вот и не единственная!

Б ы с т р о в. Поправка! И очень вовремя. Что бы творилось с человечеством, если бы оно состояло только из одних мужчин? Ужас!

М а р и н а. Володя, ты не помнишь, как сказано у Козьмы Пруткова?

Б ы с т р о в. А что?

М а р и н а. «Если у тебя есть фонтан, заткни его: дай отдохнуть и фонтану».

Общий смех.

Так?

Б ы с т р о в. Так. *(Горелову.)* Учти.

Г о р е л о в. Постараюсь.

Б ы с т р о в. Продолжаю. Андрюша Северцев. На шутки не реагирует, но на мать-природу обиду имеет. Молодой, красивый, однако лысоват малость… но это от большого ума, а не от чего-либо другого. Мы его, Алеша, немного ревнуем к нашему Главному конструктору Олегу Даниловичу, ибо, как нам кажется, он его любит больше всех, и, на мой взгляд, Андрей первым стартует в дальний полет.

Т а р а с е н к о. А перед полетом соберем «большой сбор» для разговора по душам.

Б ы с т р о в. И проведет его наш парторг Миша Тарасенко. Он ничего героического пока еще не совершил, но весь пропитан идеями. К нему советоваться даже конструкторы ездят.

Т а р а с е н к о. Не преувеличивай. Чаще к себе приглашают.

М а р и н а. Ты все о других, а о себе?

Б ы с т р о в. Что ж, я человек скромный: могу и о себе. Знаете, Алеша, как я пришел в отряд? По самой прямой дорожке: авиация, инженерная академия. Моим руководителем по курсовой работе был инженер из ГИРДа, он и уговорил.

Г о р е л о в. ГИРД? Вспоминаю. Это группа изу-

чения реактивного движения.

Б ы с т р о в. Остряки тогда переводили проще: группа инженеров, работающих даром.

Г о р е л о в. И после такой рекомендации вы пошли в космонавтику?

Б ы с т р о в. А вы не острите, Алеша. Между прочим, одним из руководителей этой группы был Сергей Павлович Королев.

Г о р е л о в. Как же, читал.

Б ы с т р о в. Ну, если так эрудированы, то не пора ли нам перейти от слов к действиям? *(Северцеву.)* Андрюша…

Северцев включает магнитофон. Слышится мелодия вальса. Тарасенко приглашает Марину. Она смотрит на Горелова. Он подходит к Марине. Танцуют. Быстров приглашает на танец Кретову. Разговоры ведутся на английском языке. Северцев что-то тихо говорит Марине тоже по-английски.

М а р и н а *(Северцеву).* Не очень остроумно, Андрюша. *(Горелову.)* Мне надо побыть одной… *(Отходит к окну, задумывается.)*

Г о р е л о в *(Быстрову).* Может, что не так?

Б ы с т р о в *(выключив магнитофон).* Сердце женщины — загадка.

Г о р е л о в. Что это вы все по-английски шпарите?

Т а р а с е н к о. Пригодится.

Б ы с т р о в. Еще как! И вам придется… *(Северцеву.)* Андрюшка, блесни талантом.

С е в е р ц е в. Что ж, давайте споем. *(Берет гитару, перебирает струны и запевает песню о космонавтах.)*

Северцеву тихо вторят остальные.

Эх, Славки Рязанова нет… Он здорово пел эту песню. К сожалению, его-то песенка уже спета. Верно?

Т а р а с е н к о. Зачем же так? Он еще покажет себя.

С е в е р ц е в. Но мы-то его потеряли? Повышенная чувствительность кожи… А кто знает, может, в космосе и будут выживать те человеки, у которых повышенная чувствительность кожи. Кто может поручиться? Сегодня Славку проводили, а завтра еще кого-нибудь…

Т а р а с е н к о. Высказался?

С е в е р ц е в. Да.

Т а р а с е н к о. Не тот разговор. Не ко времени и не к месту.

С е в е р ц е в. Почему?

Т а р а с е н к о. Алеша не в курсе…

Г о р е л о в. В курсе. Познакомились… Вон его чемодан…

М а р и н а. Ясно.

Б ы с т р о в. Ну и как? Поговорили?

Г о р е л о в. Поговорили.

Пауза.

Б ы с т р о в. О чем?

Г о р е л о в. О жизни и ее поворотах.

Т а р а с е н к о. Какой же последовал вывод?

Г о р е л о в. Добиваться поставленной цели.

Б ы с т р о в. Вывод правильный, и на этом закончим. Есть предложение перейти с Алешей на «ты». Приготовиться к заключительному тосту! Хозяину пора дать покой.

Т а р а с е н к о. Вот какое дело, друзья… Давайте за мечту!

Б ы с т р о в. За далекий старт и за возвращение на маленький голубой шарик по имени Земля!

К р е т о в а. Я исчезаю.

Уходит и сталкивается с Р я з а н о в ы м.

Р я з а н о в. Ну, ребята, желаю…

Пауза. Рязанов открывает чемодан и достает сверточек в целлофановом пакете.

Вот, оставляю по наследству. *(Передает Горелову.)*

Г о р е л о в *(развернув сверточек).* Просвирка, что ли?

Р я з а н о в. Эта просвирка, брат, в космосе побывала… Если у тебя все будет удачно, полетишь в космос, возьми с собой. Это хлеб из бортового пайка Юрия Гагарина.

З а н а в е с

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Помещение в испытательном центре, где расположена сурдокамера. В ней холодильник, столик, стул. Г о р е л о в пишет портрет.

Г о р е л о в (отрывается от работы). Фу-у! Ну и жарища! Как в пекле. Мало полного одиночества, так еще и тепловую нагрузку добавили… *(Всматривается в портрет.)* А что? Вроде получилось. Теплые глаза… букетик подснежников… *(Делает несколько мазков.)* И все же чуть приукрасил. Сделаем немного гуще брови… *(Кладет кисть.)* Нет, портрет придется дописать позже, больше не могу! *(Ходит по камере.)* И все же какая противная штука это публичное одиночество… *(Садится за стол, достает бумагу и ручку.)* Сейчас там, на

экране телевизора, следят за каждым моим движением, самописцы осциллографа фиксируют удар сердца. Ну что ж, валяйте, регистрируйте!

Голос руководителя. Алексей Павлович, какое сегодня число, день, время? Быстро!

Горелов. Сегодня десятое апреля. Среда. Одиннадцать часов ноль две минуты. В одиннадцать тридцать по распорядку приступаю к работе над бортжурналом, потом гимнастика. Докладывает летчик-космонавт капитан Горелов.

Голос руководителя. Спасибо, Алексей Павлович. Поздравляем вас с днем рождения! От вашей мамы пришла поздравительная телеграмма. Всего доброго!

Горелов. Эх, знала бы мама, где я, сказала бы: «Бедненький, и за что только тебя так мучают эти люди в белых халатах!» Рассказал бы тебе обо всем, но… пока не могу, не имею права. Недавно письмо прислала, такое наивное… Чудачка! И почти в каждом письме про женитьбу…

Голос Матери. За помощь спасибо, Алешенька. Деньги, что ты прислал этим месяцем, я израсходовала на ремонт. Домик надо держать в приличном виде. Отцово наследство. Хоть и не сокровище какое брильянтовое, но всегда может пригодиться. Авось, когда надумаешь вернуться

в родное гнездо, жену с детишками привезешь… Пишешь, в особую часть перешел. Хоть бы намекнул: лучше или хуже твоего испытательного полка? Особое-то дело, может, более рисковое. Развей ты мою тоску, напиши, много ли летаешь на тех окаянных самолетах или тебя, может, к более спокойному делу прибило?

Горелов. Ты угадала, мама… *(Улыбается.)* Очень спокойное… *(Подходит к портрету, работает.)* Хорошая ты девушка, настоящий друг. Надо о тебе написать маме… Провожать пришла с этим букетиком и шепнула: «Самое главное — старайся покрепче спать, на пятые-шестые сутки приходит бессонница…» Ничего, я спал будь здоров и даже на пятнадцатые…

На табло загорается красная лампочка.

Голос руководителя. Алексей Павлович, какое сегодня число, время?

Горелов. Сегодня десятое апреля. Одиннадцать часов тридцать минут. По распорядку приступаю к работе над бортжурналом.

Голос руководителя. Бортжурнал и все последующее отставить. Опыт завершен. Через двадцать минут выпускаем. У вас времени лишь для того, чтобы привести себя в порядок.

По традиции каждого космонавта, покидающего сурдокамеру, мы встречаем музыкой. Вам что? Танец, эстрадную песенку, отрывок из симфонии?

Горелов. Нет, арию.

Голос руководителя. Какую же?

Горелов. Князя Игоря «О, дайте, дайте мне свободу!»

Голос руководителя. Вас понял.

Затемнение

То же помещение. Слышна ария из оперы «Князь Игорь» «О, дайте, дайте мне свободу!». В помещении Ракитин, Быстров, Тарасенко, Северцев и Марина. Появляется Горелов с портретом в руках. Его обступают, обнимают, поздравляют.

Ракитин. Молодцом, Алексей Павлович, испытание прошло на «отлично». *(Пожимает руку.)*

Северцев. Алеха, зачем свою декадентскую бородку сбрил? Она тебе шла.

Тарасенко. Ерунда: космонавт — и с бородой! Скажут еще: лишний вес!

Быстров. Постойте, ребята. А это что? *(Берет портрет у Горелова, рассматривает.)* Портрет Марины…

Р а к и т и н *(посмотрев).* Не ожидал… Здорово! Просто не нахожу слов.

С е в е р ц е в. Я, разумеется, не умаляю достоинств этого шедевра, но почему автор избрал объектом Марину? Ребята, к этому вопросу надо вернуться.

Т а р а с е н к о. Марина, а что ты скажешь?

Марина молча рассматривает портрет.

Р а к и т и н *(взглянув на часы).* Товарищи, не опоздайте в физзал! *(Горелову.)* В следующую среду предстоит испытание скафандра новой конструкции. Я рекомендовал вас.

Г о р е л о в. Спасибо. Я должен пройти подготовку?

Р а к и т и н. Считайте, что вы ее уже прошли.

Б ы с т р о в. Сергей Степанович, а как же я?.. Ведь я же был на очереди…

Ракитин уводит Быстрова. Вслед за ними уходят Северцев и Тарасенко.

М а р и н а. На занятия я не иду, Алеша. *(Продолжает рассматривать портрет.)* Ты настоящий художник. На самом деле я не такая.

Г о р е л о в. Лучше! Ты в жизни знаешь какая? Мне еще многое не удалось схватить, писал по

памяти.

М а р и н а *(робко кладет руку на плечо Горелова).* Алеша, зачем рисовал меня?

Г о р е л о в. Чтобы дать Андрюшке Северцеву тему для острот.

М а р и н а. Неправда. Ты о нем совершенно не думал.

Г о р е л о в. Почему так считаешь?

М а р и н а. Ты думал обо мне?

Г о р е л о в. Конечно! Как же можно рисовать человека и не думать о нем?

М а р и н а. И что же ты думал?

Г о р е л о в. Что ты хорошая, нет, что ты…

М а р и н а *(снимает руку с плеча Горелова).* Плохая? Спасибо… *(Смеется.)*

Г о р е л о в. Не просто хорошая, а чудесная девчонка… Еще о твоих словах думал… Помнишь, на новоселье: если хочешь стать космонавтом только для того, чтобы по ковровой дорожке пройтись да по заграницам поездить, то нет тебе места в нашем отряде. Я сразу понял, ты…

М а р и н а *(прерывая).* Догматик?

Г о р е л о в. Не выдумывай, Маринка! Посмотри лучше в зеркало. Я знаю…

М а р и н а *(прерывая).* Эх, Алешка, Алешка, что ты обо мне знаешь?

Г о р е л о в. Немного, но…

М а р и н а. Вот именно — немного. Так вот, Алеша, росла я без матери, отец бывал наездами. Строгий ужасно. Помню, произошел такой случай. Пошла я с мальчишками купаться на Иртыш к мосту, а мост высоченный… Мальчишки заспорили: кто спрыгнет? Залезли на верхнюю ферму и сдрейфили. Тогда я решилась. Прыгнула. Лечу, дух замирает. В воду врезалась — обожгло… Вода сперва зеленая, затем черная… Я вынырнула — ликую. Ну и досталось мне потом и в школе, и дома! Отец разбушевался, начал ругать, а я ему про три заповеди, что сам завещал. Если растерялись и дрогнули товарищи, надо показать пример — будь впереди. Никогда на полпути не останавливайся. Всегда говори правду. Правду… Так вот… Помнишь новоселье, вальс — и я вдруг отошла?

Г о р е л о в. Помню.

М а р и н а. Тогда я почувствовала…

Г о р е л о в. Что с тобой, Маринка? *(Всматривается.)* Озябла? Глаза как звезды…

М а р и н а. Звезды?.. Понять не могу, почему люди связывают со звездами самое дорогое и нежное… Для меня звезды такие далекие, стылые… Как хорошо на земле! К звездам летят в

одиночестве…

Г о р е л о в. Не можешь туда лететь?

М а р и н а. Очень хочу… Это самое заветное. Хочу, чтобы попали мы в один космический экипаж, Алеша, и полетели далеко-далеко, не по орбите, а дальше, к солнцу! А если какая-нибудь беда, я бы все *(улыбается),* даже свой кислород, отдала бы до последнего глотка… Скажи, Алеша, ты кого-нибудь любил?

Г о р е л о в. Нравилась мне одна девушка… Вместе учились, ходил провожать, писал ее портрет.

М а р и н а. Ты что же, рисуешь каждую девушку, которую провожал? Может, у тебя имеется целая картинная галерея?

Г о р е л о в. Что ты, Марина… Помню, после выпускного вечера пошли с ней на Волгу, на старый дебаркадер. Стояли у борта, тихо плескалась вода… Она сказала, что ей хорошо со мной. Я понимал, девушка ждет каких-то слов, а их у меня не было. Я мог приласкать ее, такую искреннюю в своем порыве, совсем еще девчонку, но это был бы обман. По-настоящему я еще никого в жизни…

М а р и н а. Повтори, Алеша…

Г о р е л о в. Я еще никого по-настоящему не любил.

М а р и н а. Полюбишь.

Г о р е л о в. Кого?

М а р и н а. Меня полюбишь! *(Убегает.)*

Г о р е л о в. Вот и объяснились…

З а н а в е с

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Просторный зал, где расположена термобарокамера — небольшое помещение сферической формы. Там, в летном кресле, полулежит Г о р е л о в в скафандре и гермошлеме.

Г о л о с к о н с т р у к т о р а. Это испытание — работа вне космического корабля, при различных температурных режимах — открывает перед вами большие перспективы, Алексей Павлович.

Г о л о с Г о р е л о в а. А если не выдержу?

Г о л о с к о н с т р у к т о р а. На приборы можете вполне положиться. Волнуетесь?

Г о л о с Г о р е л о в а. Есть немного… Все же термобарокамера…

Г о л о с к о н с т р у к т о р а. Запомнили все пять режимов? Будете повторять условия.

Г о л о с Г о р е л о в а. Хорошо.

Г о л о с к о н с т р у к т о р а. Желаю удачи! Начали. Режим номер один.

Г о л о с Г о р е л о в а. Разреженное простран-

ство, заполненное светящимися частицами. Температура до двух тысяч градусов.

Голос конструктора. Сорок секунд… тридцать… десять…

Слышится легкий, прозрачный звон, который постепенно усиливается. Возникают яркие вспышки, похожие на свет автогенной сварки, и наконец вся камера в ярком свечении.

Начинаем режим номер два…

Яркий свет померк.

Скафандр не беспокоит? Самочувствие?

Голос Горелова. Нормальное.

Камера заполняется красным светом.

Голос конструктора. Повторите условия режима номер два.

Голос Горелова. Устойчивая температура плюс шестьсот градусов, без кислорода. Внешнее давление тридцать атмосфер. Проверка работоспособности с радиоаппаратурой. *(Работает с приборами.)*

Голос конструктора. Режим номер три! Какое сегодня число?

Голос Горелова. Пятое июля. Космиче-

ский холод. Температура минус двести пятьдесят градусов.

Красный свет в камере дрожит, колеблется и приобретает холодный зеленый оттенок, который становится все гуще и гуще.

Голос конструктора. Попробуйте сделать несколько движений.

Горелов встает, медленно движется.

Самочувствие?

Голос Горелова. Жарко… Очень… Дыхание…

Голос конструктора. Если чувствуете себя плохо, немедленно доложите! Нажмите красную кнопку!

Голос Горелова. Докладываю… Чувствую себя… хо… ро… *(Падает.)*

Занавес

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Комната № 13. За столом Г о р е л о в, пишет.

Г о р е л о в *(откладывает бумагу).* Прав был Слава Рязанов. В квартире под номером тринадцать тебе ни маршальского жезла, ни пера жар-птицы не заготовлено. Вот и пришла трудная минута. А ты, как самонадеянный божок, утверждал, что никогда в твоей жизни она не наступит. Кому же это я говорил? Милой женщине из далекого Степновска… Интересно, что бы она сейчас сказала? А если ей позвонить? *(Набирает номер по телефону.)*

Высвечивается лицо А н н а С е р г е е в н ы.

Анна Сергеевна… Не ожидали?

А н н а С е р г е е в н а. Честно, не ожидала. Что это вдруг?.. Как живете, Алексей Павлович?

Г о р е л о в. Плохо, Анна Сергеевна. Я был последним трепачом, когда заявил вам, что в моей жизни никогда не наступит трудная минута. Она наступила, я должен круто все изменить,

может, и с голубыми погонами расстаться. Вот какие дела…

А н н а С е р г е е в н а. А ваши слова: «Сильные люди подчиняют себе обстоятельства»?..

Г о р е л о в. Видимо, слова произносить легче, чем им следовать.

А н н а С е р г е е в н а. Я думала, вы мужественный человек… Неужели ошиблась? Зачем позвонили?

Г о р е л о в. Сам не знаю. Показалось, что вы поймете меня…

Входит М а р и н а.

Прежде чем принять решение, хотел услышать ваш голос, Анна Сергеевна.

А н н а С е р г е е в н а. Не спешите принимать решение, Алексей… Павлович. Семь раз, говорят, отмерь — один раз отрежь.

Изображение Анны Сергеевны гаснет. Входят Б ы с т р о в, С е в е р ц е в и Т а р а с е н к о.

Г о р е л о в. Алло, алло! *(Бросает трубку.)*

Т а р а с е н к о *(подходит к столу, взглядывает на бумагу и раскрытую книгу).* Привет!

Г о р е л о в. Будем прощаться?

С е в е р ц е в. Вроде того, Алеша.

М а р и н а. Знала я одного парня, он был утвержден для полета, но ему здорово не повезло. Как говорится, счастье было не на его стороне. Перед полетом проводились тренировки, прыгали с парашютом. Однажды его занесло в овраг. При посадке он сломал ногу и треснула ключица. Он прощался с космонавтикой! А мы его убедили: рано. Через полгода начал тренироваться. Вошел в строй.

Г о р е л о в. Везет же людям.

М а р и н а. Повезло? Это только начало… Вновь допустили его к тренировке. Полетели ночью. Штурман рассчитал точку приземления по прошлогодней карте, а за это время дровяной сарай на том месте построили. Прыгнули отлично, ветра не было, а на приземлении… страшное дело… точно на крышу угодил. Думали — всё! Теперь уж окончательно… Он собрался в комок, ударился… Погасил парашют, на землю постарался свалиться боком… Встал — думали, упадет. Пошел… Его на рентген — ни одной трещинки…

Б ы с т р о в. Марина, хватит! Андрей, расскажи, что случилось?

С е в е р ц е в. Я, пожалуй, схожу домой, ребята… Жена волнуется. А дела мои, кажется, неважнецкие. *(Достает ленту осциллографа.)* Вот взял на

память. Смотрите, как линия жизни пляшет… Экстрасистола так называемая…

Г о р е л о в. Ничего не понимаю…

Т а р а с е н к о. Алексей, помолчи.

С е в е р ц е в. Нарушение ритма в работе сердца. Когда начнешь это понимать, будет поздно. Медчасть поставила вопрос об отчислении из основной группы отряда. Вот и все. Ребята, извините, но я пойду… *(Уходит.)*

М а р и н а. Миша, ты был там?

Т а р а с е н к о. Был. Андрей сел в кабину центрифуги сразу после меня… Закрутилась как бешеная… Ему дали двенадцатикратную. Я стоял у экрана и вдруг вижу — голова Андрея завалилась, глаза странные…

Б ы с т р о в. Ясно, обморок. И сразу же оргвыводы! Наверно, опираются на авторитет профессора Заботина?

М а р и н а. Не горячись, Володя. Заботин — ученый с мировым именем.

Б ы с т р о в. Марина, будь сначала космонавтом, а потом уж врачом.

М а р и н а *(Тарасенко).* Был в медчасти?

Т а р а с е н к о. Был. Вежливо попросили не вмешиваться…

Б ы с т р о в. А мы вмешаемся! Должны вме-

шаться! Нельзя же, в конце концов, чтобы одно неудачное испытание решало судьбу человека… Ведь он не первый раз тренировался… И опять эта проклятая центрифуга! Перестраховщики, вот что!

Т а р а с е н к о. Ты не прав, Володя. Медики заботятся лишь об одном — чтобы там с нами было все в порядке.

Г о р е л о в. Марина, о ком ты рассказывала? Прыгал с парашютом?

М а р и н а. Между прочим, о Володе Быстрове.

Б ы с т р о в. И совершенно напрасно. Я что… Я уже в Звездном городке деточек народил, стал космическим папашей, может, и до деда-космонавта дотяну. Прилечу на Марс и на манер Деда Мороза скажу марсианским ребятишкам: «Здравствуйте! Я вам Снегурочку привез!» *(Берет за руку Марину.)*

М а р и н а. А Снегурочке уже лет пятьдесят стукнет.

Т а р а с е н к о. Похохмили? Может, хватит?

Б ы с т р о в. Ты, как всегда, прав, Миша. Похохмили! Что будем делать?

Т а р а с е н к о. Я говорил с Ракитиным. Поеду к Заботину, буду добиваться, чтобы Андрея направили в клинику для самого тщательного

обследования. А если потребуется, то… Ясно?

Б ы с т р о в. Вот теперь ясно.

М а р и н а. Я знакома с Заботиным. Еду с тобой.

Т а р а с е н к о. Хорошо. На этом и закончим.

Быстров и Марина уходят.

(Горелову.) Теперь ты что-нибудь понял?

Г о р е л о в. Понял. Плохо мне, да и Андрею не лучше.

Т а р а с е н к о. Ничего ты не понял. *(Берет со стола рапорт.)* Что это за литературное произведение? *(Читает.)* «Командиру отряда, генерал-лейтенанту авиации товарищу Ракитину С. С. Рапорт. Прошу отчислить из отряда летчиков-космонавтов и направить в прежнюю летную часть. Последнее испытание убедило меня в том, что для сложных полетов и работы в космосе, вне корабля, я непригоден…» Здорово написано, ничего не скажешь, а слог-то какой… ну просто «Песнь о Гайявате» в переводе Ивана Бунина.

Г о р е л о в. Заглядывать в чужие письма не следует! Что я решил, то написал. Это мое личное…

Т а р а с е н к о. Личное? Это всех нас касается, товарищ Горелов.

Г о р е л о в. Ты что, может, ко мне пришел партийное бюро проводить? Мероприятие по чуткости?

Т а р а с е н к о *(жестко).* Потребуется, и на партбюро пригласим. А пока я хочу с тобой по душам, как друг…

Г о р е л о в. Ах, по душам! Оказывается, заседания бюро не будет, а товарищ Тарасенко прибыл проводить индивидуальную беседу, наставлять на путь истинный заблудшую душу. Так, что ли?

Т а р а с е н к о. Перестань кривляться! «Я решил, я написал, я, я…» Выходит, если завтра со мной что случится, тебе и наплевать?!

Г о р е л о в. Не заговаривайся…

Т а р а с е н к о. Матери тоже написал?

Г о р е л о в. Еще не успел…

Т а р а с е н к о. Жаль. Ты мне говорил, что она женщина мудрая.

Г о р е л о в. И что?

Т а р а с е н к о. Знаешь, что бы она тебе ответила? *(Шутливо дает подзатыльник.)* «Дурачок ты, Алешечка, несмышленыш еще… Разве можно, Алешечка, сразу, с ходу, отчаянно такие серьезные вопросы решать! Сперва бы сходил к своим дружкам, послушал бы, посоветовался, а уж потом…»

Г о р е л о в. Чего же тут советоваться? Вопрос ясен, Михаил…

Т а р а с е н к о. Я пришел не уговаривать: ах, мол, бедненький, тебе плохо, держись, не уходи, миленький… Разберись! Не можешь? Помогу. Ты новичок в нашем отряде. Пока шло испытание, Ракитин места себе не находил. Закурил, а я его два года с сигаретой не видел. Знаешь ли ты, что, пока над тобой колдовали медики, мы трубили «большой сбор», волновались за тебя, переживали…

Г о р е л о в *(удрученно).* Я не знал. Но факт есть факт — от него не уйдешь! Не гожусь… Потерял сознание… А что будет в полете? Какой из меня, к черту, космонавт? Все равно спишут, как Славу Рязанова, — и точка! Вернусь обратно, буду испытывать самолеты. Конечно, горько все это… Но… я делал что мог…

Т а р а с е н к о. Делал что мог… *(Берет книгу со стела.)* Вот тут подчеркнуто, наверное, тобой? *(Читает.)* «Сделал что мог, пусть, кто может, сделает лучше». *(Кладет книгу.)* К римским консулам обратился!

Г о р е л о в. Плохо сказано?

Т а р а с е н к о *(равнодушно).* Блестяще. У меня не вышло, пусть продолжат другие! Хилая пози-

ция! Придется напомнить. Ты коммунист. Для коммуниста формула «сделал что мог» неприемлема. А теперь давай разбираться. Кто тебе сказал, что последнее испытание зачеркнуло тебя как космонавта? Скажи, кого испытывали — скафандр или тебя?

Г о р е л о в. Меня, ну и скафандр, конечно.

Т а р а с е н к о. Сначала скафандр, а уж потом тебя. У конструктора не получилось. Переживал! Ведь это его детище… Его можно понять?.. Скафандры у нас есть, и преотличные, — это показали полеты орбитальных станций. Но конструктор задумал такой, какого еще не было. Пока не получился… Ясно?

Г о р е л о в. Но я-то не выдержал!

Т а р а с е н к о. Другой бы на твоем месте мог и концы отдать запросто…

Горелов хватает Тарасенко. Проводят несколько приемов самбо.

Да погоди ты… Отлегло, да? Но учти, Алексей, ты виноват, и даже очень…

Г о р е л о в. В чем же?

Т а р а с е н к о. Почему не нажал на красную кнопку, когда почувствовал себя плохо?

Г о р е л о в. Хотел продержаться, думал, ну еще

немного… не рассчитал сил…

Т а р а с е н к о. Вот эта ошибка похуже. Хотел продержаться… Проявил храбрость, а вернее — недисциплинированность. А знаешь, как дорого это могло обойтись тем, кто полетел бы в космос по данным этого испытания? Ну, понял?

Г о р е л о в. Да.

Т а р а с е н к о *(протягивает рапорт).* Вот теперь и решай.

Горелов берет рапорт и разрывает.

З а т е м н е н и е

Вновь квартира № 13. Г о р е л о в сидит за письменным столом. Входит Р а к и т и н.

Р а к и т и н. Занимаешься?

Г о р е л о в. Письмо Гордей Васильевич прислал. Спрашивает, как дела, не соскучился ли по авиации…

Р а к и т и н. Скучаешь?

Г о р е л о в. Бывает. Но я прочно уяснил разницу между летчиком и космонавтом.

Р а к и т и н. В чем же, интересно?

Г о р е л о в. Летчики живут в воздухе, а космонавты на земле.

Р а к и т и н. Поясни.

Г о р е л о в. В авиации я летал почти ежедневно. Я жил в воздухе. А здесь, чтобы, может, только раз стартовать в космос, я живу и работаю на земле. Наши тренировочные полеты на самолетах и сравниться не могут с теми, что я выполнял у Гордея Васильевича.

Р а к и т и н. Жалеешь, что к нам попал?

Г о р е л о в. Нет, товарищ генерал, моя мечта — космос.

Р а к и т и н. Значит, старых товарищей по службе не забываешь? Это хорошо… Да, как я погляжу, у тебя и новые друзья в авиации появились? *(Показывает на конверт.)*

Г о р е л о в. От Славы Рязанова…

Р а к и т и н. Что у него нового?

Г о р е л о в *(дает письмо).* Почитайте…

Р а к и т и н *(просмотрев письмо).* Смотри ты какой… На ракетоносце-перехватчике летает… командир звена… *(Отдает письмо.)* Рад, очень рад за Рязанова… Напишу.

Г о р е л о в. Можно задать вопрос?

Р а к и т и н. Задавай.

Г о р е л о в. Неужели Андрея, как и Славу Рязанова, спишут?

Р а к и т и н. Надеюсь, этого не произойдет. Сейчас звонил мне профессор Заботин. Поэтому

и зашел к тебе для разговора серьезного, но не официального… Позавчера вечером Северцев был утвержден на очередной космический полет на орбитальной станции. Точная дата еще не установлена, и теперь мы не знаем, сколько времени он проведет в клинике и каков будет окончательный результат… Северцев может не полететь. Наметили тебя.

Г о р е л о в. Меня?

Р а к и т и н. Не рад?!

Г о р е л о в. Не рад, товарищ генерал.

Р а к и т и н. Почему?

Г о р е л о в. Не хочу, чтобы мой успех вырос, как сорняк, на беде товарища.

Р а к и т и н. Это уже из области эмоций, Алеша…

Г о р е л о в. Но есть еще Быстров. Он ведь раньше…

Р а к и т и н. Что поделаешь? Совесть бунтует?.. Твое назначение действительно связано с ЧП у Андрея Северцева. Выбор сделан, и решила это Государственная комиссия.

Г о р е л о в *(встает).* Что я должен делать сейчас?

Р а к и т и н. Сейчас спать. А с завтрашнего дня будешь готовиться по особой программе,

получишь дополнительные нагрузки. Время еще есть. Кстати, база для тренировок неподалеку от Степновска. Знакомый городок?

Г о р е л о в. Вы это к чему, товарищ генерал?

Р а к и т и н. Так просто… Знаешь что, Алеша, честно говоря, я лично не хотел, чтобы тебя назначали на полет в этом году.

Г о р е л о в. Не очень понимаю, Сергей Степанович.

Р а к и т и н. Сейчас поймешь. Гагарина весь мир назвал Колумбом космоса, и вполне справедливо. В обширной программе освоения космических пространств есть задачи подготовительного характера, а есть — по размаху, дерзости — для первооткрывателей, Колумбов. И мне думается… только не возгордись, Алеша… по своим данным ты мог бы решать именно такую задачу. А теперь спать, спать… (*Уходит.)*

З а н а в е с

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Холл гостиницы. В стороне, за столиком, сидит К р е т о в а, просматривает газеты. Входят Т а р а с е н к о, Б ы с т р о в, С е в е р ц е в, М а р и н а и Г о р е л о в. К ним навстречу направ-

ляется А н н а С е р г е е в н а. Звонит телефон.

А н н а С е р г е е в н а *(по телефону).* Нет! К сожалению, свободных мест нет. *(Космонавтам.)* Здравствуйте!

Все здороваются.

Сколько у меня гостей! Вот как хорошо, а то наша гостиница совсем было затихла. *(Видит Горелова.)* Вы?

Г о р е л о в. Добрый день, Анна Сергеевна…

А н н а С е р г е е в н а. Прошу, товарищи! *(Уходит в другую часть холла.)*

Космонавты идут вслед за Анной Сергеевной.

К р е т о в а *(задерживая Горелова).* Алексей Павлович, можно вас на минуточку?

Г о р е л о в. Ах, Электрона Ивановна! Опять интервью?

К р е т о в а. На сей раз нет, просто приятно встретить старого знакомого в новом качестве. Будете прыгать с парашютом?

Г о р е л о в. Возможно…

К р е т о в а. Я собираю материал для книги. Вы у меня в картотеке как человек перспективный. Так что учтите…

Г о р е л о в. Что же я должен учесть?

К р е т о в а. Пресса — большая сила. Она открывает личности.

Г о р е л о в *(улыбаясь).* Бывает и наоборот.

К р е т о в а. Это не тот жанр, в котором я работаю. Статей, которые закрывают личности, не пишу. Давайте присядем и немного поболтаем.

Г о р е л о в. О слове «который»?

К р е т о в а. Вы мне напоминаете редактора, который…

Смеются.

Г о р е л о в. Прошу.

Садятся.

Кто же еще у вас в картотеке, если это не секрет?

К р е т о в а. Какие могут быть секреты! Сейчас я интересуюсь Мариной Светловой, которая…

Г о р е л о в. Очень хорошая девушка.

К р е т о в а. И которая немного загадочна.

Г о р е л о в. Загадочна? Маринка — человек открытой души.

К р е т о в а. Да, конечно, но это кроссворд, который я еще до конца не разгадала. Вот если немного помечтать… Космический корабль летит в неизведанную галактику, до которой так

далеко… Экипаж — это целый коллектив, а жизнь продолжается, как, по-вашему?

Горелов. Разумеется. Для чего же ей останавливаться?

Анна Сергеевна подходит.

Анна Сергеевна. Извините, я не помешаю?

Кретова. Нет, нет, что вы…

Анна Сергеевна. Алексей Павлович, вас устроит номер на втором этаже?

Горелов. Вполне.

Анна Сергеевна. Ну и прекрасно. *(Уходит.)*

Кретова *(смотрит вслед).* Вы давно ее знаете?

Горелов. Кого?

Кретова. Не увиливайте. Анну Сергеевну…

Горелов. Ах, Анну Сергеевну? Я здесь останавливался. А что?

Кретова. Интересная женщина, не правда ли?

Горелов. Один мой знакомый даже назвал ее королевой красоты.

Кретова. Что ж, подходит… Пользуется успехом?

Г о р е л о в. Что тут удивительного?

К р е т о в а. Конечно... Женщина одинокая, свободная... Почему бы и не поухаживать?

Г о р е л о в. Что вы хотите этим сказать?

К р е т о в а. Да так, ничего особенного. Она держится вполне корректно... но довольно часто уезжает на какую-то захолустную станцию.

Г о р е л о в. Зачем вы мне об этом говорите? Это ее личное дело.

К р е т о в а. Вы знаете, у меня дьявольская интуиция.

Г о р е л о в. Договаривайте, Электрона Ивановна.

К р е т о в а. Полагаю, что на той захолустной станции ее кто-нибудь встречает. Скажем, молодой агроном из соседнего колхоза... Ну, я пошла... *(Уходит.)*

Входит А н н а С е р г е е в н а.

А н н а С е р г е е в н а. Наконец-то вы одни. Я очень, очень рада вас видеть, Алексей Павлович. Значит, голубые погоны на месте? *(Внимательно смотрит.)* Почему хмуритесь? Чем-то огорчены?

Г о р е л о в. Нет, нет, Анна Сергеевна. Вам показалось. И знаете, вам я должен сказать спасибо.

А н н а С е р г е е в н а. За что?

Г о р е л о в *(смеясь).* За то, что отчитали в трудную минуту, как мальчишку.

А н н а С е р г е е в н а. Правда? Значит, преодолели обстоятельства на пути к цели?

Г о р е л о в. Еще не все, но постараюсь…

З а н а в е с

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Перрон небольшой станции. Вечереет. Шум уходящего поезда. А н н а С е р г е е в н а прощально машет рукой. Вбегает Г о р е л о в.

А н н а С е р г е е в н а. Сумасшедший! Соскочить на ходу… Зачем?

Г о р е л о в. Не мог же я вас оставить одну! Вы решили здесь сойти так неожиданно.

А н н а С е р г е е в н а. Следующий поезд будет не очень скоро…

Г о р е л о в. Неважно. Нас встретит машина.

Ходят по перрону.

А н н а С е р г е е в н а. «Нас»… Как странно… Отвыкла от этого слова — «нас»… Целый день в городе, вместе ходили по магазинам, навестили Наташку в больнице, ужинали и вот вдвоем, как давние знакомые, и нас встретит машина… Вы не

боитесь лишних разговоров?

Горелов. И в голову не приходило. Мне с вами просто, ясно, легко… Не обидел бы вас майор Убийвовк, мы могли бы и не встретиться.

Анна Сергеевна *(улыбаясь).* Да, его стоит поблагодарить, так же как и судьбу, за то, что я была в тот вечер дежурным администратором.

Горелов. Анна Сергеевна, почему бы вам не перейти на другую работу?

Анна Сергеевна. Куда? Поселок небольшой…

Горелов. А если вообще… уехать? *(Пауза.)* Боитесь потерять квартиру?

Анна Сергеевна. Нет… А вас смущает, что я работаю администратором гостиницы?

Горелов. Нисколько. Вам нравится?

Анна Сергеевна. Не очень. Конечно, было бы лучше, если бы каждый человек мог работать по призванию.

Горелов *(улыбаясь).* И даже дворником?

Анна Сергеевна. А что вы думаете? Однажды мне довелось прочесть умную статью о призвании человека. Ее написала журналистка Кретова. Кстати, вы ведь с ней как будто неплохо знакомы?

Горелов. Как же, приходилось встречаться.

А н н а С е р г е е в н а. Так она, между прочим, писала: если дворник любит свое дело, он будет не просто мести двор и убирать мусор, а посадит в свободную минуту лишнее деревце, приветливо улыбнется жильцу, поздравит его с добрым утром, поможет старушке перейти улицу — да мало ли у него может возникнуть пусть маленьких, но добрых дел? Разве она не права?

Г о р е л о в. Возможно.

А н н а С е р г е е в н а. Человек рождается не для того, чтобы съесть два вагона продуктов и умереть. Ну, оставайтесь, а я должна уйти…

Г о р е л о в. Аннушка…

А н н а С е р г е е в н а. Аннушка?

Г о р е л о в. Да… Нельзя так называть?

А н н а С е р г е е в н а. Почему же, можно… Странно…

Г о р е л о в. Странно?

А н н а С е р г е е в н а. Меня называл Аннушкой только один человек.

Г о р е л о в. Кто, не секрет?

А н н а С е р г е е в н а. Не будем об этом.

Г о р е л о в. Какое сегодня число?

А н н а С е р г е е в н а. Тринадцатое. А что, вы суеверны?

Г о р е л о в. Для меня это число счастливое.

Прошел ровно год, как мы впервые встретились.

А н н а С е р г е е в н а. Да… Верно… Поначалу я не придавала значения нашему знакомству. Ну, думала, славный, симпатичный человек… и все. На душе у меня была горечь, я была равнодушна к окружающим. Да еще Наташа… Она меня страшно — по-детски — ревновала. Бывало, забежит в гостиницу, увидит, что со мной кто-нибудь болтает, надуется, начнет дерзить, капризничать. А уж в дом я просто никого не приглашала, зная Наташу. И вот, помню, пришли вы… Смотрю, моя Наташка защебетала, стала с вами играть. Она приняла вас своим маленьким сердечком, сразу…

Г о р е л о в *(улыбаясь).* Спасибо Наташе…

А н н а С е р г е е в н а. Однажды вы пришли без меня. Видимо, дверь вам открыла Наташа. Когда я вернулась домой, услышала, кто-то играет на дудочке и поет смешную песенку. Помните?

Шарик Жучку взял под ручку,
Начал польку танцевать,
А Барбосик красный носик
Стал на дудочке играть.

Г о р е л о в. И что вы тогда подумали?

А н н а С е р г е е в н а. Хорошо, что вы такой…

мальчишистый. Я стала ждать наших коротких встреч… Сегодня целый день вместе. Подарили духи… Чудак! А вот когда вы принесли в больницу огромного медведя и я увидела Наташкины сияющие глазенки, я была счастлива, и за это спасибо.

Горелов. Можно вам задать один прямой вопрос?

Анна Сергеевна. Конечно.

Горелов. Почему вы решили сойти на этой маленькой станции?

Анна Сергеевна. Да, я схожу именно на этой станции…

Горелов. И довольно часто…

Анна Сергеевна. Верно. Кто вам об этом сказал?

Горелов. Не так уж важно. Один человек.

Анна Сергеевна. Этому человеку не откажешь в осведомленности, как, впрочем, и в некоторой бестактности… И передайте ему при случае, что до конца он, видимо, еще не умеет проникать в чужие тайны.

Горелов. Вас здесь кто-то ждет?

Анна Сергеевна. Да, ждет. Идемте!

Горелов. Зачем?

Анна Сергеевна *(решительно).* Идемте

же!

З а н а в е с

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Кладбище. Металлическая ограда. Скамейка. Г о р е л о в и А н н а С е р г е е в н а.

А н н а С е р г е е в н а. Вот что меня ждет… Тишина здешнего кладбища и… *(Показывает.)* Вот этот мраморный обелиск с траурными листьями. Читайте.

Г о р е л о в. «Человеку, исполнившему долг воина и гражданина. Старший лейтенант Николай Бакланов».

А н н а С е р г е е в н а. Мой муж и отец Наташи…

Г о р е л о в. Анна Сергеевна… простите.

А н н а С е р г е е в н а. Тогда я работала учительницей *(садится на скамейку),* проверяла диктанты, ставила отметки. Нравилось, считала своим призванием, а потом все пошло кувырком… Дома Николай бывал редко, все какие-то опыты, испытания на полигоне. Жизнь бывает сурова и к очень хорошим людям. И чаще, пожалуй… Он облучился… Перевели под Степновск, на другую работу. Здесь его вскоре положили в

больницу. И угас… Умирал в полном сознании, даже шутил, наставлял и успокаивал меня… Наградили посмертно… И вот обелиск…

Пауза.

Г о р е л о в *(задумчиво.)* Понимаю.

А н н а С е р г е е в н а. Не могу, не имею права уехать отсюда, Алеша. Бываю здесь часто, почти через день… Иногда беру с собой Наташу, но чаще одна… Сажусь здесь, закрываю глаза и мысленно беседую с Николаем, рассказываю обо всем, как прежде… Вот и сегодня решила… *(Плачет.)*

Г о р е л о в. Ваш муж был человеком… настоящим… Вы тоже… Извините. *(Резко поворачивается, уходит.)*

Вдали слышен гудок и шум приближающегося поезда. Анна Сергеевна, склонив голову, сидит на скамейке.

З а н а в е с

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Номер гостиницы. Г о р е л о в просматривает газеты. Входит Р а к и т и н.

Р а к и т и н. У-ух и жарища тут у вас! Как в

аду…

Г о р е л о в. В термобарокамере и похуже бывает, товарищ генерал.

Р а к и т и н. Я думаю… Как ребята?

Г о р е л о в. В полном порядке, Сергей Степанович.

Р а к и т и н. А Северцев?

Г о р е л о в. Как молодой бог. Норму мастера спорта выполнил. Вернулся вроде не из клиники, а с курорта.

Р а к и т и н. А знаешь, почему у него тогда так получилось?

Г о р е л о в. Да. Когда Андрей узнал, что его наметили на очередной полет, обрадовался, всю ночь не спал… На центрифугу пришел неподготовленный, думал, ничего страшного — и пожалуйста…

Р а к и т и н. Значит, волнение, и даже радостное, может сослужить плохую службу. Учти, Алеша… Вчера в город ездил?

Г о р е л о в. Да. Ознакомился.

Р а к и т и н. И кажется, не один?

Г о р е л о в. Уже знаете? Вы же только что прилетели!

Р а к и т и н *(шутливо).* Командиры должны быть инженерами человеческих душ. Так, кажет-

ся, Горький говорил?

Г о р е л о в. Так, но только о писателях…

Р а к и т и н. Не спорю… Значит, увлечение?

Г о р е л о в. Я из своей жизни секрета не делаю, ничего не скрываю, Сергей Степанович… Тем более от вас. Да, мне понравилась женщина. Что в этом противоестественного?

Р а к и т и н. Ровным счетом ничего. Познакомились, съездили в город… Назначил свидание…

Г о р е л о в. Сергей Степанович!..

Р а к и т и н *(сухо).* С Анной Сергеевной я немного знаком… Светлая женщина. Она из тех, кто свою душевную чистоту и память о прошлом возводят в идеал. Не кажется тебе, что любовь эта в какой-то мере неравная?

Г о р е л о в. Не понимаю вас.

Р а к и т и н. Ты человек еще не очень опытный в житейских делах. А Анна Сергеевна любила, пережила большую личную драму… Матери написал?

Г о р е л о в. Нет еще…

Р а к и т и н. Значит, все-таки сомневаешься. М-да… А решать такой вопрос надо основательно и серьезно. Ответственно…

Г о р е л о в. Вот вы говорите — сомневаюсь. Не сомневаюсь я, а думаю: полюбит ли она меня?

Понимаете, ее первое чувство такое сильное… Смогу ли я заменить отца ее Наташке? И об этом думаю…

Р а к и т и н. У Анны Сергеевны сегодня выходной?

Г о р е л о в. Да. А что?

Р а к и т и н. Тебе надо с ней попрощаться…

Г о р е л о в. То есть как? Вы считаете, я должен все разорвать? Нет…

Р а к и т и н. Вылетаем на рассвете.

Г о р е л о в. Сергей Степанович, так скоро?

Р а к и т и н. Это приказ. Отзывается весь отряд. Подробности узнаешь позже. Имей в виду: очевидно, придется тебе, Алеша, в самое ближайшее время в гостях у нашего Главного конструктора побывать. У самого Олега Даниловича. За ним последнее слово — лететь тебе в космос или не лететь.

Г о р е л о в. Насколько мне известно, последнее слово за Госкомиссией.

Р а к и т и н. Да, но на Госкомиссии последнее слово за Главным конструктором. Опять-таки за тем же Олегом Даниловичем.

Г о р е л о в. И вы думаете, что к нему в кабинет я буду входить с дрожащими коленками?

Р а к и т и н. Не думаю. Однако хочу тебе посо-

ветовать. Дружески. Запомни: Олег Данилович не любит высокого стиля. Не вздумай говорить длинно и высокопарно. Терпеть не может. Предстоит тебе и еще встреча…

Горелов. С кем?

Ракитин. С матерью… Вызвал.

Горелов. Попрощаться?

Ракитин. Повидаться.

Занавес

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Комната Анны Сергеевны. Звонок. Анна Сергеевна идет отпирать.

Голос Анна Сергеевны. Кто это? Да отвечайте же! Вы что, не нашли лучшего времени для шуток?

Голос Горелова. Не нашел, Аннушка.

Голос Анна Сергеевны. Алешка, ты? Ой!

Голос Горелова. Крепко же ты запираешься… Осторожней, торт помнешь.

Анна Сергеевна и Горелов входят в комнату.

Анна Сергеевна. Какой еще торт?

Г о р е л о в. Фигурный, с шоколадным слоном и вензелями… Но он предназначается не тебе, а Наташке. Где она?

А н н а С е р г е е в н а. Уже поздно… Спит…

Г о р е л о в. Завтра утром отдашь.

А н н а С е р г е е в н а. Зашел, чтобы Наташе торт подарить и сразу исчезнуть? Можешь и не говорить… Догадываюсь. Неужели уезжаешь?

Г о р е л о в. Через полчаса я должен быть на аэродроме.

А н н а С е р г е е в н а. А куда лететь? Далеко?

Г о р е л о в. Очень… *(Слегка обнимает Анну Сергеевну, ведет к окну.)* Вон туда… *(Показывает на звездное небо.)*

А н н а С е р г е е в н а. Не очень понятно.

Г о р е л о в. Подумай.

А н н а С е р г е е в н а *(отстраняясь).* К звездам?

Г о р е л о в. Да.

А н н а С е р г е е в н а. Ты это нарочно?

Г о р е л о в. Нет.

А н н а С е р г е е в н а. Значит…

Г о р е л о в. Это будет мой первый… Если все будет в порядке.

А н н а С е р г е е в н а. Уже? *(Плачет.)*

Г о р е л о в. Ну перестань, ты же не малень-

кая… А может, маленькая? Хочешь, половинку Наташкиного торта отрежу?

А н н а С е р г е е в н а. Так быстро…

Г о р е л о в. Об этом пока говорить не будем.

А н н а С е р г е е в н а. Нет-нет!

Г о р е л о в. Когда вернусь, полетим в Москву, выберем Дворец бракосочетаний… самый красивый…

А н н а С е р г е е в н а. И никого с собой не возьмем… А ты в черном вечернем костюме… И все просто, просто… Чтобы никто не обратил внимания.

Г о р е л о в. Думаешь, это поможет?

А н н а С е р г е е в н а. Мне слава твоя не нужна. Нужен ты, Наташка, и все. Больше ничего, ничего мне не надо…

Молча, обнявшись, стоят у окна.

Г о р е л о в. Пора…

З а н а в е с

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Квартира в Звездном городке. Входят Г о р е л о в и М а т ь.

М а т ь. Загорел, похудел…

Г о р е л о в. Может, постарел, мама?

М а т ь. Не постарел, а возмужал. Самостоятельным мужчиной стал.

Г о р е л о в. До пятидесяти мы не стареем, а мужаем, но потом…

М а т ь. Ладно, ладно… Еще рано вперед-то заглядывать. *(Осматривает комнату.)* Неужто один тут живешь, в двух комнатах? Или с каким напарником?

Г о р е л о в. Один, мама.

М а т ь. Ишь какой большой начальник нашелся…

Г о р е л о в. Может, ко мне переедешь?

М а т ь. Нет уж, куда там, от родных мест… Городок наш растет, строится… Вот если дом снесут — садик уж больно жалко. С твоим отцом начинали высаживать. Первую-то яблоньку посадили, как поженились, а вторую, рядом, — когда ты родился… Я тебе ранней анисовки привезла, медку прихватила…

Г о р е л о в *(открывает чемодан).* Хороши… *(Ест яблоко.)* Спасибо, а мы сейчас и обед закажем. *(Берет телефонную трубку.)* Говорит Горелов. Два обеда, пожалуйста… Да-да…

М а т ь. Глядите-ка, люди добрые, он уже и обеды на дом требует! Ни дать ни взять генерал

какой! А судочки, в которых тот обед принесут, часом, не серебряные?

Г о р е л о в *(подходит, обнимает Мать).* У нас порядок такой заведен: если гости, то можно и дома пообедать. Ты у меня в гостях сегодня, вот и подчиняйся…

М а т ь. Ладно, не заговаривай зубы-то… *(Пытливо.)* Алеша, когда мы по главной аллейке сюда шли, повстречались двое, еще с тобой поздоровались… лица у них больно знакомые… Уж не Герман ли Титов? И как его… Елисеев вроде бы шел с ним… Они?

Г о р е л о в. Они самые, мама. А что?

М а т ь. Скажи, сынок, они просто твои знакомые? Или…

Г о р е л о в. «Или», мама! Честное слово, «или»…

М а т ь. Стало быть, и ты…

Г о р е л о в. И я…

М а т ь. Думаешь, не догадывалась? Давно все поняла. Ой, Алешка, боюсь я за тебя, так боюсь…

Г о р е л о в *(садится рядом).* Бояться за меня не надо, ну чего бояться?

М а т ь. Полетов этих боюсь, не хочу, чтобы землю под ногами-терял… Алешенька, хоть бы ты и не летал в этот самый космос никогда. Что он тебе

дался? *(С надеждой.)* Может, еще и не полетишь?

Стук в дверь.

Г о р е л о в. Да-да, входите!

Входит М а р и н а.

М а р и н а. Алеша! *(Видит Мать.)* Ой, извините, может, я не вовремя…

Г о р е л о в *(встает, идет навстречу).* Как это так — не вовремя? В самое время. Познакомься — моя мама, а это *(показывает)* мой друг Марина, будущий врач-космонавт.

М а р и н а *(здоровается).* Я уже догадалась, что вы Алешина мать.

М а т ь. Вот вы какая… Я тоже догадалась. Писал Алешка-то, рассказывал о вас, о всех своих товарищах…

Марина удивленно смотрит на Горелова.

Г о р е л о в. Какие новости, Марина?

М а р и н а. Тебя не вызывали?

Г о р е л о в. Куда? Я не в курсе. Скажи, если что знаешь. Все хорошо?

М а р и н а. Сам узнаешь, Алеша, после… Получен приказ.

Звонок телефона.

Г о р е л о в *(берет трубку).* Слушаю. Да, да… Есть! Марина, будь другом, посиди, потолкуй с мамой. Мама, извини, я сейчас, быстро! *(Убегает.)*

М а т ь *(вслед).* Вот и всегда так: раз-раз — и нет его… Присядьте, Мариночка, в ногах правды нет. Алеша уезжает?

М а р и н а. Да.

М а т ь. Полетит?

М а р и н а. Возможно.

М а т ь. Боязно, наверное, все же…

М а р и н а. Как вам сказать… К нам трусы не попадают, а что касается Алеши, то я более смелого, умного, упорного не знаю.

Вбегает Г о р е л о в.

Г о р е л о в. Вот и я! Быстро? Поговорили?

М а р и н а *(Горелову).* Поговорили. Я пойду… *(Матери.)* До свиданья! *(Уходит.)*

М а т ь (вздыхает). Твои однокашники-то, поди, уже все переженились, а ты все бобылем ходишь, Алексей. Никак не встретишь настоящую девчонку, чтобы на всю жизнь…

Г о р е л о в. Что поделаешь, уж такой непутевый уродился… *(Показывает фотографию Анны Сергеевны.)* Красивая?

М а т ь. Душа была бы красивая… Кто это?

Г о р е л о в. Девчонка, которую ждал всю жизнь. Я женился, мама… Рада?

М а т ь *(опешив).* Обрадовал, сынок, нечего сказать… Без материнского, значит, согласия, втихомолку… Так… Самостоятельность выказал, а матери и словечка не соизволил написать.

Г о р е л о в. Мама… Я знал, скоро увидимся. Думал, вот сядем рядышком — все и расскажу…

М а т ь. Уже сижу. Слушаю.

Г о р е л о в. Она очень хорошая, мама, и ты ее наверняка полюбишь!

М а т ь. Это уж я сама решать буду.

Г о р е л о в. И дочка у нее очень славная девчушка. Наташей зовут…

М а т ь. И дочка?.. Дочка у нее? Нечего сказать, настоящая девчонка… Так… Она как же, сама мужу отставку дала или он ее с дочкой кинул?

Г о р е л о в. Его нет.

М а т ь. Был бы с ней, такого, думаю, у тебя не случилось… Не стал бы рушить чужую семью.

Г о р е л о в. Он погиб, мама, несколько лет назад.

М а т ь. Вот какие дела… *(Смотрит в глаза.)* Любишь?

Г о р е л о в. Другой не надо.

М а т ь. Ох, Алешка, Алешка… Не думала, не

гадала, что ты так свою судьбу сложишь… Не поспешил ли, сынок? Совсем еще мальчишка…

Г о р е л о в. То возмужал, то мальчишка… А не поехать ли тебе к ней? Познакомишься. Аннушка будет рада…

М а т ь. Рада ли? Уверен больно…

Г о р е л о в. До конца. Ну как, билет на самолет заказать?

М а т ь. Что ж, с ней познакомиться хочу. Только билет мне на поезд возьми.

Г о р е л о в. Почему? Ты же мать летчика!..

М а т ь. На земле оно как-то надежней, лучше поездом. Ну, как там поется: «Присядем, друзья, перед дальней дорогой…»

Г о р е л о в. Я скоро улетаю, мама…

М а т ь. Только встретились, и вот… свалил на мою голову сразу все: и женитьбу, и полет… Знать, поэтому сюда и пригласили… попрощаться. *(Плачет.)*

Г о р е л о в. Повидаться…

З а н а в е с

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Кабинет Главного конструктора. Письменный стол, на нем телефоны. Неподалеку рабочий

стол, рулоны чертежей. В углу макеты кабин космических кораблей. О л е г Д а н и л о в и ч работает за письменным столом.

Г о л о с с е к р е т а р я. Олег Данилович, к вам Горелов.

О л е г Д а н и л о в и ч *(по селектору).* Горелов? Пусть войдет. По телефону ни с кем не соединять, в кабинет никого не пускать! *(Выключает настольную лампу и нажимает кнопку.)*

Кабинет озаряется резким багровым светом. Входит Г о р е л о в.

Г о р е л о в. Разрешите, Олег Данилович?

О л е г Д а н и л о в и ч. Садись! Тут. *(Указывает на кресло около стола. В упор, изучающе рассматривает Горелова.)* Церемоний не люблю. Гожусь тебе в отцы, а посему буду звать на «ты». Как?

Г о р е л о в. Не имеет значения, Олег Данилович.

О л е г Д а н и л о в и ч. Правильно. Самочувствие?

Г о р е л о в. Нормальное.

О л е г Д а н и л о в и ч. Не верю.

Г о р е л о в. Почему?

О л е г Д а н и л о в и ч. Свет… Резок, раздражающе резок. Тебе хочется от него избавиться,

больше ни о чем не думаешь. Так?

Горелов. Пожалуй. А вам от него не хочется избавиться?

Олег Данилович. Терплю. Даже полезно после долгой работы. Как чашка черного кофе. Свет — великая вещь, Горелов. Я в этой области эстет, вернее — гурман. Убежден, правильно выбранный свет всегда увеличивает работоспособность. Читаю при зеленом, расчеты делаю при голубом. Черчу при белом. Если появится новый человек, обязательно зажигаю эти багряные бра, чтобы быстрее переключиться на беседу.

Горелов. Вы хитрый, Олег Данилович.

Олег Данилович. Хитрый. Простак на нашей почтенной планете не проживет. *(Показывает на макет.)* И вот этих штук в космос не запустит!.. Картины пишешь?

Горелов. Редко.

Олег Данилович. Зря! Учти, когда тебя брали в отряд, это сыграло известную роль, не решающую, конечно, но сыграло…

Горелов. Почему?

Олег Данилович. А потому что никакая, даже самая лучшая цветная фотография не сможет заменить человеческого глаза, глаза художника, его эмоционального восприятия…

Так что пишешь? Наверное, портрет женщины? Женщины, на которой женишься?

Г о р е л о в. Все про меня знаете?

О л е г Д а н и л о в и ч. Я должен знать все о человеке, которого запускаю в космос. Женись — это правильно. Взрослый неженатый человек настораживает. Это противоестественно. Знакомился с макетом новейшей техники? Впечатляет?

Г о р е л о в. Еще бы! Кабина «Востока» по сравнению с этими кажется просто допотопной.

О л е г Д а н и л о в и ч *(останавливает взгляд на стоящей в углу модели кабины «Востока»).* Перестань, Горелов! Никому не позволю так отзываться о «Востоке». Перед ним каждый космонавт должен встать на колени. С него началась космическая эра у землян. С Королева и с полета Юрия Гагарина.

Олег Данилович нажимает кнопку — в кабинете меняется свет, затем вторую — вспыхивает экран с изображением Гагарина и звучит его голос. Олег Данилович выключает магнитофон — в кабинете становится светло.

Эх, если бы у человечества не было того нелепого дня, который отнял у нас Гагарина!

Г о р е л о в. Извините, Олег Данилович, за мою

бестактность.

О л е г Д а н и л о в и ч. Ладно, ладно, вернемся к нашим сегодняшним заботам. Значит, и «Заря», и «Искра» тебе понравились?

Г о р е л о в. Это чудо!

О л е г Д а н и л о в и ч. Хочешь лететь?

Г о р е л о в. Хочу!

О л е г Д а н и л о в и ч. А если не полетишь?

Г о р е л о в. То есть как?

О л е г Д а н и л о в и ч. Да очень просто. Предложение на Государственную комиссию вношу все-таки я.

Г о р е л о в. Буду ждать еще год, два…

О л е г Д а н и л о в и ч. А если и тогда не получится?

Г о р е л о в. Еще буду ждать, сколько потребуется… Потому что это цель моей жизни.

О л е г Д а н и л о в и ч. Не пышно ли сказано?

Г о р е л о в. Нет, Олег Данилович. Я готовлюсь к полету, а не к славе и почестям. Пойду в космос, как в бой…

О л е г Д а н и л о в и ч. Гм… Патетика…

Г о р е л о в. А вы что же, за электронного человека ратуете? Без эмоций и патетики? Я подумал, какой ужас свалился бы на человечество, если бы мы превратились в людей, только напич-

канных формулами и запрограммированных на определенные действия… Повернул ручку счетно-решающего устройства и узнал — женишься тогда-то и на такой-то, еще р-раз — полетишь туда-то и тогда-то, а в таком-то году родится сын или дочь. В третий раз повернул, и машина сухо и бесстрастно объявит — умрешь тогда-то и будешь захоронен на таком-то кладбище, дети твои проживут до такого-то года и переселятся на Марс… Ерунда все это! Прелесть чудесной, созданной природой конструкции, именуемой человеком, в том, что она живая и все живое ей свойственно, а не чуждо. Чем бы ни была напичкана моя голова, сколько бы в ней ни находилось знаний, я хочу прежде всего жить и чувствовать… Люблю, когда обо мне говорят хорошо, и злюсь, волнуюсь, когда плохо. Болею, когда моему другу тяжко… Наслаждаюсь небом и лесом и ору от радости, когда вытаскиваю из воды какого-нибудь паршивца подлещика… Человек — не долгий пришелец на нашей земле, но и за это короткое время ему многое дано и многое с него надо спросить. А самое главное — механизм аккуратен, точен, исполнителен, но он никогда не заменит человека, ибо человек творец, он в особые минуты принимает решения, на которые не способно ни одно самое

совершенное кибернетическое устройство.

О л е г Д а н и л о в и ч. Ого! Да в тебе настоящий эпикуреец живет! Нечто подобное и я говорил в юности. Извиняться за свой трактат не будешь?

Г о р е л о в. Нет.

О л е г Д а н и л о в и ч. Ну, а как же насчет кибернетики и электроники?

Г о р е л о в. Без кибернетики и электроники нам и шага не ступить, Олег Данилович.

О л е г Д а н и л о в и ч. То-то! Лететь боишься?

Г о р е л о в. Есть немного.

О л е г Д а н и л о в и ч. Ну и правильно! Никогда не верю человеку, который говорит, что не испытывает страха. Это или деревяшка, или просто позер. Храбрость — это преодоление трусости, а избавиться от страха совсем невозможно... Знаешь, сколько раз тебе придется преодолевать, побеждать страх в полете, к которому нужно готовиться?

Г о р е л о в. Да, пожалуй, от первой и до последней минуты.

О л е г Д а н и л о в и ч. Верно. Вот, взгляни! *(Встает, берет указку, подходит к стене, дергает шнур и раздвигает шторки.)*

На чертеже — схема полета.

Сначала в космос выходит «Искра» на околоземную орбиту. Затем стартует «Заря», выходит на орбиту «Искры», производит с ней стыковку и берет на свой борт космонавта-исследователя. Ясно?

Горелов. Вполне. А дальше?

Олег Данилович. «Заря» направляется по сильно вытянутой эллиптической орбите с удалением от Земли в перигее шесть тысяч километров.

Горелов. А в апогее?

Олег Данилович *(тычет указкой в обрез чертежа).* А в апогее вот такое удаление.

Горелов. Так это же в несколько раз дальше, чем до Луны… А что с «Искрой»?

Олег Данилович. Она будет находиться на околоземной орбите и дожидаться возвращения «Зари». С завтрашнего дня начнете тренировки по особой программе. А сейчас иди и внимательно ознакомься со схемой полета. Ну, рад был познакомиться поближе, Алеша… *(Пожимает руку.)*

Горелов направляется к выходу.

Да, по пути на космодром можешь заглянуть в Степновск. Я ведь хитрый!

Г о р е л о в. Спасибо, Олег Данилович. *(Уходит.)*

Пауза.

Г о л о с с е к р е т а р я. Олег Данилович, к вам Светлова.

О л е г Д а н и л о в и ч. Пусть войдет!

Вбегает М а р и н а.

М а р и н а. Горелов летит?

О л е г Д а н и л о в и ч. Горелов, Горелов… Почему именно он должен лететь?

М а р и н а. Папа! Да у нас в отряде…

О л е г Д а н и л о в и ч. Что там у вас в отряде?

М а р и н а. Более достойного кандидата нет.

О л е г Д а н и л о в и ч. Это почему же?

М а р и н а. Умный, смелый, добрый… Знаешь, папа, Алеша мне чем-то напоминает Гагарина…

О л е г Д а н и л о в и ч. Что ты говоришь? Вот, оказывается, каков у нас Горелов. М-да… Послушай, дочка *(внимательно смотрит в глаза),* уж не влюбилась ли?

М а р и н а. Влюбилась.

О л е г Д а н и л о в и ч. Но он любит другую…

М а р и н а. Я все знаю, папа. И все-таки он мне друг… Понимаешь? Любимый друг.

О л е г Д а н и л о в и ч. В ранней юности найти друга нетрудно, а в зрелые годы уже, увы, трудней… С годами желание любить всякого, кто пришелся тебе по сердцу, с первого взгляда, сменяется разборчивостью, мы становимся зачастую суше, а это уже дар мозга — не сердца… Трудно объяснить, почему так происходит, а жаль! По-моему, чем старше, тем щедрее душой должен быть человек. Он много накопил и должен все сполна отдать людям, а не уносить с собой… Вот, скажем, самолет оставляет за собой длинный пушистый шлейф. Красиво? Да! Но он недолговечен, этот след инверсии. Постепенно он становится пухлым, прозрачным, тает и исчезает… А след человека, когда он ушел из жизни? Выстроенные города, сделанные открытия, написанные книги еще долго служат людям. И пусть они многого не знают о нем: был ли он счастливым на земле или нет, любимым женщиной или отвергнутым, одиноким или обласканным многочисленными друзьями, терпел бедствия или жил в достатке, подвергался несправедливым обидам или провел свои годы в почете и славе, — все это обычно умирает с человеком. Лишь труд — этот след человека — остается нетленным. Что-то я сегодня слишком расфилософствовался, Марина…

М а р и н а. Мы редко видимся, папа.

О л е г Д а н и л о в и ч. Вот что, дочка. Не пора ли тебе выйти из подполья, покончить с конспирацией и объявить, что ты носишь фамилию матери, я твой отец — тот самый вредный, шумный старик, который в недалеком будущем посадит тебя в кабину космического корабля?

М а р и н а. Когда же это произойдет? Я лечу?

О л е г Д а н и л о в и ч. Не спеши, Марина. Пойми, освоение космоса не азартная игра, а долгий трудный путь. Мы его первыми начали, мы его и продолжим спокойно, твердо, последовательно. Поэтому надо уметь ждать. Ну, беги, шустренок! *(Целует Марину.)*

Марина уходит.

З а н а в е с

КАРТИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Аэродром. Г о р е л о в с легким чемоданчиком в руках встречается с У б и й в о в к о м.

У б и й в о в к. Мей брей! Тот самый капитан! Дывись, дывись, уже майор! Ну, як там королева красоты? Ох и залепила же она тогда пощечину своей королевской ручкой! Як вспомню, зараз в

правом ухе звенит.

Г о р е л о в. А в левом как? Не звенит? Она вроде не один, а два раза ручку подняла?

У б и й в о в к *(хохочет).* Вот женщина! Как живется, как служится? С гантельками больше не шуткуешь?

Г о р е л о в. Нет.

У б и й в о в к. Ну и правильно. Пора кончать с дитячьими забавками. А мы в дальний маршрут собрались. По секрету скажу — космонавта ждем. Как явится, по газам — и на высоту. Мы, авиация, все знаем. Пропал наш космонавт… *(Смотрит на часы.)* Десять минут до взлета.

Г о р е л о в. А я здесь…

У б и й в о в к. Вижу, что здесь, а вот космонавт опаздывает. *(Убегает в сторону.)*

Появляется К р е т о в а.

К р е т о в а. Два слова для нашей газеты. Что скажете перед стартом?

Г о р е л о в. Честное слово, специальную речь я не успел заготовить. Извините, мне пора.

К р е т о в а. А я так надеялась, так трудно было сюда прорваться… Репортаж, который я должна написать, понимаете… Ну, что вы мне посоветуете?

Г о р е л о в. Какой я советчик! Вы же мастер репортажа. Впрочем, есть совет. Реже употребляйте слово «который» и собирайте только самую точную информацию. Знайте, когда, зачем и на какой станции надо сходить. Желаю успеха! *(Направляется к самолету.)*

Кретова устремляется за ним.

К р е т о в а. Алексей Павлович! Товарищ Горелов!

У б и й в о в к *(подходит).* Шо? Ты?! Та не может того быть… Ты Горелов?

Г о р е л о в. Что поделаешь, если мать родила меня Гореловым…

У б и й в о в к. Мей брей! Да я же тебе в положении «смирно» обязан докладывать. *(Кричит экипажу.)* Хлопцы, по местам! Зараз будем выруливать!

Кретова фотографирует Горелова и уходит.

Гарный ты паренек… Старик Убийвовк всегда думал, шо ты далеко уйдешь со своими гантельками. А посадочка в Степновске?

Г о р е л о в. Попрощаться надо… Перед дальней дорогой.

У б и й в о в к. С нею, королевой красоты?

Г о р е л о в. В Степновске есть и другие хорошие женщины.

У б и й в о в к. Шо? Да во всем Степновске нет больше такой красавицы и с такой важной ручкой!

Г о р е л о в. Она моя жена, Убийвовк!

У б и й в о в к *(ошеломленно)*. О це да!..

З а н а в е с

КАРТИНА СЕМНАДЦАТАЯ

Комната Анны Сергеевны. За столиком М а т ь и А н н а С е р г е е в н а. Из радиоприемника доносится негромкая музыка.

М а т ь. Алеша записку для вас передал… *(Хочет достать из сумочки.)*

А н н а С е р г е е в н а. Не беспокойтесь, он заезжал…

М а т ь. Никак раньше меня поспел! Как ваша доченька?

А н н а С е р г е е в н а. В детский санаторий путевку дали. Поправляется.

М а т ь. Значит, не повидаемся, не познакомимся, но и спешить ни к чему… Как встретились с Алешей-то?

А н н а С е р г е е в н а *(смущенно).* Вроде хо-

рошо.

М а т ь. Вот и я была такой же молодой, когда погиб мой Павел. Осталась с маленьким Алешей. Не искала другого мужа, хотела вырастить сына, но встретился мне человек, вроде хороший, и я решилась… Ничего из этого не получилось. Алешка невзлюбил, не принял сердцем отчима. Пришлось выбирать… Осталась одна с Алешкой…

А н н а С е р г е е в н а. Вы думаете, что и у нас… не получится из-за Наташи? Я знаю, какого человека встретили вы — Алеша рассказывал — а я настоящего… Наташа не то что привыкла — привязалась к Алеше. Если бы он был другим, я бы никогда, никогда…

М а т ь. Извините, Анна Сергеевна, если что не так сказала.

Музыка обрывается. Слышны позывные. Анна Сергеевна и Мать прильнули к приемнику.

Г о л о с д и к т о р а. Внимание, внимание! Работают все радиостанции Советского Союза. Передаем важное сообщение. На околоземную орбиту выведен корабль «Искра», пилотируемый летчиком-космонавтом подполковником Владимиром Петровичем Быстровым и инженером-исследователем Андреем Александровичем

Северцевым. Все системы «Искры» работают нормально.

Музыка.

М а т ь. Значит, не он? Не Алеша?

З а н а в е с

КАРТИНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Пункт управления космическим полетом. Большой телеэкран, на стене схема полета, на столе телефоны, коммутатор, динамик. О л е г Д а н и л о в и ч сидит, углубившись в расчеты. В стороне Р а к и т и н и М а р и н а.

М а р и н а. Ничего не могу понять! Так хорошо все началось, и вдруг... *(Включает магнитофон.)*

Слышится искаженный помехами голос Горелова.

Г о л о с Г о р е л о в а. «Голубая», «Голубая»! Я — «Заря». Докладываю. На втором витке подошли к «Искре» на расчетное расстояние. Установлена связь с Быстровым. У него настроение бодрое. У нас также. Все идет аккуратненько, на обзорном экране вижу «Искру». До нее остается пятьсот метров... триста... двести.... сто... Включаю тормо-

жение. Тарасенко, выпускай автоматы, начинаем стыковку…

Голос Быстрова. Алексей, давай чуть повыше… Еще немного… Нормально. Выпускай штанги!

Голос Горелова. Не спеши, Володя, спокойненько…

Голос Быстрова. Штанги зашли. Мы идем вместе…

Голос Горелова. «Голубая», докладываю. «Заря» произвела стыковку с «Искрой», открываем шлюз для перехода. Быстров в честь удачной стыковки обещает устроить праздничный обед. Полный порядок!

Марина *(выключив магнитофон).* Так они докладывали в первый день полета… Бодрые, уверенные голоса… А вот что они говорили на третьи сутки. *(Включает магнитофон.)*

Голос Горелова. «Голубая»! Я Горелов. Взяли на борт «Зари» Северцева. На «Искре» остался Быстров. Начинаем далекий маршрут. Полны решимости выполнить его до конца. Пожелайте нам счастливого пути, земляне! Прием!

Олег Данилович *(выключив звук).* И на десятые сутки все было в порядке, они не теряли бодрости духа. *(Дает звук.)*

Голос Горелова. «Голубая», «Голубая»! Мы прошли четыре пятых маршрута. Барометрическое давление и температура в кабине нормальные. Никаких признаков метеоритной опасности. У Тарасенко временно пропал аппетит, но мы подкормили его витаминами, и все вошло в норму. Олег Данилович, члены экипажа шлют вам и всем землянам сердечный привет. Заверяем, что полны решимости до конца выполнить задание Родины. Вот Андрей Северцев хочет для вас спеть нашу космическую застольную…

Голос Северцева.

Пусть, может, любовь, как тревога,
Плеснет в меня горстью огня,
А может, и властно и строго
Дорога закружит меня.
Тогда вы мне вслед посмотрите,
Уймите ненужную грусть,
Тогда вы меня подождите —
Я к вам непременно вернусь…

Олег Данилович. На этом связь прервалась… Корабль удаляется и молчит… Что же могло произойти? Живы ли? И ничего не знаешь о судьбе этих дерзких ребят!

Р а к и т и н. Олег Данилович, то, что уже сделано, потрясло весь мир…

О л е г Д а н и л о в и ч *(прерывая).* Черта с два! Я окажусь всего-навсего жалким, беспомощным стариком, к тому же и бездарным, если не верну их на Землю живыми, понимаете, Ракитин, живыми!

М а р и н а. Папа…

Р а к и т и н. Не надо, Марина…

О л е г Д а н и л о в и ч *(вскакивает, прохаживается).* Может, разгерметизация, в скафандрах нарушена атмосферная среда? Столкновение с каким-нибудь заблудившимся метеоритом? Кто сможет заглянуть в эту черную бездну и как все разгадать?..

М а р и н а. Отец, ты не спишь уже двое суток. Надо отдохнуть… Я тебе как врач приказываю!

О л е г Д а н и л о в и ч. Приберегi советы для других, Марина.

Р а к и т и н *(строго).* Олег Данилович, вы не должны забывать, что ваша жизнь принадлежит не только вам…

О л е г Д а н и л о в и ч *(прерывая).* Оставьте, генерал, эти лозунги!

Р а к и т и н. Нет, это не лозунги…

О л е г Д а н и л о в и ч *(Марине).* Соедини с на-

чальником связи по прямому.

М а р и н а. Алло! Семьдесят четвертый? Олег Данилович просит Сергея Сергеевича.

О л е г Д а н и л о в и ч. Да не просит, а требует!

М а р и н а. Что, что? Только через пять минут?

О л е г Д а н и л о в и ч. Нечего сказать! *(В микрофон.)* Неужели начальнику связи нужно пять минут, чтобы подойти к микрофону? Кто здесь, в конце концов, командует? Немедленно разыскать и доложить!

М а р и н а. Отец, он, наверное, занят чем-то важным…

О л е г Д а н и л о в и ч. Занят, занят… Конечно, занят. Я его сейчас так окликну за эти пять минут… За эти пять минут ребята уходят от Земли на три тысячи тридцать километров. А у нас с ними нет связи!

Загораются сигнальные огни. Изредка доносится искаженный помехами голос Горелова.

Г о л о с Г о р е л о в а. «Голубая», «Голубая»! Я — «Заря».

О л е г Д а н и л о в и ч. Что такое? За каким чертом, генерал, вы снова включили магнитофонную ленту?

М а р и н а. Это не лента! Связь!

Р а к и т и н. Их голоса! Олег Данилович, живые! Настоящие!

Г о л о с Г о р е л о в а. Я — «Заря». Заданная точка достигнута. Идем назад. «Голубая», слышите ли нас?

О л е г Д а н и л о в и ч *(в микрофон).* Почему молчали? Алешка…

Г о л о с Г о р е л о в а. Вышли из строя батареи питания, устраняли неисправность. Спасибо Мише Тарасенко — это бесценный инженер. Передайте нашим матерям, женам и детям — пусть за нас не волнуются. Ждите нас на Земле…

О л е г Д а н и л о в и ч *(в микрофон).* «Заря», «Заря»! Если вы не хотите, чтобы я отравился валидолом, выходите на связь через каждые четыре часа.

В динамике сквозь помехи прорывается голос.

Г о л о с с а к ц е н т о м. Алло, алло! Говорит Хьюстон, говорит Хьюстон. Дорогой мистер Горелов, вас и ваших коллег поздравляем с большим успехом! Ваш полет для всего мира очень хорошо. Очень хорошо! Вы нас слышите? Благополучно возвращайтесь! О’кей, коллеги. Большое спасибо!

О л е г Д а н и л о в и ч. Очень хорошо! Молод-

цы, ребята! Действительно о'кей!

З а т е м н е н и е

Из затемнения доносится голос диктора: «Внимание, внимание! Работают все радиостанции Советского Союза. Передаем важное сообщение. Космический корабль «Заря» с тремя космонавтами на борту успешно продолжает полет к Земле. Корабль пилотирует летчик-космонавт майор Алексей Павлович Горелов. На борту «Зари» космонавты-исследователи, инженеры Михаил Евсеевич Тарасенко и Андрей Александрович Северцев. За время полета корабль удалялся от Земли на расстояние шестьсот тысяч километров. Все бортовые системы «Зари» работают нормально. Самочувствие экипажа вполне удовлетворительное».

Дается свет. Из глубины сцены выходят Г о р е л о в, Т а р а с е н к о, С е в е р ц е в и Б ы с т р о в.

И вновь голос диктора: «Земля! Твои сыновья: Алексей Горелов (отдает честь, останавливается), Михаил Тарасенко (отдает честь, встает рядом с Гореловым), Андрей Северцев (отдает честь, встает рядом с Тарасенко) и Владимир Быстров (отдает честь, встает рядом с Северце-

вым) — возвратились из космоса!»

На сцену выходят все действующие лица, окружают космонавтов, и все вместе направляются на авансцену.

Занавес

В. Губарев
ОСОБЫЙ ПОЛЕТ
Пьеса в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Николай — командир космического корабля.

Валерий — бортинженер корабля.

Смолкин Яков — майор, дублер Николая.

Пресняков — начальник главка.

Пашин Василий Петрович — Главный конструктор.

Кремнев Константин Степанович — директор Центра управления.

Кудряшова Татьяна Михайловна — баллистик.

Лошаков Борис }

Зубов Виктор }

Вера } — журналисты.

Полуянов Юрий — телекомментатор.

Консультант при прессе.

Оксана — жена командира.

Космонавт, который погиб.
Оператор Центра управления.

ПРОЛОГ

Г р о м к а я с в я з ь. Пожалуйста, потише! Сразу после заседания Государственной комиссии — встреча экипажа с Главным конструктором.

Комната Главного конструктора на космодроме. По-домашнему уютно. Мягкие кресла, низкий столик. Портреты Циолковского, Королева, Гагарина. Горит настольная лампа. П а ш и н, ему за шестьдесят, но держится прямо, спортивен, приглашает Н и к о л а я и В а л е р и я войти.

П а ш и н. Вот здесь и поговорим. По-домашнему. Как принято. Не так ли, Николай?

Н и к о л а й *(оглядывается).* Ничего не изменилось, хоть и пять лет прошло…

П а ш и н. Ну что же, дорогие «Марсы», хочу еще раз вас поздравить. Так сказать, в неофициальной обстановке… Теперь уже вас никто снять с полета не может, никто… Поздравляю! Я очень рад.

Н и к о л а й. Только бы кирпич на голову не упал.

П а ш и н. Для вас насморк опаснее.

В а л е р и й. Было такое?

П а ш и н *(смеется).* К счастью, нет, но медики

уже давно запугали меня… Чай, кофе?

Н и к о л а й. Кофе, пожалуй. Три месяца — ни капли. Медики считают, что возбуждает.

П а ш и н. Ох уж эти медики. А знаете, я тоже мечтал туда. Одиннадцатого апреля это было. Поднялся к кораблю, вышел на площадку. Степь кругом, солнце огромное, мохнатое какое-то и тишина. Думаю, полететь бы. Честно говоря, в душе надеялся, что смогу. А утром Гагарин. После него это чувство пропало: словно сам побывал там… Давно это было, а когда Главным стал — снова хочу. Завидую вам, по-доброму завидую.

Н и к о л а й. Я уходил оба раза хорошо. Гладко. Как на тренажере.

П а ш и н. Ну, не совсем. Пульс около сотни был. При втором старте… Больше волновался?

Н и к о л а й. Просто знал, на что иду.

П а ш и н. Второй старт всегда труднее. *(Обнимает космонавтов.)* Надеюсь я на вас, ребята. Очень надеюсь… Прошу об одном: без риска. Спокойно, надежно и без риска.

В а л е р и й. Там же разобраться надо…

П а ш и н *(строго).* Поэтому и без риска. Уже восемь экспедиций провели. Гладко, как и планировали. И никто не упрекнул бы нас, что работу со станцией закончили. А жаль… Крутится. И

думаю, что еще нам послужит… В общем, уломал продолжить работу. Так что надеюсь на вас очень.

В а л е р и й. Значит, любой риск оправдан!

П а ш и н. Нет, дорогой, нет. Тот, что запланирован, достаточен.

Н и к о л а й. Думаю, что все будет нормально.

П а ш и н. Что-то ты с болгарским акцентом говоришь?

Н и к о л а й *(показывая на Валерия).* Он заразил…

В а л е р и й. В прошлом году отдыхал в Варне, оттуда и привез. По-болгарски как-то убедительнее получается.

П а ш и н. Ну, «нормально» так «нормально»… А я в отпуск предпочитаю по Сибири поездить. На Байкал, по Енисею, по Лене. Поверьте мне, старику, это лучше любого курорта, даже заграничного. Кстати, в прошлом году в Томске был. *(Николаю.)* Твой бюст видел, по-моему, неплохо. Самому-то нравится?

Н и к о л а й. Непривычно на себя со стороны смотреть.

В а л е р и й. О старушке расскажи…

П а ш и н. Какой старушке?

Н и к о л а й. Нелепый случай… Подхожу к

бюсту, смотрю. Впервые увидел — на открытие не смог, а точнее, не захотел поехать: не люблю такие мероприятия… Значит, стою, вдруг вижу — старушка букетик цветов положила и начинает молиться. Бормочет что-то, будто за упокой души. Ну и не выдержал. «Бабуля, — говорю, — живой я…» Она глянула и такого стрекача дала, что догнать не мог… Рассказал ребятам в отряде, вот они и подшучивают.

П а ш и н. Без шутки в любом деле, а в нашем особенно, обойтись трудно… Значит, договорились. Корабль и носитель в порядке. Корабль прошел все испытания без единого замечания… Так что счастливого вам старта и мягкой посадки! Если у вас просьб и пожеланий нет, тогда закончим нашу «тайную вечерю»… *(Встает, показывая, что разговор окончен.)*

Н и к о л а й *(смотрит на него пристально).* Если можно, еще пять минут…

П а ш и н *(удивленно).* Конечно.

Н и к о л а й. Почему вы хотели, чтобы я летел?

П а ш и н. Это коллективное решение.

Н и к о л а й. Знаю, что вы настаивали. «Агентура» работает…

П а ш и н. Интересно, что за агенты у тебя в комиссии? Уж не Кремнев ли? Странно… Да не

нужно тебе всего знать. Позади все. Летишь ты и, пожалуйста, побережись: без кирпичей и насморка.

Н и к о л а й. Мне нужно знать. Чтобы в полете об этом не думать.

В а л е р и й. У нас в отряде считали, что Смолкин пойдет.

П а ш и н *(Николаю).* Медики тоже возражали. Скачет у тебя давление — сорок семь все-таки, да и соль в позвонках — возраст.

В а л е р и й. Я опасался, что медкомиссию не пройдет.

П а ш и н. На пределе проскочил… Больше ведь не пропустят. Последний твой полет, Николай.

Н и к о л а й. Знаю. За него — спасибо.

П а ш и н. Я тебя благодарить должен. Я… За тот, твой первый полет… Помнишь?

Н и к о л а й. Конечно.

П а ш и н. И свои слова на комиссии?

Н и к о л а й. Я много тогда говорил лишнего.

П а ш и н. Не об этом. О первой седине?

Н и к о л а й. Вырвалось…

П а ш и н. И о трех минутах?

Н и к о л а й. Это же эмоции…

П а ш и н *(вспоминает).* «Я должен честно и откровенно сказать, что чувствовал во время

полета. О тех минутах, когда мне было плохо, — потому что после меня пойдут другие…»

Н и к о л а й. Но меня перебил Пресняков.

П а ш и н. Да, он сказал, что от экипажа не эмоции нужны, а факты.

Н и к о л а й. Он был прав, наверное.

П а ш и н. Тогда и мы так думали. На мелочи внимания не обращали. Описка в бортжурнале пустяком считалась. Пустяком…

Н и к о л а й. Она мне дорого обошлась… И все-таки вы не ответили.

П а ш и н. Считай, что прихоть Главного. Мол, не привык в долгу быть. Выплачивает. Даже космосом.

Н и к о л а й. Тем более непонятно.

П а ш и н. Ну раз настаиваешь… *(Пауза.)* Верил, что полетишь?

Н и к о л а й. Уже точку поставил. Давно.

П а ш и н. Ты не вини других. Суеверные мы. А ты гладко не летал. Невезучим, что ли, уродился?.. Но ни разу не дрогнул… *(Расхаживает по комнате.)* Разбрасываемся мы очень, Николай. И техникой, и людьми. Два полета у тебя. Трудных. И даже очень. Такого опыта у других нет. Так что же, из-за каких-то позвонков списывать тебя?.. Отдай ему *(кивает на Валерия)* вначале,

что приобрел сам… Теперь космос другой. Он привередливым стал, мыслителей требует. Мыслителей… Сергея Павловича Королева это слова… Космос не для суперменов — для людей. Это уже мое… *(Смеется.)*

Н и к о л а й. Значит, я из будущих инвалидов-космонавтов, как говорит моя жена?

П а ш и н *(хмурится).* Шутка неудачная…

Н и к о л а й. Извините.

П а ш и н. А жена против?

Н и к о л а й. Нервничает. Как обычно.

В луче света возникает О к с а н а.

О к с а н а. Как обычно? Пятнадцать лет — и как обычно? Бывает предел всему… Я больше не могу.

Н и к о л а й *(Оксане).* Это в последний раз.

О к с а н а. И первый полет мог быть последним.

Н и к о л а й. Зачем ты так?

О к с а н а. Помнишь — с дачи переезжали? Чемодан поднял, еле разогнулся… И профессор сказал: «С позвонками не шути…» И во сне стонешь…

Н и к о л а й. Медкомиссию прошел, — значит, здоров.

О к с а н а. А зачем звезды на комиссию надел? Они ведь люди — подействовало…

Н и к о л а й. У нас медики строгие. На чины и звания не смотрят. Пропустили, — значит, здоров.

О к с а н а. Мы ведь не на комиссии!.. Не пущу. Хватит. К Главному пойду, он поймет.

Н и к о л а й. Хоть к господу богу! *(Пауза.)* Но я тебе этого не прощу… До последнего дня, никогда! И дети тоже. Понимаешь ты это?

О к с а н а. А если ты не вернешься, они мне простят?.. *(Уходит.)*

Н и к о л а й *(Пашину).* А может быть, все-таки Смолкин? Он ведь моложе…

П а ш и н. Ты идешь потому, что там *(показывает вверх)* все может произойти. Я спокоен. А Смолкин действительно моложе. Но он пойдет в следующий раз…

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Центр управления полетом. Большой экран, на котором в данный момент стартовый комплекс с ракетой. Позже на нем будут появляться другие изображения — запуск ракеты, пейзажи Земли из космоса.

Две площадки. Слева комната для прессы, справа — для руководства полетом. Несколько телефонов для связи. На переднем плане — кресла для космонавтов. Высвечиваются Николай и Валерий.

Николай. Очень сильный ветер. Пришлось закрыть гермошлем, потому что песок и пыль слепили глаза и поскрипывали на зубах. Ракету раскачивает, и воет ветер. Зло, остервенело… Неужели я действительно из невезучих?.. Никогда не было такого ветра. На пределе… Могут отменить, и тогда…

Валерий. Четыре раза был на Байконуре, однажды дублером, а еще раньше — зрителем. Никогда не было такого ветра. *(Николаю.)* Могут отменить?

Николай. Однажды пять минут осталось

до пуска, и сбросили схему… Пуск состоялся на следующий день.

В а л е р и й. Тоже ветер?

Н и к о л а й. Нет, какая-то команда не прошла. Но главное, конечно, число. Мы — народ суеверный.

В а л е р и й. Теперь и в понедельник, и тринадцатого пускают…

Н и к о л а й. Так то́ теперь. При Королеве — никогда. А сейчас баллистика, ее не обойдешь… Качает сильно. «Земля», я — «Марс», как дата?

Г о л о с О п е р а т о р а. Пока по графику. А у вас как?

Н и к о л а й. Порядок. Ждем.

Г о л о с О п е р а т о р а. Готовность — час. Вам не скучно?

Н и к о л а й. Музыку дайте. Только веселую. Никитиных, например.

Включается песня «Купите мне гитару…».

Г о л о с О п е р а т о р а. Нравится?

Н и к о л а й. Очень. Вызывайте, если что…

Высвечиваются П р е с н я к о в и П а ш и н.

П р е с н я к о в. Где Главный?

П а ш и н. Ветер?

П р е с н я к о в. На пределе. В момент старта может завалиться…

П а ш и н. Должна устоять. По расчету, запас большой…

П р е с н я к о в *(недовольно).* Расчеты, расчеты… А упадет она реально.

П а ш и н. Следующий пуск возможен только через неделю…

П р е с н я к о в. Знаю. Беру грех на душу. *(Громко.)* Пойдем дальше!

Н и к о л а й *(Валерию).* Слышал, что сказал Пресняков?

В а л е р и й. Я не понял.

Н и к о л а й. По внутренней связи его запрашивали, он ответил: «Пойдем дальше!»

В а л е р и й. Рискуют?

Н и к о л а й *(смотрит на Валерия пристально).* Не очень… Но если ветер усилится, они отменят пуск. Вот стартовики и запрашивают Преснякова, продолжать работы или нет. «Пойдем дальше!» — значит, нам с тобой до старта двадцать минут.

В а л е р и й. Все-таки сейчас иначе, чем на тренажере. Иначе.

Н и к о л а й. Все будет иначе, Валера. Все… Запомни это.

В а л е р и й. Хотя и третий раз?

Н и к о л а й. К стартам не привыкнешь. Триста раз прыгал с парашютом, а подходишь к люку, взглянешь вниз — земля далеко, поджилки трясутся, ну и вниз головой…

В а л е р и й. Сейчас вверх.

Н и к о л а й. Это так кажется. А по сути — вниз… Да, я тебя вот о чем попросить хочу. Не кричи, пожалуйста, после подъема «Поехали!», ладно?

В а л е р и й. Хорошо.

Н и к о л а й. Гагарин анекдот любил рассказывать. Про ракету и воробья. Слышал?

В а л е р и й. Нет.

Н и к о л а й. Выруби связь, пусть работают… Так вот. Порхает воробей, а мимо несется ракета. Воробей спрашивает: «Ты куда так торопишься?» — «Посмотрела бы я на тебя, как бы ты порхал, если бы у тебя задница горела!» Что? Не нравится анекдот?

В а л е р и й. Не очень.

Н и к о л а й. Теперь все кулинарные анекдоты предпочитают. А этот — история уже, как и все, что связано с Гагариным. Ты скажи что-нибудь другое, а «Поехали!» — это гагаринское. И только его.

В а л е р и й. Я молчать буду.

Н и к о л а й. Нельзя. Не забывай, что по телеви-

дению крутить будут старт, да и найдутся такие, что подумают: молчит — значит, трусит.

В а л е р и й. Командир, теперь уже можно сказать… Что там самое *(подыскивает слово)* неприятное?

Н и к о л а й. Санузел… Совмещенный и в невесомости. И остальное… Скоро сам узнаешь. А теперь помолчим. Вспомним тех, кто не вернулся…

На сцене появляется К о с м о н а в т, к о т о р ы й п о г и б.

К о с м о н а в т. Четыре недели мы летали… Ноги там мерзнут… Никак не согреешь… Кровь до них не доходит… Словно в тапочках на снегу… Четыре недели мы летали, так и не отогрелся.

В а л е р и й. А потом?

К о с м о н а в т. Торопливый очень… Все узнать хочешь… А куда торопишься? Зачем этот космос? Холод и пустота… Сначала мечтаешь о космосе, о полете… А оттуда торопишься назад, на Землю… Но возвращаешься не всегда… И в корабль входят звезды, все разом… И холод и чернота космическая… *(Пауза.)* Хорошо, что у вас есть унты — тепло ногам будет. *(Уходит.)*

Г о л о с О п е р а т о р а. «Марсы», вы куда про-

пали? Перестаньте секретничать. На связь!

Николай. Слушаю.

Голос Оператора. Начинаем проверку к пуску. Раскройте шестую страницу бортжурнала.

Николай. А ветер?

Голос Оператора. Что ветер? Дует себе… У вас-то его нет.

Николай. Все-таки покачивает. Как в люльке… К пуску готовы! *(Смотрит на Валерия.)* Волнуется мой «Марс-два». Побледнел… *(Валерию.)* Поменьше эмоций, старина!

Валерий. Пока нормально.

Николай *(с улыбкой).* Это мы сейчас проверим. «Земля», я — «Марс»! Дайте пульс у «Марса-два».

Голос Оператора. Пульс девяносто шесть.

Николай *(Валерию).* А говоришь — «нормально»! Бери пример со старших… «Земля», дайте мой пульс.

Голос Оператора. Пульс сто восемь!

Николай *(растерянно).* Ого! Что-то не чувствую!

Валерий *(с улыбкой).* Что же странного, командир: ведь в космосе все иначе…

Затемнение

Высвечивается левая площадка. Телеоператоры выкатывают мониторы. Входят Л о ш а к о в и З у б о в.

Л о ш а к о в *(осматривается).* Так и знал. Опять рано приехал.

З у б о в. Всего несколько минут осталось.

Л о ш а к о в *(с иронией).* Начальства еще нет, — значит, рано. Запомни это. Свою профессию надо ценить.

З у б о в. Это конечно…

Л о ш а к о в. Нас, журналистов, намного меньше, чем космонавтов. Их уже больше ста… Так что теперь к нашему брату отношение иное.

Входит П о л у я н о в.

Бери пример с Полуянова. *(Полуянову.)* Привет, красавец! По-прежнему радуешь миллионы своей физиономией?

Обнимаются.

Не видел тебя с прошлой работы… Ничего, еще в форме.

П о л у я н о в. А ты, Боб, все раздаешься. Остановись. Скоро и не обхватишь.

Л о ш а к о в. Работа сидячая, старина. Ты на «Новости» сегодня?

П о л у я н о в. Три минуты. Как репортеришке какому-нибудь. Нет, не те масштабы, не те… Извини, Боб, мне для сюжетика надо человека найти. Может, Главного? А?

Рядом
с журналистами вырастает К о н с у л ь т а н т п р и п р е с с е.

К о н с у л ь т а н т. Не надо. Это неинтересно.

П о л у я н о в. Давай любого, раз помогать должен. Только имей в виду — на страну работаю. «Портрет» нужен со званием, понял?

Л о ш а к о в *(показывает на Консультанта).* А ты его возьми. Кандидат наук все-таки.

П о л у я н о в. Теперь только ленивые диссертации не защищают. Мне академика или Героя надо.

Г о л о с О п е р а т о р а. До старта — десять минут!

З у б о в. Наверное, им сейчас страшно…

Л о ш а к о в. Страх — понятие индивидуальное. Иногда даже за ручку со смешным ходит. Летают Иванченков и Коваленок уже месяца три в станции. Привыкли. Тишина и благодать. Володя на потолке что-то делает, а Саша с видеомагнитофоном возится. И вдруг в тишине кто-то: «Здорово,

отцы!» Саша так и замер, смотрит на Коваленка, а тот висит посреди станции — глаза от ужаса круглые. Представляешь, тишина — и «отцы»... Оказалось, Саша случайно видеоприемник включил, а там Сухов из «Белого солнца пустыни» со стариками общается... Иванченков рассказывал, что большего страха он не испытывал в полете, чем в тот день. А ведь сто сорок суток отлетал...

З у б о в. А почему ты об этом не написал?

Л о ш а к о в *(с улыбкой).* У нас космонавты стальные — им чувство страха неведомо. *(Снимает телефонную трубку, набирает номер.)* Это я... Докладываю: в магазин слетал, масла не было. Кашу сварил, Петьку покормил. Кажется, все по графику... Пылесос? Ты что-то перепутала, девочка. Пылесос по средам... Нет, сверхплановой работы не терплю. Думаю, управлюсь здесь быстро. Да, все как обычно... Не волнуйся, пропылесосю. Хотя и Машка могла бы — только по дискотекам и на свидания бегает... Не воспитываю? Опять старый разговор. Ну, хорошо, хорошо... *(Смотрит на трубку телефона.)* Бросила... Ну почему я не остался старым холостяком?!

Полуянов громко смеется, хлопает Лошакова по плечу.

З у б о в *(Лошакову).* Почему-то о Николае в любой книге, и в твоих тоже, всего несколько слов. Родился, учился, работал, пришел в отряд…

Л о ш а к о в. Он о себе говорит: мол, самый неизвестный космонавт. Всегда бортинженером летал. Это теперь командиром…

Пауза.

З у б о в. Для репортажа деталька нужна, необычная. Хобби, к примеру.

Л о ш а к о в. Кстати, не умеет отказывать. Редкая черта в наше время. Если просят приехать, выступить, обязательно приедет… Раз пять в Артек летал. Заметь: не в Париж, а в Артек. Одного этого факта достаточно, чтобы материал сделать. Дарю.

З у б о в. Спасибо. Это действительно интересно.

Появляются П а ш и н и К р е м н е в.

П о л у я н о в. Василий Петрович, дорогой, гибну. Только вы можете спасти… Всего две минуты для «Новостей».

П а ш и н. Это не по моей части…

К о н с у л ь т а н т. Не надо. Это неинтересно.

П а ш и н. Видите, ваш научный консультант

прав.

П о л у я н о в. Хочется показать зрителям, всему народу наше новое достижение достойно. Все его значение. В общем, подвиг ученых, конструкторов, рабочих. Ваше мнение весомо.

П а ш и н. Возьмите Кремнева. Ему по должности положено.

П о л у я н о в. Одно мгновение… *(В микрофон.)* Моторы… В сторону, пожалуйста… Из кадра… Вот так… Уважаемый товарищ Кремнев! Вы, как один из руководителей полета, расскажите, пожалуйста, нашим телезрителям о новом достижении отечественной космонавтики.

К р е м н е в *(привычно).* Новый эксперимент в космосе имеет очень важное значение. Мы стараемся по возможности продлить срок службы станции. В общем, обычный полет. Подобные эксперименты в космосе мы проводим регулярно… *(Полуянову.)* Достаточно? Передайте в эфир после пуска, если мы, конечно, уйдем со старта…

П о л у я н о в. Как обычно. Благодарю вас. Мы надеемся еще раз встретиться с вами в ходе полета. *(В микрофон.)* А теперь, дорогие телезрители, мы вновь переключаем наши камеры на стартовый комплекс.

П а ш и н. Их качает по-прежнему?

К р е м н е в. Да. Но в пределах допустимого. Пресняков нервничает…

П а ш и н. Естественно.

К р е м н е в. Странно. У него есть возможность все отменить. На законном основании. Мне кажется, он обижен на вас…

П а ш и н. Это не имеет значения. Сейчас он *(подыскивает слово)* обижен… только на ветер.

Г о л о с О п е р а т о р а. До старта — шесть минут! Подготовка к пуску идет по графику.

Входит К у д р я ш о в а.

К у д р я ш о в а *(Пашину).* Давненько тебя не видела, Василий. Здравствуй!

П а ш и н *(целует руку Кудряшовой).* Дела, дела, Татьяна Михайловна.

К у д р я ш о в а *(обнимает Пашина).* Рада за тебя, Василий. Очень рада… Думаю, поеду сегодня, раз ты работаешь. Обычно по телефону командовала… На пенсию-то не отпускают. Так уж получается. *(Кремневу.)* И ты здесь, тихоня? Молчком, молчком — и в начальство… Да не обижайся на меня, я от чистого сердца. Мы ведь тоже молодыми были, когда командовать начинали. А в нашем деле свежая кровь нужна, молодая. Я в министерстве давно говорю: пустите на пенсию,

а на мое место другого поставьте — лучше будет. Или молодых уже нет?

П а ш и н. А нас списывать?

К у д р я ш о в а. Тебя еще ветром не сдувает?.. *(Кремневу.)* Как же ты свои автоматы бросил? На зарплату высокую польстился?

П а ш и н. Тут масштабы… И ответственность, конечно.

К р е м н е в. Я ее и там не боялся.

К у д р я ш о в а. Не ершись. Никто тебя не упрекает. Качает их?

К р е м н е в. Пока в пределах расчетного…

К у д р я ш о в а *(недовольно).* В пределах… А если орбиту плохую дадите? Моим баллистикам опять на ночь работы. И так без выходных…

П а ш и н. Вы уже привыкли, Татьяна Михайловна. Мне кажется, если бы вы жили «в пределах расчетного», то давно ушли бы на пенсию…

К у д р я ш о в а. Ох и хитрый ты, Василий! Значит, опять всю ночь заставишь работать?!

Г о л о с О п е р а т о р а. До старта — одна минута!

П а ш и н. Пойдем к себе. Не люблю смотреть на людях.

К у д р я ш о в а. Не волнуйся. Как обычно, немного удачи, и все…

Идут на правую площадку — в комнату для руководства полетом.

Голос Оператора. Старт!

Затемнение

Высвечивается комната прессы. В кресле развалился Лошаков. Здесь же Зубов и Полуянов.

Лошаков. Гладко пошла.

Полуянов. Привычно.

Лошаков. Ты уверен? Пресняков нервничал. Боялся, что сдует машинку в момент отрыва…

Полуянов. Техника надежная… А я и не заметил, что они нервничали. По-моему, ты преувеличиваешь.

Лошаков. Жаль, что расписать этот ветерок нельзя! Неплохой репортажик можно было бы дать.

Зубов. Почему нельзя?

Лошаков. Не принято. Нам обычно погода не мешает.

Зубов. Так и есть. Я за вариант репортажа с ветерком.

Лошаков. Благословляю… А ребята хорошо держатся.

П о л у я н о в. Пашин настоял на этом экипаже. Я Смолкина снимал две недели. Впустую отработал.

Л о ш а к о в. Опять не повезло парню. Но он еще молодой — налетается. И попишем о нем.

З у б о в. Не надоело еще?

Л о ш а к о в. Мне? Я к космосу прикован.

Вбегает В е р а.

В е р а. Ой, чуть не опоздала!

Л о ш а к о в. Смотря куда.

В е р а. На запуск космического корабля!

Л о ш а к о в. Ну, зачем же так официально, красавица… Тем более что сейчас как раз третья ступень работает. Хотя так и должно быть, ведь женщины специально созданы для того, чтобы ошибаться. Я — Борис. Этот красавец *(показывает на Полуянова)* зовет меня Бобом. Но мне не нравится.

П о л у я н о в. А на самом деле ему все равно.

Л о ш а к о в. Не спорю. *(Вере, с иронией.)* Так это вы весь Звездный переворошили? Говорят, экипаж к старту не успел подготовиться — с вами беседовали. Кстати, решение о допуске сюда представительниц прекрасного пола не одобряю!.. Ба, простите, женщина на корабле — это чепе. Те-

перь обязательно что-то произойдет. *(Смотрит на экран.)* Странно, летят еще, хотя вы и здесь.

В е р а. Кажется, вы уже начали ухаживать?

Л о ш а к о в. Заметно? *(Разглядывает Веру.)* Вы ошибаетесь, я женоненавистник.

П о л у я н о в. Он своей жены боится. Она у него ревнивая.

Л о ш а к о в. Не ревнивая, а строгая! Это все-таки разница, красавец.

З у б о в. Пожалуйста, потише. Не слышно переговоров с бортом.

В е р а. Я уже написала. Две недели в Звездном прожила. Неплохой материальчик получился. *(Лошакову.)* Не хуже, чем у вас.

Л о ш а к о в. Хуже, красавица. Хотя я еще и не писал. Но хуже. Николая я сто лет знаю.

В е р а. Какого Николая?

Л о ш а к о в. Того, что в космос полетел…

В е р а. Не может быть!

Л о ш а к о в. Почему? Здесь все может быть. Видишь, летят… Скоро и в космосе будут.

Все выходят в зал. Рядом С м о л к и н, К у д р я ш о в а и К р е м н е в.

В е р а. Ой, как красиво!

С м о л к и н. Если нормально, то действитель-

но красиво.

К у д р я ш о в а. Когда все подсчитано…

В е р а. Это невозможно подсчитать! Это же поэзия!

К у д р я ш о в а. Возможно, возможно… Я к поэтам, то есть баллистикам, пойду. Поздравлю. *(Уходит.)*

В е р а. Странная женщина.

К р е м н е в. Великая…

Л о ш а к о в *(подходит к ним).* Если о Татьяне Михайловне речь, то должен сказать — она одна, других на этой планете нет. Прекрасные носочки внукам вяжет… На каждом пуске по паре.

К р е м н е в. Нет у нее внуков. Три года назад погибли и дочь, и внуки в авиационной катастрофе. Одна она.

З а т е м н е н и е

Высвечивается правая площадка. П а ш и н снимает трубку телефона. Здесь же К р е м н е в и К у д р я ш о в а.

П а ш и н *(в телефонную трубку).* Да, да, ушли со старта, хотя ветер был на пределе… Рад, что наблюдали. Идем по графику. Обязательно передам. Большое спасибо за внимание. Спасибо. До свидания. *(Кремневу.)* Всей коллегией наблюда-

ли. Сделали перерыв специально. Привет всем, добрые пожелания… Пресняков выехал к ним. Что по плану?

К р е м н е в *(расстилает на столе график).* На четвертом витке коррекция. Проводит ее экипаж. Затем «Марсы» снимают скафандры и контролируют работу автоматики. На следующем витке подготовка ко сну… Запланирован небольшой концерт.

П а ш и н. Чтобы не скучали?

К р е м н е в. Психологи во время острой адаптации к невесомости рекомендуют развлечения.

П а ш и н. Передайте об этом прессе… Дальше?

К р е м н е в. Во время сна «Марсов» проверка автоматики.

К у д р я ш о в а. Развлечения… Забавно… Да, иные времена.

П а ш и н. О чем ты?

К у д р я ш о в а. О прошлом. Давно это было. Так давно, что кажется, никогда и не было. Ничего не поделаешь — время… Говорю с дивчиной, а она смотрит на меня и думает: «Откуда ископаемая старушенция выискалась?» Подозрительно так смотрит.

К р е м н е в. Она симпатичная.

К у д р я ш о в а. Да?!

К р е м н е в. Я к слову…

П а ш и н *(думает о своем).* Заставить себя волноваться не могу. Не могу… Надо бы, а не получается.

К р е м н е в. Привычка. Обычным делом стали старты. Как взлеты самолета.

К у д р я ш о в а. Ненужная привычка. *(Достает из сумки два клубка ниток, вязанье.)* Завидую я тебе, Василий, — не волнуешься. Сейчас наверняка уже и не вспомню, скольких провожала — десятка четыре, а то и пять… Пообъездили космос, пообъездили. А я всегда волнуюсь, словно все впервые…

П а ш и н. Устали все. Два года работы со станцией. Восемь экипажей. Люди забыли, как дети выглядят…

К у д р я ш о в а. А ты на работе отдыхай. Видишь, вот носочки вяжу. Очень успокаивает. Зимы холодные пошли… Двадцать петель — как раз отделение, сто восемьдесят — третья ступень работает. Проверено. Полезное с приятным.

К р е м н е в. А может, не надо здесь, Татьяна Михайловна? Неудобно как-то. Пресса рядом, телевидение… Что подумают?

К у д р я ш о в а. Старая уже, чтобы обращать внимание на то, что обо мне подумают. Тебе

надо. А мне уже нет… Я к популярности непривычная. Тогда каждый сантиметр в космосе прощупывали. И без телевидения… А сейчас шагаем размашисто.

Голос Оператора. Есть включение двигателя… Режим в норме. Двадцать секунд… Двадцать пять… *(Удивленно.)* Тридцать…

Кремнев. Что он делает?

Голос Оператора. Тридцать шесть… Есть выключение! Задержка шесть секунд.

Кремнев. Он что, с ума сошел?

Кудряшова. Совсем другая орбита.

Кремнев. Не может быть! *(Снимает телефонную трубку.)* Мне связь!.. Да, «Марсы», это я. Вы спите, что ли? Шесть секунд опоздания!.. Николай, так работать нельзя! Маневр придется повторить. На следующем витке. Сам буду на связи…

Голос Оператора. По данным телеметрии, экипаж выключил двигатель с опозданием на шесть секунд… Службам приготовиться к повтору маневра. Группе баллистиков дать новые расчеты…

Затемнение

Высвечиваются Николай и Валерий.

На центральном, большом экране — пейзажи Земли из космоса.

Н и к о л а й. Понял вас. На следующем витке. *(Валерию.)* Шесть секунд. Ты следил?

В а л е р и й. Мне показалось, что вовремя.

Н и к о л а й. Это все шутки невесомости. Спокойно… Успокаиваю себя? Секунда, ну две… Это простительно. А шесть?.. Много, Николай, очень много даже для новичка… *(Валерию.)* Шесть секунд нам простят. Понимают, где мы. Себе простить трудно.

В а л е р и й. Разберутся. Мы все делали по бортжурналу. Как положено.

Н и к о л а й. Если бы знать, как именно положено. Тогда и летать не надо…

В а л е р и й. Пашин расстроится.

Н и к о л а й. Не думай об этом. Помнишь, как со стороны казалось? До отряда?

В а л е р и й. Со стороны-то? Просто и красиво: поступил в отряд, взлетел — и герой! А когда попробуешь сам — хлеб этот тяжкий… Очень тяжкий… Я уже по четырем программам готовился. Полный цикл. Но дальше дублера не шел. А сколько ребят отчислили? Нас десятков пять было, а осталось трое. Двое еще ждут. Готовятся и ждут. Так что повезло.

Н и к о л а й. Когда погиб Володя, комиссий было много. Я в одной из них как ведущий инженер. Тогда-то и понял, что самим лететь надо… Королев это предвидел: он первую группу из инженеров создал. А многие сомневались: мол, зачем? Надо как в авиации: конструкторы самолеты создают, а летают испытатели. А он настоял. После Комарова я понял: космос не авиация. Технику не только изучать надо — чувствовать. Вернешься — поймешь это, если космонавтом останешься.

В а л е р и й. Пути назад нет.

Н и к о л а й. А мы с тобой пока плохо работаем. Шесть секунд — такое непростительно… Центр сейчас даст данные на новую коррекцию. Теперь у нас их на одну больше… Кажется, я успокаиваю себя. Ошибка, конечно, на моей совести. Как мальчишка обрадовался, что улетел. Надо собраться… Нет прошлого, нет — только коррекция. А потом стыковка со станцией. Коррекция и стыковка… А почему я все же так хотел улететь сюда?

Появляется К о с м о н а в т, к о т о р ы й п о г и б.

К о с м о н а в т. Чудак… Притягивает этот космос. Будто магнит… И душу в плен берет… А

может, иное? Красивая жизнь? Выступаешь, а тысячи людей на тебя с восхищением смотрят… Приятно?

Н и к о л а й. Не выступать люблю, а вечера с ребятами у костра. Как слушают!.. И каждому твоему слову верят, будто ты волшебник. И глаза горят… Это не звезды вокруг, а их глаза… А еще в города играешь: Москва — Актюбинск — Кострома — Акмолинск… Все гладко… А я — Курлык! И тут гам: «Нет такого города!» Но находится парнишка. «А вдруг, — говорит, — есть?..» Я люблю таких, кто сомневается…

К о с м о н а в т. Они пойдут за тобой, когда вырастут… Может быть, поэтому ты и полетел еще раз.

З а т е м н е н и е

Высвечивается
правая площадка. К у д р я ш о в а и П а ш и н.

К у д р я ш о в а. Еще одну коррекцию надо. Мои уже подсчитали: включим двигатель на двадцать секунд и снова выйдем на дорожку к станции.

П а ш и н. Телеметристы что-то мешкают… Шесть секунд? Многовато для Николая. Не мог он ошибиться. Не мог…

К у д р я ш о в а. На первом витке всегда трудно

работать. Опрокинутые они там, вот секунды и убежали.

П а ш и н. Но ведь у него не первый старт!

К у д р я ш о в а. Редко кто не ошибается.

П а ш и н. И все-таки в экипаже и станции уверен! Еще поработаем на ней.

К у д р я ш о в а. Кстати, я удивляюсь, что настаиваешь на продолжении. Программу выполнили, и достаточно. А ты — «еще можно». И сразу на самый верх. Смело.

П а ш и н. Так проще.

К у д р я ш о в а. Понимаю, но спотыкаться нельзя. Хоть и баба, а мужские характеры ценю. Почему на Николае настаивал? Не все ли равно?

П а ш и н. Тебя на пенсию не отпускают, а их, стариков, списывают: мол, пусть молодые летают. Ну а медикам только повод дай — найдут и соль в позвонках, и повышенное давление. А если бы тебе действительно на пенсию?

К у д р я ш о в а. Не пошла бы.

П а ш и н. Николай бит космосом, у него с ним свои счеты. Сейчас мне нужен на борту человек, за которого я был бы спокоен, как за себя.

К у д р я ш о в а. Как за себя?

П а ш и н. В нашем деле иначе нельзя. Ведь без «прокладок» идем. И корабль все испытания на

космодроме прошел без замечаний…

К у д р я ш о в а. Радоваться должен.

П а ш и н. Не привык, чтобы все гладко… Помнишь гагаринскую «крышку»?

К у д р я ш о в а. Еще бы! Эс Пэ тогда побледнел, услышав сообщение, что нет герметичности…

П а ш и н. А я подумал: ну, слава богу! Теперь все будет «нормально»! Поймали дефектик…

К у д р я ш о в а. Что это ты по-болгарски говорить начал?

П а ш и н. Это Валерий привез из Варны. Он там отдыхал перед полетом… Перед стартом вырубили они связь. Наверняка Николай ему анекдот рассказывал…

К у д р я ш о в а. О ракете и воробье?

П а ш и н. Конечно. А потом — о невесомости… У них свои традиции. И пусть еще виток адаптируются. Нам торопиться некуда. Но жаль, если Николай ошибся… Жаль… Шесть секунд — это много.

Входит К р е м н е в.

К р е м н е в. Не люблю перевыполнять планы!

К у д р я ш о в а. Осторожность твоя известна.

К р е м н е в. Это расчет. И только. Шесть секунд лишку — такое не просчитаешь… Не зря, значит,

«невезучим» его зовут.

Воцаряется тяжелое молчание. В нем можно ощутить явное неодобрение словам Кремнева.

К у д р я ш о в а. Суеверным ты что-то стал, Костя.

К р е м н е в. Здесь и в бога и в черта верить станешь. У меня вся программа дня насмарку. Месяц корпели, каждую секунду ловили, а зачем?

П а ш и н. Люди все-таки. И ошибаться могут… Хотя и не верится. На Николая это не похоже.

К р е м н е в. Вот именно. А космос не прощает ошибок. Ни больших ни малых. Без эмоций надо летать. Слишком дорого они, эти эмоции, обходятся. С автоматами проще.

П а ш и н. Людям надо летать… Не ради рекламы, конечно. Кстати, зачастую она вредит больше, чем помогает.

К р е м н е в. Когда на корабле человек, то мы заботимся о нем. Чтобы сохранить ему жизнь, вынуждены не приборы научные ставить, а регенераторы, чтобы он мог дышать и жить. Это на первых этапах его надо было пускать. Для истории, престижа. А сейчас в космосе автоматами все можно делать — надежно, точно и без эмоций. Так зачем же рисковать, если можно не

рисковать?

К у д р я ш о в а. Странный вопрос можно? В Дубне один физик выдвинул такую гипотезу: если две летящие со скоростью света частицы направить навстречу друг другу и столкнуть их лоб в лоб, то в точке встречи образуется новая галактика… Да, да, галактика — сотни миллионов звезд и миллиарды планет… Если бы у тебя появилась возможность поставить такой эксперимент, как бы поступил?

Пауза.

К р е м н е в. Странный вопрос.

К у д р я ш о в а. И все-таки: рискнул бы?

Пауза.

К р е м н е в. Пожалуй.

К у д р я ш о в а *(Пашину).* А ты?

П а ш и н. Обязательно. Но в другой галактике.

К у д р я ш о в а. Спасибо.

К р е м н е в. За что?

К у д р я ш о в а. За нашу галактику.

К р е м н е в. Я не силен в философии. Реальность предпочитаю. Те самые шесть секунд…

П а ш и н. Телеметрия нужна.

К р е м н е в. Она, по-моему, мало что прояснит.

Не хватает информации.

П а ш и н. В таком случае мы исправим орбиту на следующем витке. Торопиться не следует. А сейчас дай поговорить Оксане, жене Николая.

К р е м н е в. Это еще зачем?

П а ш и н. Она попросила. Я не мог отказать.

К р е м н е в. Странно. Психологи считают, что…

П а ш и н *(перебивая).* Я знаю инструкции! Под мою ответственность.

К р е м н е в. Пожалуйста. Я распоряжусь. *(Уходит.)*

З а т е м н е н и е

Высвечиваются Н и к о л а й и В а л е р и й.

Н и к о л а й. Как это началось? Обыденно, спокойно. Надо летать и нам, инженерам… И начали летать… Если бы меня спросили тогда, хочу ли я в космос, — сказал бы. «Нет!» И не солгал бы. Казалось, неинтересно… Все писали заявления, я тоже. Зачем быть белой вороной?.. «Невезучий»?! Как раз наоборот — первую медкомиссию легко проскочил, а потом отряд… И полетел сразу… Как на работу в КБ поехал. А потом уже не мог, будто наркоман… Странно… Неужели и у него *(смотрит на Валерия)* так же будет? Или совсем

иначе — тщеславие, жажда славы? *(Валерию.)* Пашин перенес коррекцию. Видно, баллистики или телеметристы не успели… Впрочем, не надо об этом. Разберутся на земле, тогда и потолкуем.

В а л е р и й. А я еще вверх ногами лечу.

Н и к о л а й. Пройдет. Я уже «перевернулся».

В а л е р и й. Голова пухнет… Прости, командир, но у тебя глаза красные. Налились… Смотреть страшно.

Н и к о л а й. На твоем месте я тоже на свидание не пошел бы. Разлюбит сразу… Посмотри в зеркало, там, на скафандре. Красив?

В а л е р и й. Что-то от носорога… *(Испуганно.)* У нас же телесеанс?!

Н и к о л а й. Отменят. Сейчас не до информации общественности. Поташнивает?

В а л е р и й. Желудок во рту… Наверное, скоро выворачивать будет.

Н и к о л а й. А у меня аппетит разыгрался — есть хочется. Сейчас бифштексик бы да с соляночкой… И огурчик свеженький, да…

В а л е р и й *(перебивает).* Не надо, командир!.. Гулко очень. Как в бочке. Скрежет какой-то… Ага, это двигатели ориентации подрабатывают…

Н и к о л а й. Бочка? Это неплохо. Новую мыслишку ребятам привезем… Не забудь — бочка!

Это точно… Сидим словно в бочке, по которой скребут все, кому не лень. А потом палками начнут бить…

В а л е р и й. Палками?

Н и к о л а й. Двигатель включится, почувствуешь.

В а л е р и й. Наверное, не заснуть… Земля-то какая! Действительно круглая… Глобус, раскрашенный гуашью… А почему песок голубой?

Н и к о л а й. Будет и желтым, и синим, и красным… Из-за освещения это. Она, верно, очень красивая, наша планета…

В а л е р и й. Ого, уже Антарктида!.. Маленькая планетка… Словно в ладонях у меня… Рассказывали о невесомости много, а ощущения совсем другие. Действительно, надо самому испытать.

Н и к о л а й. Один из ребят привел точное определение: мол, вечерком встреча с друзьями затянулась. Заснули. А утром глаза открываешь и видишь, что ковер на потолке. Вот тебе и невесомость…

В а л е р и й. А у меня и правда ноги наверху!

Н и к о л а й. Пожалуйста, поосторожней. Без резких движений, иначе за иллюминатором окажешься. И не забывай — здесь ни пола, ни потолка нет. Ничего нет… Только Земля внизу

да звезды, которые мерцать не умеют… Стоп! «Земля» вызывает: «Марсы», на связь!..» Ты? Оксана, ты?

Голос Оксаны. Коля, у меня всего минутка… Мы ждем вас, очень ждем… А то, что говорила, — глупая была… понимаешь, глупая! Не думай об этом, прошу тебя…

Николай. Ну что ты?! Я знаю, сгоряча… Не беспокойся: у нас тут как на курорте — тепло и уютно. Верно, Валерий?

Валерий. Правда хорошо! И красиво очень!

Голос Оксаны. Мы ждем вас. Любим и ждем!

Голос Оператора. «Марсы», как поняли?

Николай. Поняли «нормально». Любите и ждете…

Голос Оператора. В таком случае принимайте данные на повторную коррекцию.

Затемнение

Высвечивается комната прессы. Полуянов с Оператором играют в шашки. Здесь же Лошаков, Вера и Зубов.

Лошаков. Стартовики уже скидываются. Они свое дело сделали, и добротно. Теперь уже не их забота. *(Зубову.)* Кстати, старина, не забудь

их упомянуть. Публика благодарная — письмецо в газету черканет. На редколлегии обязательно зачитают, может, благодарность или премию хапнешь. У меня такое бывало. Но теперь уже не проходит…

В е р а *(Зубову).* Ты уже написал?

З у б о в. Нет. Пока еще ничего не видел. Разобраться надо, с людьми поговорить.

В е р а. А я заготовки сделала о старте…

Л о ш а к о в. И правильно. В первый раз я строк пятьсот накатал. Еще до поездки на Байконур. Так и прошло. Без правки. А теперь хоть какую-нибудь зацепочку найти надо, все мозги высохли… Жена как-то подсчитала: я сорок семь раз писал о старте.

З у б о в. А она читает?

Л о ш а к о в. Жена? *(С иронией.)* Да что ты… Она смотрит, большой материал или нет. Если большой, хвалит: гонорар приличный будет… Зачем читать-то?

В е р а. Мне жаль жену… Сорок раз — и всегда неповторимо?

Л о ш а к о в. Сорок семь… Всегда. А вашу иронию, сударыня, оценил. Отвечу завтра, когда прочитаю ваш репортажик. Будем квиты.

В е р а. Теперь, конечно. Не Смолкин полетел…

Л о ш а к о в. Главное — поточнее с биографией. Бывало, космонавтам лишних детей подкидывали. Им потом оправдываться приходилось.

З у б о в. Я другого варианта и не мыслю. А разве было бы приятно, если бы о тебе так?

Л о ш а к о в *(смеется).* Все зависит от количества детей... *(Снимает телефонную трубку.)* Это я... Ты почему трубку бросила?.. Я же сто раз говорил: рано ей на свидания бегать... Я? Лет до двадцати не знал, что это такое! Пятнадцать? Мать, как всегда, преувеличивает... А Маше об учебе думать надо... Поговорю. Приеду и поговорю... Пусть лучше пылесос, чем мальчики. Думаю, недолго... Активный участок уже отработали. Строчек сто сделаю, хватит... Ну не дают теперь больше!.. Все, работаю. Пока, у нас запарка...

Входят С м о л к и н и К о н с у л ь т а н т п р и п р е с с е.

С м о л к и н. Я в вашем распоряжении.

П о л у я н о в *(суетится).* Всего один простой вопрос... Одна минута... Мотор!.. Дорогой товарищ Смолкин! В эти волнующие минуты, когда «Марсы» на космической орбите, всем телезрителям очень важно знать, что они за люди, чем увлекаются, как готовились к своему полету? Для

каждого из нас они стали близкими и родными. Итак, что вы, дублер командира, думаете о них?

С м о л к и н. Им предстоит трудная работа: после стыковки со станцией перейти в нее и выяснить, может ли она работать в пилотируемом варианте.

П о л у я н о в. Наверное, как и все наши космонавты, свободное время проводят за книгой…

С м о л к и н. У них не будет свободного времени.

П о л у я н о в. Конечно же Пушкин, Толстой, Достоевский…

С м о л к и н. На первом этапе ничего необычного: включение двигателя и маневр на сближение. Схема отработана…

П о л у я н о в. И увлекаются фантастикой… Кто из космонавтов не зачитывался Жюль Верном или Циолковским! И их книги позвали в небо?

С м о л к и н. Это наша профессия.

П о л у я н о в. Спасибо. От всех наших телезрителей — а сегодня нас смотрят миллионы — позвольте сердечно поблагодарить за интересное интервью. И давайте пожелаем нашим «Марсам» успешного полета… *(В микрофон.)* По-моему, интересно получилось?.. Предложите для вечерних новостей. Неплохой сюжетик… Это некоторые

там считают, что здесь райская жизнь. Спасибо, старина… Я еще попробую кого-нибудь изловить. Дам знать… Адью! *(Подходит к Оператору.)* Как картинка была? Меня хорошо взял? С тобой одно удовольствие работать…

Л о ш а к о в *(Полуянову).* А ты кроме Пушкина и Толстого кого знаешь?

П о л у я н о в. Иронию оставь при себе. Я должен зрителя воспитывать. Понял?

З у б о в *(Смолкину).* У вас есть мечта?

С м о л к и н. У меня?.. Разговор об экипаже идет, а не обо мне…

З у б о в. И все-таки?

С м о л к и н. Не знаю.

З у б о в. А разве не космос?

С м о л к и н. Полет, конечно…

З у б о в *(раскрывает портфель).* Я захватил ряд книг… Перечитал их перед этой работой. Помните у Циолковского: «Сначала мысль, мечта, фантазия, а затем уже реальность»? Их и вас в космос зовет желание выразить себя? Так?

С м о л к и н. Пожалуй. Настоящий мужчина пытается выбрать для себя дело посложней и необычней. Разве не так?

З у б о в. А вам страшно там, в ракете?

С м о л к и н *(резко).* Я еще не летал!..

З у б о в. Я не вас имею в виду, а космонавта вообще… Николая, Валерия, всех…

С м о л к и н. Их и нужно спрашивать.

З у б о в. Мне хочется понять психологию человека, который…

Л о ш а к о в *(перебивает).* Вернемся к делу. *(Смолкину.)* Как оцениваешь то новое, что есть в полете?

К о н с у л ь т а н т. Лучше не надо. Это неинтересно…

Л о ш а к о в. Понял… Я знаю, что неинтересно. Но ты, Яков, пожалуйста, в пределах — буду печатать.

С м о л к и н. Можно сказать о сверхпрограмме: мол, мы стараемся повысить эффективность работы в космосе. И, конечно, удешевить программу. Миллионов на…

К о н с у л ь т а н т. Это не надо. Неинтересно…

Л о ш а к о в. Мне достаточно. Разовью… Тогда у меня еще один вопрос: что тебе не нравится?

С м о л к и н. Это уже удар ниже пояса, Борис.

Л о ш а к о в. У меня такая профессия. Жестокая.

С м о л к и н. Мне нужно было лететь. Самому…

Л о ш а к о в. А разве это от тебя зависело?

С м о л к и н. От каждого из нас что-то зависит…

И ошибки тоже.

Л о ш а к о в. Конечно.

С м о л к и н. Извини, я должен уйти.

Вера отходит в сторону вместе со Смолкиным.

З у б о в *(Лошакову).* Я не согласен. Жестоких профессий не бывает. Это относится к людям.

Л о ш а к о в. Иногда не нужно разрушать иллюзии.

З у б о в. Кстати, я прочел твою книгу. Понравилась.

Л о ш а к о в. Чем же?

З у б о в. Искренностью.

Л о ш а к о в. О любимых нельзя писать плохо.

З у б о в. Ты имеешь в виду космонавтов?

Л о ш а к о в. Ракеты, милый, ракеты и корабли. У них претензий к тексту не бывает…

В е р а *(Смолкину).* Одну минуту, Яша. Я не стала при всех спрашивать. Вы расстроены?

С м о л к и н. Это уже прошлое, зачем ворошить…

В е р а. Так надеялись…

С м о л к и н. Не впервые… На этот раз думал, что полечу. Уверен был. Даже показалось, что ослышался на комиссии, когда фамилию услы-

шал. Не свою, Николая… А потом понял, и сразу омертвело тут, внутри. Но сейчас все позади… Знаете, Вера, вы очень хорошо написали. Можно мне тот экземпляр на память?

В е р а. Конечно.

С м о л к и н. Жаль, напрасно работали. Вы уж извините.

В е р а. Я так надеялась, что вы…

С м о л к и н. А если когда-нибудь полечу, вы добавьте немного. Всего один абзац: мол, в их профессии часто приходится начинать сначала… часто…

Подходит О к с а н а.

Добрый день, Оксана! У них все хорошо. И ушли со старта гладко.

О к с а н а. Я знаю, Яша. Ты на него не сердись. Он в последний раз летает. Это как подарок ему… Хоть я и отговаривала.

С м о л к и н. Он крепкий парень. Без него космос уже не может…

О к с а н а. Вот я ему и говорила: пусть Яша. Ты ведь давно на стартовой стоишь, а туда никак не попадешь… А Коле угомониться пора, но он все как мальчишка. Да и врачи предупреждают: давление скачет, соль вот находят в суставах…

С м о л к и н. Космос от всех болезней лечит нашего брата. Главное — туда выбраться.

В е р а *(достает блокнот. Оксане).* А почему вы отговаривали?

С м о л к и н. Я к управленцам. Посмотрю, что они там придумали. А вы побеседуйте. Оксана. Счастливо тебе…

Смолкин уходит.

Я уеду сейчас. Здесь ведь женам нельзя.

В е р а. Почему?

О к с а н а. Разве вы не знаете?

В е р а. Я впервые.

О к с а н а. Я тоже. Не знаю, как решилась обратиться к Пашину. Николай потом сердиться будет. Не принято, чтобы жены в Центр приезжали. Им дома положено волноваться.

В е р а. Напрасно вы его отговаривали…

О к с а н а. Напрасно?.. Вы замужем?

В е р а. Была. Теперь свободна.

О к с а н а. А я не свободна… к счастью.

В е р а. Так что же, его при себе держать? Сейчас Николай на виду у всех, у всего мира…

О к с а н а. От вас муж ушел?

В е р а. Сама.

О к с а н а. Тогда вам не понять… После первого

полета я его неделями не видела. И дети тоже. Встречи, тренировки, выступления, поездки… Ночью проснешься — лежит, значит, жив-здоров… Утром я на работу — спит, а потом исчезает опять… Я его по телевидению чаще видела, чем дома.

В е р а. Но ведь почет, уважение… И вам тоже.

О к с а н а. Дома не герой нужен, а отец и муж. Чтобы не быть свободной… До свидания. *(Уходит.)*

З а т е м н е н и е

Высвечивается правая площадка, где все руководители полета.

К у д р я ш о в а. Мы готовы. Подсчитали…

К р е м н е в. Знаю. Жду телеметристов.

К у д р я ш о в а. Их торопить нельзя. Пашин, кажется, нервничает.

К р е м н е в. Напрасно. Радоваться надо, что со старта в такой ветер ушли.

К у д р я ш о в а. Это не его заслуга. Твердость Преснякова нужна, иначе бы остались на Земле.

П р е с н я к о в *(слышит последние слова Кудряшовой).* Это верно. А вы без начальства уже и работать не можете?

К у д р я ш о в а. Осиротели совсем. Непри-

вычно без начальства. Заждались. *(Достает вязанье.)*

П р е с н я к о в. Не льсти, Татьяна… А порядка побольше надо, чувствую. А то вы не шесть секунд, а сутки терять начнете. Разобрались?

К р е м н е в. Стараемся.

П р е с н я к о в. Побыстрее. И сразу мне.

К р е м н е в. Как всегда.

П р е с н я к о в. Экипаж успокойте. Разбираться после посадки будем. *(Идет к сидящему в одиночестве Пашину.)* Что психуешь? Раньше думать надо было. А то на самый верх. И ни слова! Хорош… Совсем зазнался. А оттуда приказ: работайте, товарищ Пашин прав!.. Вот так-то теперь поступают Главные…

П а ш и н. Как будто раньше было иначе… Пока ваши министерские частоколы пройдешь, жизни не хватит…

П р е с н я к о в. Ну конечно, законченные бюрократы мы! А у меня поджилки тряслись, когда их на старте качало. Думаю, сейчас устрою тебе — отменю пуск, пусть оправдывается… Ветер, стихия… имел право. И не упрекнут. А потом думаю: черт с тобой, «пойдем дальше», а то к самому господу богу апеллировать начнешь!

П а ш и н. Кто старое помянет…

П р е с н я к о в. Добился своего, а теперь «забудем». Нет, Василий Петрович, не прощу, что обошел… Говорил тебе: ставим точку, хватит. И министр говорил. Нет, по-своему… Подсчитал-таки экономию…

П а ш и н. Теперь космос на бухгалтерах держится…

Пауза.

П р е с н я к о в. Считаться не время… Я с коллегии. Сказали: как впервые, чтобы гладенько все. Понял? Годы отработали четко, сейчас малейший сбой — и вся программа коту под хвост. Весь эффект снимете, ясно?.. А это уже политика.

П а ш и н. Что это ты лекции читаешь?

П р е с н я к о в. Об ответственности момента напоминаю. Должность обязывает… В общем, представили к наградам. Ты от КБ список подготовь. Кого считаешь нужным, я поддержу.

П а ш и н. Спасибо. Но потом. Вместе с «Марсами».

П р е с н я к о в. За них не беспокойся.

П а ш и н. Пусть сработают. Меня эти шесть секунд волнуют. Не верится, что Николай мог оплошать.

П р е с н я к о в. Позже разбираться будем. А

сейчас от «а» до «я» программа должна пройти. Теперь поблажек не будет. Иные времена наступили.

П а ш и н. К сожалению, никак вам доказать этого не могу.

П р е с н я к о в. Опять за свое?

П а ш и н. Да не об этом я!.. Отношение к космонавтике пора менять. Не просто летать — жить и работать там… Собрал я у себя человек двадцать — физики, астрономы, даже лесники приехали. И забросали меня просьбами: дай то, снимки дай, спектры дай… А вы говорите: прекращай со станцией. Она еще послужит этим лесникам… Не очень, конечно, эффектно: летаем, чтобы за пожарами смотреть, — но нужно и это. В авиации есть пожарные, и нам они нужны.

П р е с н я к о в. Еще туристов начнешь возить.

П а ш и н. И туристов тоже! А почему нет? Помнишь, о чем Королев мечтал? Почту хотел возить на ракетах из Москвы во Владивосток…

П р е с н я к о в. Меня мало заботит, что через двадцать лет будет. Сегодняшний день прожить бы.

П а ш и н. Поэтому ты понять меня не можешь.

П р е с н я к о в. Да понимаю я! Но я и политик. И знаю, как наши неудачи аукаются. Годами за

них рассчитываемся — попрекают. И в глаза тычут… Космос по-прежнему остается политикой, дорогой Василий Петрович.

П а ш и н. Объяснять надо, что тяжело. Тогда поймут быстро.

Кремнев решительно направляется к переговорному устройству. Пресняков, Пашин и все присутствующие идут к экрану.

К р е м н е в *(берет микрофон).* «Марсы», начинаем. У вас как?

Высвечиваются Н и к о л а й и В а л е р и й.

Н и к о л а й. Нормально.

К р е м н е в. Прошла команда на включение двигателя… Три секунды работы…

Н и к о л а й. Режим прекращаю. Вибрация… Режим прекращаю!

К р е м н е в. «Марсы», в чем дело? Кто выключил двигатель?

Н и к о л а й. Мне показалось…

К р е м н е в. Эмоции оставьте при себе!.. Повторяем режим… Работает «Земля», не мешайте. Как поняли?

Н и к о л а й. Работаете вы… Понял.

П р е с н я к о в. Что с ним?

Пауза.
В луче света только Николай и Валерий.

В а л е р и й *(Николаю).* Действительно, словно палкой по бочке.

Н и к о л а й *(Валерию).* По-моему, сильно очень. И вибрация.

Общий свет.

К р е м н е в. Двигатель включен. Контролируйте…

Н и к о л а й. Постараюсь…

П р е с н я к о в. Странный голос у него…

К р е м н е в. «Марсы», что у вас?

Н и к о л а й. Сильная вибрация. И толчки… Я выключаю режим. Выключаю…

К р е м н е в. Вы себя плохо чувствуете?.. Почему выключили двигатель?

Н и к о л а й. Я выключил… я… Блок управления…

К р е м н е в. Повторяю режим. Не вмешивайтесь…

К Кремневу подбегает Пашин, вырывает микрофон.

П а ш и н. Николай, это я… Режим отменяется. Режим отменяю!.. Что вы наблюдали?

Н и к о л а й. Сильная вибрация… Мне кажется… Отказ…

П а ш и н. Стоп! Спокойно… Подождем телеметрию. А вы отдохните… Через тридцать секунд конец сеанса. Счастливого полета! До следующего витка…

Н и к о л а й. Понял: до следующего витка.

П р е с н я к о в. Что это с ним?

П а ш и н. Не с ним, а с двигателем.

П р е с н я к о в. Что? Это невозможно!

П а ш и н. Они уже не дойдут до станции…

З а т е м н е н и е

Высвечиваются Н и к о л а й и В а л е р и й.

Н и к о л а й. Я понял, что случилось. Да, они еще будут разбираться. Они выяснят… Но я уже знал… Я пришел в КБ Королева молодым специалистом. И начал как раз с двигателей. С их испытаний… Я видел десятки двигателей, видел, как они работают. Мы учили их работать…

В а л е р и й *(Николаю).* Что случилось?

Н и к о л а й *(Валерию).* Отказ… *(В зал.)* Я не мог ему сказать, что́ именно случилось. Пока… пока не разберется «Земля».

В а л е р и й. Голос странный… Что он скрывает?.. *(Николаю.)* Подождем следующего витка.

Кстати, о каких трех минутах говорил Главный при встрече?

Н и к о л а й. Были такие минуты… Долгий рассказ.

В а л е р и й. Ты, кажется, начинал с двигателей?

Н и к о л а й *(настороженно).* К тем минутам это не имеет отношения.

В а л е р и й. Я просто вспомнил, что Главный однажды сказал, что ракетный двигатель — это чудо.

Н и к о л а й *(раздумчиво).* Чудо? Конечно, чудо. Огонь сражается с металлом. Стенки нельзя сделать тонкими — прогорят, и толстыми нельзя — охлаждения не будет, снова авария… Вот и идет схватка огня и металла. На грани… Действительно, двигатель — это чудо. Но он ни разу не отказывал в космосе! Ни разу…

В а л е р и й. Я знаю.

Пауза.

Н и к о л а й *(в зал).* Мне кажется, Валерий понимал: если двигатель отказал, мы не сможем вернуться. Никогда не сможем…

Появляется К о с м о н а в т, к о т о р ы й п о г и б.

К о с м о н а в т. Земля… Материки, океаны… Леса, пустыни, поля, горы… Очень красивая наша Земля! И совсем рядом… Там, за иллюминатором… Всего четыреста километров… Всего полчаса до нее, если есть двигатель… А когда его нет, эта Земля так же далеко, как и Марс.

З а т е м н е н и е

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Высвечиваются Николай и Валерий.

Николай. Что заставило выключить двигатель? Я сделал это машинально, словно почувствовал опасность рядом. Совсем рядом. Нет, не струсил: я знаю, страх придет позже. *(Валерию.)* Ну, как дела?

Валерий. Обидно. У других гладко, а у нас так…

Николай. Это врут, что я невезучий. Не верь. Иначе другой был бы на моем месте, а я уже где-нибудь там. *(Показывает вверх.)* В тех полетах техника была новая, поэтому и неприятности выскакивали. После нас ее и доработали, летать начали спокойно.

Валерий. Стыковки не будет… И сразу полет получается неполноценный. Разве докажешь, что не по нашей вине?

Николай. Я — командир, ответственность на мне. А вторым полетом все докажешь… Ты извини, если что-то не так было, пока готовились. Извини.

Валерий. Ребята мне завидовали…

Появляется Космонавт, который погиб.

Космонавт *(Валерию).* Держись за него. Он успеет помочь. Самое страшное, когда опаздывают. Все торопятся — и опаздывают… В первом «Аполлоне» вспыхнул кислород. Пожар… И крик: «Помогите, ну помогите же!» Каких-нибудь полсотни метров до людей… Но никто не успел. Никто… Невозможно было успеть?.. Ерунда! Надо уметь успевать… *(Уходит.)*

Николай. А вот такие минуты не люблю… Что они там решат?

Валерий. Так долго тренировались, а сейчас делать нечего. Странно.

Николай. В нормальных полетах такого не бывает.

Валерий. На станцию теперь другой экипаж пойдет…

Николай. Пашину трудно будет добиться еще одного пуска. У него сложности начнутся. Некстати, ох как некстати!

Валерий. Ты снова будешь готовиться?

Николай. Нет. Хватит. После каждого полета говорил: полетал, хватит, а потом снова в Звездный. Тянет почему-то… И так всех ребят… Но теперь конец. У меня же отдел, а я там месяцами

не бываю. Теперь — точка.

В а л е р и й. А я?

Н и к о л а й. Командиром пойдешь. Только сдержись после посадки. Слава — она штука коварная. Не каждый выдюжит. У Гагарина учись. Он прожил так, словно славы-то у него не было… А вот если засосет, вырваться трудно. Года три-четыре пройдет, и уже ничего, кроме звания, не останется. Тебе самое трудное испытание предстоит.

В а л е р и й. Да и не вспомнят, что такой космонавт есть…

Н и к о л а й. Много, конечно, космонавтов теперь, не всех знают. После первого полета хотелось, чтобы на улице узнавали. Но нет, хожу, а никто и автографа не попросит. Обидно было…

Высвечивается К р е м н е в.

К р е м н е в *(в микрофон).* «Марсы», как слышите?

Н и к о л а й. Нормально.

К р е м н е в. Да перестань ты… Слушай, Николай, придется режим отменить.

Н и к о л а й. Знаем. Не до стыковки…

К р е м н е в *(настороженно).* Что имеешь в виду?

Н и к о л а й. Раз система управления барахлит…

К р е м н е в *(облегченно).* Пока мы разбираемся. Ждите… И отдыхайте, конечно.

Н и к о л а й. Понял… Но не забудьте — мы все-таки не на курорте.

К р е м н е в. Теперь по программе — сон!

Н и к о л а й. Это все, что ты хотел сказать?

К р е м н е в. Да. Спать.

Н и к о л а й. Значит, до часу дня?

К р е м н е в. Вот именно. До свидания. Счастливого полета. *(Уходит в затемнение.)*

Н и к о л а й. Спасибо. Счастливого так счастливого… Почему он не передал данные о двигателе? Неужели опасается за нас?

В а л е р и й *(Николаю).* Странно говорил Кремнев…

Н и к о л а й. Он четкий человек. И без эмоций. В нашем деле такие становятся незаменимыми… Спать! Приказ Земли не требует обсуждений… *(В зал.)* После разговора с Кремневым у меня уже не осталось сомнении, что прогорел двигатель, а система управления здесь ни при чем… Сказать ли об этом Валерию?

З а т е м н е н и е

Наступило утро следующего дня. Высвечивается правая площадка. П а ш и н, П р е с н я к о в, К р е м н е в и К у д р я ш о в а.

П р е с н я к о в. Все в сборе? Можно начинать. Докладывайте, товарищ Кремнев.

К р е м н е в. Судя по телеметрии, двигатель прогорел. Использовать его нельзя.

П р е с н я к о в. Нельзя?!

К р е м н е в. Проснется экипаж, будем решать.

П р е с н я к о в. Слышал о вашей самодеятельности! Какое вы имели право, не согласовав со мной, отправить экипаж спать?

К р е м н е в. Мы шли по программе. И считаю, что ее нарушать нельзя.

П р е с н я к о в. Вы уже показали свою пунктуальность, черт вас побери!.. Я хотел сам с ними поговорить…

К р е м н е в. Тогда вообще неясно было…

П а ш и н. Он прав. Зачем их волновать?

П р е с н я к о в. Почему вы отдали распоряжение о повторном включении двигателя?

К р е м н е в. У меня есть инструкция… И медлить было нельзя. Стыковка могла не пройти.

П р е с н я к о в. Это преступная халатность, товарищ Кремнев! Безответственность и преступление!

П а ш и н. Трудно было предвидеть…

П р е с н я к о в. Он в защитниках не нуждается! Допущена ошибка, серьезнейшая ошибка, товарищ Пашин! И за нее надо отвечать.

П а ш и н. Кто думал, что-то случилось с двигателем? Кремневу показалось, что ошибся экипаж. И он обязан был исправить их погрешность. Не впервые ведь…

П р е с н я к о в. Нет, дорогой Главный конструктор, впервые! В таком виде мы еще не выходили в космос. Вы хоть представляете, что происходит?.. Нет, всепрощения не будет!.. Я предложу комиссии освободить до конца полета товарища Кремнева!.. Есть возражения?

П а ш и н. Я против.

К р е м н е в. Я тоже против…

П р е с н я к о в. Что?!

К р е м н е в. Положение чрезвычайное, и, извините, товарищ Пресняков, я не могу вам подчиниться…

П р е с н я к о в. Это уж сверх всякого терпения!..

П а ш и н. Не горячись… *(Кремневу.)* Вызвали директора завода и главного инженера?

К р е м н е в. Сейчас должны прилететь… Их сразу сюда?

П р е с н я к о в. Пусть где-нибудь в зале посидят и посмотрят, что происходит...

З а т е м н е н и е

Высвечивается комната прессы. В е р а, З у б о в и Л о ш а к о в.

В е р а (крутит ручку приемника). Испортился, наверное. Только хрипит.

Л о ш а к о в. Наверное, по служебному каналу с медиками беседуют. *(Снимает телефонную трубку, набирает номер.)* Это я... Соскучился?.. Нет, напоминаю о своем существовании. У нас небольшая задержка, ничего страшного, но я пока должен быть здесь... Но я-то при чем?.. Это они наверху... Вернется Николай, я ему твое мнение сообщу... Нет, я не издеваюсь, пытаюсь вразумить, что кроме домашних дел есть у меня и работа... Заметки надо писать, а мозги уже высохли. В них только пылесос гудит. Это уже не юмор, а драма... Что?.. *(Кладет трубку.)* Неужели я когда-то был холостяком?!

З у б о в *(держит в руках книгу).* Вы только послушайте! Это Жюль Верн написал: «Народы древности почтили особым культом эту девственную богиню...»

Л о ш а к о в *(показывает на книгу).* Ты это все

нам читать будешь?..

З у б о в. Прекрасно сказано: «эту богиню»...

Л о ш а к о в. Но откуда же Жюль Верн нашу Верочку знал?!

В е р а. Мерси.

З у б о в. Это он о Луне пишет... «Если верить мифологии, немейский лев разгуливал по лунным долинам еще до появления своего на Земле, а поэт Азегианакс, цитируемый Плутархом, воспел в своих стихах полные неги очи, прелестный нос и пленительные уста лучезарной Селены». Эх, жаль, не к Луне летим...

Л о ш а к о в. Такую цитатку вставишь — обзавидуются. Ты на верном пути, коллега.

З у б о в. Это даже не о Луне, а о любви...

Л о ш а к о в. Верочка, у меня такое впечатление, что маэстро решил поразить вас... Коллега, не забывай, что газета ждет твой репортаж не о любви, а о космосе.

В е р а. А я уже написала. Правда, конца пока нет. Нужно что-то необычное. Они переходят в станцию и видят... видят...

Л о ш а к о в. Немейского льва, разгуливающего вместе с Плутархом и лучезарной Селеной по лунным долинам...

В е р а. Молодежь надо воспитывать, помогать

ей, а не иронизировать.

Л о ш а к о в. Для воспитания Маша, дочка, есть.

В е р а. И все-таки, может быть, посмотрите. Как классик.

Л о ш а к о в. Лесть растапливает сердца, но я, лучезарная, читаю только девятнадцатый век. *(Зубову.)* Помнишь, герой одного романа всю ночь писал стихи, а утром принес их в редакцию. Стихи оказались недурны…

З у б о в. Так у поэтов бывает…

Л о ш а к о в. Начинались они оригинально: «Я помню чудное мгновенье…» *(Вере.)* Западет какая-нибудь фраза, а потом выплывет в башке и еще подумаешь, что своя. А вы меня за плагиатора считать будете…

З у б о в. Вера, если я чем-то могу помочь вам…

Л о ш а к о в. Старина, сердечный порыв — это прекрасно, но у тебя нет еще ни строки. Напоминаю, машинка пока свободна. *(Вере.)* Читайте, Селена, вслух. Лучше со второго абзаца, первый редакторы всегда сокращают…

В е р а. Ну, так же трудно понять…

Л о ш а к о в. Почему? Ведь начало звучит приблизительно так: «Я с волнением слежу, как готовится к старту ракета. Она красива той непе-

редаваемой красотой, которая заставляет так волноваться каждого, кто следит за ее стартом, потому что на ее острие бьются человеческие сердца…» Что-то в этом духе, не так ли?

В е р а *(удивленно).* Почти… Вы… вы видели, что я писала?

Л о ш а к о в. Лучезарная! Как я уже вам сообщал — сорок семь репортажей о старте. Так я сочинял в первом или во втором… Главное, красиво и, поверьте, абсолютно точно!

В е р а. Дальше я рассказываю о переходе в станцию…

Л о ш а к о в. Люк открывается, экипаж корабля вплывает в свой космический дом, где им предстоит жить и работать…

В е р а. Не надо! Вы читали…

Л о ш а к о в. Я же предупреждал, читаю только девятнадцатый век. Это надежно и неповторимо.

В е р а. Вы ужасный человек!

Л о ш а к о в. Почему же? *(С иронией.)* Я просто классик…

З а т е м н е н и е

Высвечивается правая площадка, где в с е р у к о в о д и т е л и п о л е т а. Входит К о н с у л ь т а н т п р и п р е с с е. Передает ли-

сток Кремневу, Тот мельком смотрит на него и кладет на стол перед Пресняковым.

К р е м н е в. Они уже начали работать…

П р е с н я к о в *(читает).* «Корреспондент агентства ЮПИ передает из Хьюстона, что в осведомленных кругах НАСА ему сообщили о неполадках на борту русского корабля, запущенного вчера». Вот, пожалуйста, чего стоит ваше спокойствие! И спать их уложили!..

П а ш и н. Ждать — это не значит… *(Кудряшовой.)* У вас что?

К у д р я ш о в а. Плохо. Если двигатель не включится, мы бессильны. Включится и не взорвется…

П р е с н я к о в. Это ясно.

К у д р я ш о в а. Вам, наверное, да, а мне не совсем… Понятно, что двигатель нормально не сможет работать. Для схода с орбиты нужно сто восемьдесят семь секунд. Тогда они вернутся.

П а ш и н. Дай бог… Дальше…

К у д р я ш о в а. Они могут перейти на неуправляемый спуск. Если меньше ста восьмидесяти семи, то на четырех витках обязательно войдут в атмосферу, но где сядут — неизвестно.

П р е с н я к о в. Вы хотите сказать…

К у д р я ш о в а *(перебивает).* Да, рассчитать

район посадки невозможно. Они могут сесть в Австралии и в Ледовитом океане, в тайге и в джунглях… Гарантирую только одно: если так случится, баллистики постараются все-таки дать район посадки с точностью до тысячи километров.

П р е с н я к о в. А поточнее?

К у д р я ш о в а. И тысяча километров — на это неспособны все вычислительные машины! Только благодаря нашему опыту…

П а ш и н. Спасибо… Надо подготовить обращение к правительствам и народам всех стран, чтобы помогли в поисках космонавтов. Уверен, все откликнутся…

К у д р я ш о в а. Без сомнения. Но при всех вариантах работает экипаж… Ручная ориентация. И беречь топливо всеми силами. Не знаю, справятся ли. Контроль каждой команды, каждой… И цена этому — жизнь…

П р е с н я к о в. Если включится…

К у д р я ш о в а. Мы обязаны рассчитывать на это. Если «нет», мы бессильны.

К р е м н е в. А вы, оказывается, жестоки…

К у д р я ш о в а. Профессия такая. Точная. В математике иначе нельзя… Если белое, то надо говорить «белое», черное — «черное». *(Пресняко-*

ву.) А насчет Кремнева скажу тебе одно: плох тот начальник, который в своих силах не уверен.

П а ш и н *(задумчиво).* Мне надо с ними поговорить.

К у д р я ш о в а. Честно и открыто. Иначе нельзя.

П р е с н я к о в. Какое решение примем?

П а ш и н. Мы пока никаких решений принимать не имеем права.

З а т е м н е н и е

Высвечиваются Н и к о л а й и В а л е р и й.

Н и к о л а й. Я уснуть не мог… Впрочем, заглядываю в бытовой отсек, а Валерий там сальто крутит. Мальчишка…

В а л е р и й. А мне интересно. Необычное это ощущение — невесомость. Паришь в корабле словно птица. Легко, весело… Может быть, именно в эти минуты я понял, что такое «заболеть космосом». Видел тысячи снимков, десятки фильмов — казалось, представляю космос и Землю. А они совсем другие. Совсем… Земля никогда не повторяется, даже когда летишь над тем же самым местом, что и полтора часа назад… Камчатка вся в белых шапках вулканов. Они как аксакалы… Я никогда там не был. Но если вернусь отсюда,

в первый же отпуск на Камчатку!.. *(Николаю.)* Сюда, командир! Летим над Болгарией, сейчас к Крыму подойдем — он словно голова какого-то животного, фантастического, конечно…

Н и к о л а й *(Валерию).* Спать! Приказы Земли надо выполнять. В нашем деле это главное условие…

В а л е р и й. Я забрался в мешок и закрыл глаза. Вспомнилось детство. Мама… Волнуется сейчас, мы наверху летаем… Долго можем летать… Неужели командир не понял еще? Ведь так спокоен… Лежу с закрытыми глазами, молчу…

Н и к о л а й. Где же я читал?.. А, у американцев. «В плену орбиты» роман называется. Космонавт не может вернуться, и тогда русский корабль приходит на помощь. Смешно… Какой корабль может прийти?! Его месяц к старту надо готовить, да и как найдешь нас, если через двое, ну максимум трое суток нас не будет… Двигатель надо использовать на полную катушку. Поближе к Земле. Поближе… Лишь бы войти в атмосферу, а там хоть в океан, в пустыню, в джунгли — к крокодилам… Лишь бы на Земле… Помнишь, Николай, свой первый полет?.. Тогда тоже… Прилипли к станции, а отойти не можем. Приклеились… Вырвал все-таки корабль Володя, а

садиться пришлось ночью. Но тогда было ясно, что вернемся, раз уж вырвались… «В плену орбиты». Красиво… Неужели они не догадываются, что я понял?.. Пусть так думают… На ушах теперь стоят: как посадить. Пашина жаль. И Оксану. Глупо… Действительно невезучий…

Появляется К о с м о н а в т, к о т о р ы й п о г и б.

К о с м о н а в т. А я как раз из везучих! Лотерейный билет купил — и стиральную машину сразу выиграл. Думаю, случайность… Снова купил — ковер… С тех пор близко к киоскам не подходил: боялся пристраститься… И в полете везло: «бобы» один за другим появлялись. То батарея не открылась, то датчики отказали, а я справлялся… У другого бы ничего не получилось, а я все дефекты исправил. Вот только при посадке парашют не раскрылся… Невезучим был конструктор, его беда мою везучесть перекрыла…

З а т е м н е н и е

Высвечивается правая площадка. К р е м н е в, К у д р я ш о в а, П р е с н я к о в и П а ш и н.

К р е м н е в. Есть еще один вариант. Необычный. А суть вот в чем: Смолкин высказал идею…

Кудряшова со своими баллистиками подсчитала — получается.

К у д р я ш о в а. Как будто получается.

К р е м н е в. Этот вариант позволяет, с одной стороны, выполнить программу, а с другой — в некоторой степени обезопасить, спасти экипаж.

П р е с н я к о в. Так чего же вы тянете?

К р е м н е в. Но сомнения остаются. И сложности.

П а ш и н *(задумчиво).* Навести станцию…

К р е м н е в. Вы знаете?

П а ш и н. Размышлял…

П р е с н я к о в. Ничего не понимаю! Вы можете четко и ясно доложить?!

К р е м н е в. Мы маневрируем станцией, подводим ее к кораблю, осуществляем стыковку…

К у д р я ш о в а. Если не появятся новые неожиданности.

К р е м н е в. …Осуществляем стыковку, и экипаж в станции, как в убежище. Там ждет нового корабля.

П р е с н я к о в. Наземные испытания его только начались…

К р е м н е в. Надо их форсировать!

П а ш и н. Реально запуск возможен только через месяц-полтора.

К р е м н е в. В экстренных случаях можно уложиться и недели за три.

П а ш и н. Но там стоит такой же двигатель… Теперь мы на нем летать не имеем права.

К р е м н е в. Десятки раз летали, еще один раз можно.

П а ш и н. Нельзя. Мы должны выяснить, что произошло… А по-прежнему — нельзя.

К р е м н е в. Это правило. Сейчас же — исключение.

К у д р я ш о в а *(задумчиво).* Это то же самое, что по жердочке перейти над пропастью. Можно пройти, можно и упасть.

П р е с н я к о в. Это шанс!.. Смолкин? Молодец!.. И по сути программа будет выполняться!.. Нет, мне нравится: даже в исключительных обстоятельствах мы продолжим работу. Звучит!

П а ш и н. Авантюризм!

П р е с н я к о в *(взрываясь).* А требовать нового полета? А Николая посылать? А на самый верх сразу? Как это называется?

К р е м н е в *(Пашину).* Вы же сами хотели эксплуатировать станцию…

П а ш и н. И хочу… Риск… Мы идем на него. Другого не остается. При каждом старте… Рассчитываем этот риск. Обязаны это делать… Месяц

ждать тем, в космосе, — риск?

К р е м н е в. Конечно.

П а ш и н. Есть закон: у экипажа должен быть корабль для возвращения на Землю. Мало ли что случится со станцией. А у них нет корабля… Не сомневаюсь, Николай и Валерий выдержат этот месяц, хотя и нелегко каждый день ждать, что именно сегодня может случиться самое страшное. Сегодня… И так день за днем…

П р е с н я к о в. К этому их готовили.

П а ш и н. Но нам тоже остается только ждать. Нам и всем. Люди будут вставать утром и спрашивать: «А как у них?» Потом целый день думать о них… День за днем…

К р е м н е в. Может быть, поймут тогда, что такое космос.

П а ш и н. Дорогая цена, слишком дорогая… Я бы сказал — авантюризм… Переход в станцию, и вы это прекрасно понимаете, лишь отсрочка нашего решения. Это та же авария, только растянутая на месяц… Мы боимся сегодня, сейчас принять решение: а вдруг завтра что-то изменится? Но вы прекрасно знаете — не изменится! Мы не знаем главного: почему вышел из строя двигатель. Значит, и новый корабль не имеем права пускать!

К у д р я ш о в а. Тебе все ясно?

П а ш и н. Нет, к сожалению. Я не знаю, что думают «Марсы»…

К у д р я ш о в а. Смолкин в зале управления. У него голова хорошая.

К р е м н е в. Сейчас позову. *(Выходит.)*

П р е с н я к о в. Что людям-то скажем?

К у д р я ш о в а. Правду. Она в объяснениях не нуждается. Когда лжи много, трудно понять, где именно правда. И рождается равнодушие…

Входят К р е м н е в и С м о л к и н.

П а ш и н *(Смолкину).* Мы вашу идею разбираем. Неплохо придумано.

С м о л к и н. Журналист надоумил. Он всегда второй вариант предлагает…

П р е с н я к о в. Журналист?.. Впрочем, это неважно. Вы настаиваете на своем предложении?

С м о л к и н. Этого права у меня нет.

П а ш и н. А если бы было?

С м о л к и н. По-моему, не имеет отношения к делу — что было бы, если бы было…

П а ш и н. Обиделись?

С м о л к и н. Ошибаетесь, Василий Петрович. Я привык не обижаться. Тем более что это сейчас не имеет значения…

П р е с н я к о в. Нам важно знать вашу точку зрения!

К у д р я ш о в а. Простите, Яша… Разговор идет не о том. Ваша помощь нужна.

С м о л к и н. Я готов, хотя не знаю, чем могу помочь.

П р е с н я к о в. Как поступили бы вы?

С м о л к и н. Там?.. Не знаю…

П а ш и н *(расхаживая по комнате).* Один случай в разговоре с Николаем перед стартом вспомнил. Ненароком вспомнил… А он забыл. Или сделал вид, что забыл… А это все равно — забыл или сделал вид… Помните, не очень гладко шел полет?.. Посадка. А в документации ошибка, так и не знаю, чья именно. Время выхода парашюта записано на три минуты раньше… Аппарат вошел в атмосферу. Николай ждет выхода основного парашюта — время!.. Он не выходит… Значит, теперь запасной. Но и тот не выходит… Третьего парашюта, как известно, нет. Все… Через десяток минут — конец… Николай сказал мне потом: похолодел весь, сердце колотится, мурашки по спине — ведь конец… А он начал проверять документацию, пункт за пунктом… Потом тумблеры… И медленно, не торопясь надиктовал данные на магнитофон. Медленно, не торопясь…

пункт за пунктом… Три минуты… А потом вышел основной парашют.

П р е с н я к о в. Почему на комиссии он этого не сказал?

П а ш и н. Ты его тогда перебил: мол, эмоции оставьте при себе. В документации поправку мы сделали.

П р е с н я к о в. За такие минуты головы надо снимать с тех, кто так пишет…

П а ш и н. А у них, космонавтов, седые волосы на висках… Даже если двадцать шесть. Космос серебрит их… *(Смолкину.)* Очень большие перегрузки будут у них. Возможно выдержать и управлять спуском?

С м о л к и н. На центрифуге глаза трудно открыть, не то что рукой пошевелить. Давит как плитой.

П а ш и н. Это я знаю. Видел съемки ваших тренировок.

С м о л к и н. Николай должен выдержать.

П р е с н я к о в. Вы о себе говорите…

С м о л к и н. Я смог бы? Не знаю… А Николай должен.

П а ш и н. Спасибо.

П р е с н я к о в. Так какое решение примем?

П а ш и н. Решения потом… *(Кремневу.)* Сеанс

с ними в час?

К р е м н е в. Да, по программе.

П а ш и н *(решительно).* Надо будить!

К у д р я ш о в а. Если они, конечно, спят…

Кремнев подходит к переговорному устройству, берет трубку.

К р е м н е в. «Марсы», на связь!

Высвечиваются Н и к о л а й и В а л е р и й.

Н и к о л а й. Слушаю.

К р е м н е в. Проснулись? Мы решили вас раньше поднять сегодня…

Н и к о л а й. Не беспокойтесь. У нас бессонница… Что с двигателем?

К р е м н е в. Идет исследовательская работа. Сейчас на связи «Двадцатый».

Н и к о л а й. Сам?.. Ждем.

Пашин медленно идет к переговорному устройству.

В а л е р и й *(Николаю).* Пашин решил с нами говорить?

Н и к о л а й. Главный тоже ночь не спал. У него забот не меньше, чем у нас.

В а л е р и й. Потерзают теперь на аварийных

комиссиях!..

Н и к о л а й. Хорошо бы…

П а ш и н. Доброе утро! Это я, «Двадцатый». Николай, долго объяснять не буду: ситуация трудная — двигатель прогорел…

Н и к о л а й. Причину выяснили?

П а ш и н. Маловато телеметрии. До конца понять не можем, и это усугубляет положение.

Н и к о л а й. Понимаю…

П а ш и н. У нас есть два варианта. Включить двигатель на торможение, и если…

Н и к о л а й. Этот вариант ясен…

П а ш и н. Второй вариант: вывести на вас станцию. Отсидитесь в ней до выхода нового корабля. Ориентировочно это около месяца.

Н и к о л а й. Такого еще не было. Но на том корабле стоит тоже наш двигатель… Вы не знаете причину отказа, как же его пускать?

П а ш и н. Раньше же летали…

Н и к о л а й. Понятно. Что вы предлагаете?

П а ш и н. У вас есть время. Подумайте, посоветуйтесь. И примите решение. Будет по-вашему… Поняли меня? Если есть какие-либо просьбы, сообщите.

Н и к о л а й. Ясно… Может быть, с Оксаной поговорить?

П а ш и н. Сейчас ее вызовем.

В а л е р и й *(Николаю).* Не надо, командир. Подумай о ней…

Н и к о л а й. Спасибо, Валерий… «Двадцатый», я — «Марс», у нас желаний нет.

П а ш и н. Я здесь. Буду нужен — вызывайте… Всем службам Центра: выходить на связь с экипажем только с моего разрешения!

Н и к о л а й. До конца зоны связи минут сорок?

П а ш и н. Время есть. Прошу вас, не торопитесь. Вам не будут мешать…

П р е с н я к о в *(подходит к Пашину).* Не слишком ли, Василий?.. Надо было сразу решить… Посоветоваться вместе с ними, помочь, если нужно, и… сообща, разом…

П а ш и н. Возможно. Но приказывать мы им не можем. Своей жизнью человек распоряжается сам. Это ведь не война. Будем ждать, когда они выйдут на связь.

П р е с н я к о в. А если… если… не выйдут?

П а ш и н *(долго смотрит на Преснякова).* Тогда я их вызову.

В дверях появляется К о н с у л ь т а н т п р и п р е с с е.

К р е м н е в *(смотрит на Консультанта, по-*

том на часы). По графику встреча с прессой… Я не знаю, что им сказать.

П р е с н я к о в. Пусть подождут.

К р е м н е в. Мы отключили связь, но они скоро все поймут…

П р е с н я к о в. Нам только прессы сейчас не хватает!

П а ш и н *(направляется к двери).* Я поговорю с ними.

П р е с н я к о в. Только в общих чертах. До официального сообщения они не должны ничего знать!

П а ш и н *(устало).* Постараюсь…

З а т е м н е н и е

Высвечивается левая площадка — комната прессы. П о л у я н о в, В е р а, Л о ш а к о в и З у б о в.

П о л у я н о в. Слушай, Боб, нам какую-нибудь свежинку найти. Для встряски. Меня на студии клюют: мол, Полуянов ничего придумать не может, одни и те же вопросы задает уже десять лет. Придумай мне вопросик, а? Ты же головастый.

Л о ш а к о в. Хорошо. Дарю идею. Все бредят сейчас «летающими тарелочками», инопланетянами. А вдруг «Марсы» их видели?

З у б о в. Это фантастика!

Л о ш а к о в. Вопрос надо так поставить: что необычного уже встретилось в полете «Марсов»?

П о л у я н о в. Это идея.

Л о ш а к о в. Позови очередную жертву к своему ящику и прямым текстом: почему скрываете, что полет ради поиска пришельцев осуществляется?! Вот он и покрутится…

Входят К о н с у л ь т а н т п р и п р е с с е и П а ш и н. Слышат последние фразы.

П а ш и н. Отвечу: наука не располагает ни единым фактом об их прилете.

Л о ш а к о в. Извините, Василий Петрович. Вы сами пришли на встречу? Странно…

П а ш и н. Нужно иногда и Главному конструктору разговаривать с прессой.

Л о ш а к о в. К такому мы не привыкли… Можно по сути, а не о пришельцах? У нас не работает связь, мне кажется, не случайно.

В е р а. Радиопереговоры можно использовать в наших репортажах. А сейчас мы их не слышим.

З у б о в. И это прискорбно.

П а ш и н. Пока есть отклонения от программы…

З у б о в. И это прекрасно…

П а ш и н. Печально…

З у б о в. Я имел в виду другое. Нам драматизм нужен. Творчество — это конфликты, непредвиденные ситуации… что-то необычное, и тогда проявляется характер человека.

П а ш и н. А разве мало *(подыскивает слова)* драматургии в каждом полете?

Л о ш а к о в. Неужели те шесть секунд, Василий Петрович? Но ведь это пустяки — лишняя коррекция, и все.

П а ш и н. И шесть секунд тоже… *(Замечает книгу в руках Зубова.)* «С Земли на Луну». Если мне не изменяет память, там в конце…

Л о ш а к о в *(выхватывает книгу).* Сейчас… *(Читает.)* «Я знаю, это люди изобретательные. Они захватили с собой все богатства искусства, науки и техники. А с такими сокровищами можно добиться всего на свете! Помяните мое слово: они найдут способ выйти из своего трудного положения — они вернутся на землю!..» Неужели так плохо?

П а ш и н. Я этого не сказал… Но нелегко.

З у б о в. По-моему, от нас нельзя скрывать правду. Иначе мы не сможем написать, второго варианта просто нет…

П а ш и н. «Второй вариант» — это ваше?.. Спа-

сибо… Правду о них *(кивает вверх)* расскажу всю, когда сам буду знать. А пока не могу, не имею права.

Л о ш а к о в. Значит, снова, «взмахнув стабилизаторами, ракета начала свой путь…».

К о н с у л ь т а н т. Это не надо.

В е р а. Почему же? Я уже написала… Четыре страницы.

Л о ш а к о в. И неплохо. Эмоционально.

В е р а *(Консультанту).* Посмотрите.

Консультант при прессе берет листки.

Это ощущения человека, попавшего в орбитальную станцию. Я расспрашивала многих, кто туда летал, и их глазами пытаюсь увидеть иной мир…

К о н с у л ь т а н т. Это не надо.

П о л у я н о в *(взрываясь).* Что ты за человек?! Только и слышишь: «Неинтересно», «Это не надо». Робот ты, машина… Ни чувства, ни страсти… Робот!

К о н с у л ь т а н т. Робот?!

П о л у я н о в. Да, да, да, да. Робот! Механическое чудовище, у которого только одно желание — «не надо»… нет, вообще нет никаких желаний! «Не надо» — и все!

К о н с у л ь т а н т. Ваш ученик.

П о л у я н о в. Что-о?

Все с удивлением смотрят на Консультанта при прессе.

К о н с у л ь т а н т. Красиво… Волнение… Незабываемые мгновения пуска… Тридцать слов, как у Эллочки-людоедки…

Л о ш а к о в. Еще один знаток классики. Не Центр управления, а Литературный институт.

П о л у я н о в. Робот… *(Передразнивает.)* «Не надо!»

К о н с у л ь т а н т *(Полуянову).* Робот? Я робот?! А вы… Что вы знаете о том, о чем говорите? Что? Равнодушие, одно равнодушие… А тут беда, большая беда… Что они для вас? Слова пустые… Одинаковые… Помогать я вам должен? А вы не нуждаетесь в нашей помощи! А если они не вернутся? Как это будут люди читать: «Иной мир, такой чужой для него…» Все! С меня хватит!.. Это действительно неинтересно и не надо!.. *(Убегает.)*

П о л у я н о в *(удивленно).* Что с ним?

Л о ш а к о в *(серьезно).* Кажется, довели…

З у б о в. Не лучший вариант. Или он не понял, или мы переиграли…

П а ш и н. Его надо вернуть…

П о л у я н о в. Он сам придет. Ему по должности положено.

П а ш и н. Вам виднее. Советовать трудно, вы грамотные люди. «Марсы» уже не перейдут в станцию… О мужестве надо писать. Потребуется его немало… А писать надо правду: полуправда разъедает. Она как ржавчина — сначала не видна, а потом не остановишь. Пока ложью не станет… *(Зубову.)* А вам за добрый совет Смолкину спасибо… Действительно, всегда есть два варианта… В жизни… Каждый выбирает по совести… *(Показывает на дверь, куда скрылся Консультант.)* Я на вашем бы месте вернул его. *(Выходит.)*

В е р а. Главный не все сказал.

Л о ш а к о в. Что-нибудь в системе стыковки. Такое бывало.

В е р а. А как же мы?

Л о ш а к о в. Сто строк. Без станции, конечно. Я соболезную вам, Селена, но и этот материал в корзину…

В е р а. Я уже больше не могу…

Л о ш а к о в. Поменьше эмоций! И тогда не на корзину будете работать, а на газету.

З у б о в. По-моему, надо проще. С эмоциями и проще.

Л о ш а к о в. Космос — всегда сложно.

З у б о в. Это слова. Я все твои книги перечитал. Чисто и гладко. Но так уже нельзя. Когда-то людей надо было приучать к ракетам, к космосу — они о нем понятия не имели. Но теперь иное время: космос надо очеловечить… Знаешь, что мне больше всего запомнилось из твоих книг? Случай с гитарой…

В е р а. Я тоже его помню. Иванченкову на «Салют» гитару послали.

З у б о в. Видишь, все помнят. А ты о гитаре мимоходом упомянул, так, между прочим. В основном о разных экспериментах писал. Интересно, глубоко. Но я помню гитару. Навсегда она у меня осталась, потому что говорит и об Иванченкове, и о тех, кто послал ее на станцию. О душе их говорит…

Л о ш а к о в. Не все космонавты на гитарах играют…

З у б о в. Жаль, если так… Но думаю, что ошибаешься. Как передать их ощущения сейчас, мысли, чувства…

В е р а. Николая и Валерия?

З у б о в. Конечно. Там сейчас наши материалы. Настоящие. Те, которые нужны всем. Второго варианта нет.

Вера рвет исписанные листки.

З а т е м н е н и е

Высвечиваются Н и к о л а й и В а л е р и й.

Н и к о л а й. Перекусить не хочешь?

В а л е р и й. Ты за мной, как за ребенком…

Н и к о л а й. А ты мне в сыновья годишься.

В а л е р и й. Бортинженер я у тебя!.. А с двигателем было ясно сразу… Думал, что ты не понял… или я ошибся. Боялся, подумаешь — струсил… Извини, командир.

Н и к о л а й. Ну и хорошо.

В а л е р и й. Мне кажется, ты о клапане решил. Откроем — и сразу конец. Чтобы на виду у всех не умирать! Лучше сразу, командир.

Н и к о л а й. До этого далеко…

В а л е р и й. Но у всех на виду я не хочу!.. Лучше сразу…

Н и к о л а й. Прекрати!

В а л е р и й. Хочу, чтобы ты и это знал…

Н и к о л а й *(резко).* Я приказываю вам, бортинженер, замолчать.

В а л е р и й *(обиженно).* Пожалуйста…

Н и к о л а й. А за Оксану тебе, Валерий, спасибо. Не время и не место.

В а л е р и й. Они ждут.

Н и к о л а й. Пашин же просил не торопиться… Перекусим, а потом и думать будем.

З а т е м н е н и е

Высвечивается правая площадка. П р е с н я к о в и К у д р я ш о в а. Входит П а ш и н.

П р е с н я к о в. Ну как?

П а ш и н. Молчат.

П р е с н я к о в. Они должны вернуться. Сегодня, завтра, через неделю… И вы гарантировали нам их возвращение!

К у д р я ш о в а. В наше время нелегко виновных найти…

П а ш и н. Главный виновник есть — он так и называется: Главный.

П р е с н я к о в. Со всех спросят, если что-то случится.

Входит К р е м н е в.

К р е м н е в. На следующий виток ушли… Молчат.

К у д р я ш о в а. Знают, а молчат… Наши нервы берегут.

П р е с н я к о в. Космонавт такая профессия…

П а ш и н. Пусть помолчат. И мы о них тоже…

П р е с н я к о в. Уж не телепатии ли боишься?

П а ш и н *(не обращая внимания).* Я фотографию Комарова разглядываю часто. Перед стартом он снят. Но лицо не его, чужое…

К р е м н е в. Мистика… Спиритизм начинается.

П а ш и н. Другое время было. Каждый шаг — первые. Даже если ценою жизни за него платили… А теперь? Право на жизнь… Мы его берем, даже не спросив у них.

П р е с н я к о в. Это слишком!

П а ш и н *(не слыша Преснякова).* Почему летчики-испытатели в отряд не шли? Риска боятся? Да они каждый день рискуют. Нет, бессмысленного риска не хотели… В самолете от летчика многое, если не все, зависит. А что от космонавта, если техника ненадежна?.. Ему оставалось только ждать, что Земля решит.

П р е с н я к о в. Космонавт знает, на что идет. Там космос, и иначе нельзя.

П а ш и н. Нельзя? В этом как раз ошибка. От космонавта многое, очень многое зависит… Дайте ему почувствовать там, на орбите, что он пилот корабля, а не прибор, живой прибор, который в корабль сунули. Не подопытная мышь, она тоже дышать умеет.

П р е с н я к о в. В космосе пилоты нужны, а не

философы.

П а ш и н. Философы везде нужны. А я первую свою машину вспомнил. Давно это было… Начали отстреливать серию. Отъехал от старта на десять минут — покурить. Там ведь нельзя… Еще слово тогда дал: сдам машину комиссии — брошу сигареты. Как раз три пуска оставалось… Отъехал два километра к «курилке», а ракета как на ладони — красивая… Первая ведь моя… Любуюсь… И вдруг хлопок. Даже не понял, что взрыв. Это вторая ступень сработала. И сразу огненный шар… Погибли друзья. Тогда спать не мог. Года два, наверное… Закрываю глаза, а по степи шар огненный. А теперь тишина и темнота… Космическая тишина и космическая темнота… А где-то далеко Земля…

В дверях появляется О к с а н а.

П р е с н я к о в. Сюда нельзя. Нельзя!

О к с а н а. Заняты… Извините… Я только хотела спросить… Правда это… Он… Он…

П а ш и н *(подходит к ней).* Простите…

О к с а н а. Мне сказали, что там плохо. Очень плохо…

П а ш и н. Плохо. Но мы надеемся…

О к с а н а. Он вернется?

П а ш и н. Должен.

О к с а н а. Вы что-то скрываете. Не надо. Я плакать не буду. И не буду мешать. Я понимаю, но не могла оставаться дома… *(Сдерживается, чтобы не заплакать. Говорит тихо.)* И, пожалуйста, передайте ему, что пионеры ждут в Артеке. Звонили… Ждут в гости его… Передайте, это очень важно. Ждут… *(Плачет.)*

П а ш и н. Скажем, обязательно скажем. *(Кудряшовой.)* Проводите в комнату прессы. Там поспокойнее… Я не возражаю.

К у д р я ш о в а. Идем, Оксаночка. Все будет хорошо…

К р е м н е в. Я помогу…

О к с а н а *(отстраняется).* Не надо… Сама… Эх ты, Костя… У нас же двое детей…

К р е м н е в. Разве так можно, Оксана…

К у д р я ш о в а *(Оксане).* Идем, идем. Потом… *(Выводит Оксану из комнаты.)*

П р е с н я к о в *(резко).* Как она могла сюда пройти?

П а ш и н. А кто ее мог задержать? Люди же там…

П р е с н я к о в. Слишком уж мы мягкосердечными стали.

П а ш и н. А разве это плохо?

П р е с н я к о в. Делу мешает.

П а ш и н. Это неправда.

П р е с н я к о в. Зачем она здесь?

П а ш и н. Может быть, и нужна. Вдруг Николай ее на связь попросит. Она и приехала…

Пауза.

К р е м н е в. Женщины сами разберутся…

П а ш и н. Молчат?

К р е м н е в. Молчат… *(Спокойно.)* А с автоматами действительно легче. Работаю с утра до ночи, детей две недели уже не видел, каждую строчку программы помню, а сейчас молчат они, и я не знаю, что делать… А ему, луннику, программу включил, уже никто команды не перепутает, не сможет — она у меня жесткая. Я спокоен, понимаете, спокоен. А здесь ни минуты покоя, только и ждешь чего-то… Гладко идет — беспокоишься: подозрительно, что гладко; сбои — волнуешься: почему сбои… Не ответственности боюсь, нет! Молчания боюсь…

П а ш и н. Их молчание уважать надо. Пусть еще помолчат. Я боялся, что они сразу мне скажут: делайте, как сами решили, мы на все готовы… А они молчат. Вот вы меня спрашивали: чего же я хочу? Летать в космосе хочу!.. Работать там хочу!.. Чтобы люди чуть счастливее жили… чтобы в

завтрашнем дне уверены были… чтобы мечтали о полетах на Марс и Венеру, если им захочется… чтобы внеземные богатства к земным добавили… Очень многого я хочу! Наконец, хочу, чтобы космонавты овец пасли…

К р е м н е в. Лучше уж табуны…

П а ш и н. Я без юмора. Хочу, чтобы и рыбу в океане искали, металл плавили, лук выращивали… И не от случая к случаю, а ежедневно… Кстати, овцы — не мое. Георгий Гречко привез из космоса. Отдыхал он перед полетом в горах, там с секретарем райкома одним договорился, что поможет ему. Целый месяц передавал Георгий с орбиты, где трава поднялась, где еще недельку ждать надо… Так и пас отары… А потом и Александра Иванченкова попросил. Тот четыре месяца с «Салюта-6» овец гонял по пастбищам… Вот так-то!

П р е с н я к о в. Это не главная наша забота.

П а ш и н. Ошибаетесь. Человечество думает иначе.

З а т е м н е н и е

Высвечивается комната прессы.

Л о ш а к о в *(в телефон).* Я вполне серьезно. Очень занят… Сегодня не жди… Отвыкла? Я,

кажется, тоже... У меня работа! Понимаешь, работа!.. Буду писать... Нет, не так, как всегда! И это обсуждению не подлежит! Все! *(Бросает трубку.)*

В комнату прессы К у д р я ш о в а вводит О к с а н у.

К у д р я ш о в а. Проходи, Оксаночка. Здесь и телевизор есть, и они веселые... Отдохни, а по радио все слышать будешь... Я скоро вернусь. Скоро вернусь... *(Выходит.)*

П о л у я н о в *(Лошакову).* Кто это?

Л о ш а к о в. Жена Николая. Не видишь, что ли?

П о л у я н о в *(в микрофон, тихо).* Мотор... Жду... Есть мотор! Начинаю... *(Подскакивает к Оксане.)* Дорогие телезрители! В эти минуты в Центр приехала жена нашего героя... Скажите, что вы чувствуете?

О к с а н а *(растерянно).* Я? Зачем?.. Я здесь... Не понимаю. *(Начинает плакать.)* Не надо... этого...

П о л у я н о в. О, как это понятно, дорогие телезрители! Жена героя взволнована, она счастлива. Она с волнением и гордостью следит за выдающимися событиями, свидетелями которых мы являемся!.. Спасибо вам за внимание, до новых встреч... *(В микрофон.)* Да, конец... Я буду вызы-

вать...

Оксана плачет.

В е р а *(успокаивает ее).* Не надо, пожалуйста. Этим не поможешь. Такая уж доля женская наша...

О к с а н а. Спасибо... Нет уж сил ждать-то...

П о л у я н о в *(Лошакову).* Неплох сюжетик, а? По-настоящему, по-репортерски сделан...

Л о ш а к о в. Сволочь ты все же... Телезвезда!.. Робот!

П о л у я н о в. Полегче!

З у б о в. Зачем же ругаться? Для таких лишь один вариант остается: гнать к чертовой матери!.. Предупреждаю вас, по боксу первый разряд. Понятно?

П о л у я н о в. Еще один нашелся! *(Отходит.)*

З у б о в *(Лошакову).* В нашем деле иногда и грубая мужская сила нужна.

Л о ш а к о в. Послушай, старина, ты забудь, что я к тебе в мэтры навязывался. По рукам?

З у б о в. Уже забыл... Писать надо.

Л о ш а к о в. Не торопись. Главное — впереди.

Возвращается К у д р я ш о в а.

К у д р я ш о в а *(Оксане).* Попробуй вязать... Зна-

ешь, только на пусках и есть время, чтобы вязать. Волнение снимает, забываешься… Извини меня, старую… Это не простые носки — из пуделиной шерсти. У меня пуделек живет маленький, серебристый такой. И очень породистый. Чипом звать. Когда его стригу, шерсть собираю… Вот и вяжу из нее. Теплые носки, очень теплые получаются.

О к с а н а. Хорошо… Я попробую.

К у д р я ш о в а. Носки для Николая. Помнишь, Севастьянов рассказывал, что носки у него протерлись, пока летал… Дырки образовались — он пальцами все время отталкивался. А эти, из пуделиной шерсти, прочные…

З а т е м н е н и е

Высвечиваются Н и к о л а й и В а л е р и й.

Н и к о л а й *(Валерию).* Космос, как черная собака, кусается. Я проснулся тогда — в первом полете — и никак не могу понять, где я. Темно. Пустынно. И одиноко… Когда рядом есть кто-то, дышит, сопит, нет этого чувства.

Появляется К о с м о н а в т, к о т о р ы й п о г и б.

К о с м о н а в т *(Николаю).* Ранен корабль… Смертельно ранен… А нужно встать в полный

рост — и вперед! Иного не дано. Как на фронте… Не любите вы такие сравнения. Может быть, и правильно… Но чтобы идти в атаку, нужно встать в полный рост!

Н и к о л а й. Прошу, не мешай, о тебе думать не имею сейчас права.

Космонавт, который погиб, уходит.

В а л е р и й. Я знал, хлеб этот тяжелый.

Н и к о л а й. Легкого не бывает… Данные по спуску при тебе?

В а л е р и й. Не волнуйся, все помню.

Н и к о л а й. Вдруг со мной что… Перегрузки огромные… В общем, контролируй. Каждая команда — это жизнь.

В а л е р и й. Ты правильно решил, командир. Будем включать двигатель. В случае чего они телеметрию снимут и разберутся…

Н и к о л а й. Извини меня, Валерий!.. *(В зал.)* Откуда это во мне? Недоверие… Если я смогу, то почему он не сможет? А я все решил сам. Даже не стал советоваться… А он не упрекнул, знает, что есть такое право у космических командиров — решать за себя и других… А может быть, не его я боялся, а себя? Как часто мы оправдываем свои страхи чужими… Не смогу себе простить этого.

(Валерию.) Будем вызывать Пашина?

В а л е р и й. Они уже заждались.

Н и к о л а й. Я — «Марс»! Вызываю «Двадцатого»… Ждем…

В а л е р и й. Хочешь, анекдот расскажу, а то все ты и ты. Значит, пошли двое купаться, видят — на берегу девушка…

Высвечиваются
р у к о в о д и т е л и п о л е т а.

П а ш и н. На связи! Как настроение?

Н и к о л а й. Валерий анекдот рассказывает… Итак, Василий Петрович, будем работать по первому варианту.

П а ш и н. Чем обосновываете?

Н и к о л а й. Причины отказа двигателя не ясны. Новое включение его позволит снять дополнительную информацию, а следовательно, выяснить причины аварии. Без этого нельзя летать, потому что и на новом корабле может произойти аналогичный отказ.

П а ш и н. Вы как на экзамене отвечаете…

Н и к о л а й. Так и есть. В случае если двигатель не включится, можно будет проработать второй вариант.

П а ш и н. Спасибо. А мнение «Марса-два»?

В а л е р и й. У нас профессия испытательская, Василий Петрович! Значит, будем работать как положено.

П а ш и н. Ну что же, согласен. Примите информацию на включение двигателя…

Н и к о л а й. На всякий случай наше мнение передайте куда следует: к станции надо лететь. Так и передайте, если мы уже не сможем…

П а ш и н. До встречи… И благодарю вас за все. И еще: Николай, вас пионеры ждут в Артеке. Звонили.

Н и к о л а й. Спасибо. Помнят, значит…

П а ш и н. Передаю связь Кремневу.

К р е м н е в. Сейчас обсудим все этапы. Вы должны помочь группе поиска в районе приземления…

Н и к о л а й *(перебивает).* Дай только до воздушка добраться, а как войдем в него, так уж поможем кому хочешь…

К р е м н е в. Разговорчивый ты стал, Николай… Внимательней на связи, передаю данные на спуск — проверяйте… Сто двадцать шесть… Четыреста пятьдесят восемь… Семьсот шестьдесят четыре…

Н и к о л а й. Чуть медленнее. Записываю…

П а ш и н *(Кудряшовой).* Ну как, Танюша, дорож-

ку мягко выстелила?

К у д р я ш о в а. Держись.

П а ш и н. На пределе уже…

К р е м н е в. Через четыре минуты расчетное время включения двигателя.

З а т е м н е н и е

Главный зал. Здесь р у к о в о д и т е л и п о л е т а, с о т р у д н и к и Ц е н т р а у п р а в л е н и я, в стороне ж у р н а л и с т ы. Высвечиваются и к о с м о н а в т ы в своих креслах.

Л о ш а к о в. Успел… Все радиопереговоры… Они держатся, словно все в порядке. Обязательно с Николаем поговорю. Он парень открытый… *(Зубову.)* А как же вы?

З у б о в. Не понимаю в вариантах. А лгать не хочу.

Л о ш а к о в. Все расскажу…

З у б о в. Надежда есть?

Л о ш а к о в. Она всегда есть… Остальное потом. «В плену орбиты». Был такой роман.

З у б о в. Читал.

Л о ш а к о в. Похожая ситуация… Только они на себя должны рассчитывать.

З у б о в. Об этом всегда надо помнить.

Л о ш а к о в. Десять лет Николая знаю. Как бы

я в глаза ему смотрел, если снова, «взмахнув стабилизаторами, ракета легла на курс...». Как бы смотрел...

З у б о в. Привычка это, Боря... Так защищаться легче. От жизни. Сначала привычка, а потом равнодушие...

Подходит К о н с у л ь т а н т п р и п р е с с е.

Л о ш а к о в *(Консультанту).* Прости нас. Это от привычки все. Дурной привычки... Казалось, уже старты примелькались и к космосу мы привыкли. Но так со стороны кажется. Со стороны... Хочешь, об этом напишу?

К о н с у л ь т а н т *(с улыбкой).* Не надо. Это неинтересно.

Л о ш а к о в. Действительно неинтересно. Это ведь нас касается, а не всех...

К р е м н е в. «Марсы», на связь!

Н и к о л а й. Включаю. Сейчас включаю...

П а ш и н. Пронеси, господи!

Н и к о л а й. Включаю... Есть запуск!

В а л е р и й. Двигатель работает неустойчиво... Сбои...

Н и к о л а й. Блики по кораблю. И солнце над горизонтом — мешает. Ничего не вижу.

К р е м н е в. Николай, держать!.. Главное —

держать корабль. Двигатель отработал пятьдесят секунд…

Н и к о л а й. Идем по терминатору… Валерий, не торопись — жди команду… Идем по терминатору… Сильная вибрация…

В а л е р и й. Палкой по бочке.

К р е м н е в. Сейчас связи не будет. Несколько минут. Но вы ведите репортаж. Не прерывайтесь…

Н и к о л а й. Усы…

Связь прерывается. По экрану красная точка скользит к следующему кругу — там снова начинается связь.

П р е с н я к о в *(Пашину).* Какая бочка?

П а ш и н. Не знаю.

Л о ш а к о в. Это Валерий сравнил корабль с бочкой. Николаю понравилось…

П р е с н я к о в. Понятно… Спасибо…

К р е м н е в. «Марсы», на связь! Николай!.. Валерий!.. «Марсы», на связь!

П р е с н я к о в. Молчат.

К у д р я ш о в а. Рано еще.

К р е м н е в. «Марсы», на связь!..

Н и к о л а й. …Пока работает. Видны какие-то искорки… Вдоль иллюминатора… Система ори-

ентации, кажется… ага, точно… она… (Валерию.) Что у тебя?

В а л е р и й. Нормально. Идем вниз, командир.

К р е м н е в. Слышим отлично. Не буду вам мешать.

Н и к о л а й. Веселенькая работка…

П р е с н я к о в. Выдержка у парней…

П а ш и н. Держит корабль… Держит…

П р е с н я к о в. Завтра разберусь в отряде. Там совсем стариков не осталось… Медики посписывали… По здоровью, говорят.

П а ш и н. У них и давление скачет, и соль в позвоночниках, а душа крепкая…

Н и к о л а й. Прошли расчетный режим… Двигатель не выключился. Иду дальше…

К р е м н е в. Вручную! Коля… Сам работай! Сам, без автомата! Скоро атмосфера.

Н и к о л а й. Теперь, значит, сам работай!.. Я поглубже в нее войду, соскучился…

К у д р я ш о в а. Знал, значит, все знал. Думал, как бы только войти в атмосферу…

Н и к о л а й. Идем на баллистический спуск… Выключаю режим… Держись, Валерий, сейчас цирк начнется!..

К р е м н е в. По возможности ведите репортаж. Говорите все, что в голову придет… Все… Только

не молчите…

Н и к о л а й. Не волнуйся, теперь уж доберусь до тебя. И шею наломаю. Сам знаешь, за что.

К р е м н е в. Жду, Коля!

Н и к о л а й. Сработали термодатчики… Сильные перегрузки…

В а л е р и й. Восьмерка… Нет, пожалуй, десятка… За иллюминаторами копоть… Чернеют… Сильно жмет…

Н и к о л а й. Ждем ввода ОСПЭ…

П о л у я н о в *(в микрофон).* Моторы… Приготовиться… Начинаем… *(В камеру.)* В эти волнующие минуты, дорогие телезрители, мы присутствуем при заключительном этапе полета космического корабля… (*Подходит к Кудряшовой.)* Простите, товарищ Кудряшова, вам как баллистику лучше всего рассказать о том, что сейчас происходит…

К у д р я ш о в а. Почему я? Я не могу…

П о л у я н о в. Понимаю ваше волнение… Только что «Марсы» передали: «Ждем ввода ОСПЭ». Что это такое?

К у д р я ш о в а. Парашютная система.

П о л у я н о в. Благодарю. Валерий говорил о восьмерке и десятке. Что он имел в виду?

К у д р я ш о в а. Это огромные перегрузки. Говорить-то невозможно, а они ведут репортаж…

В с е д е й с т в у ю щ и е л и ц а на сцене.

В а л е р и й *(в зал).* Теперь я знаю, что́ отвечать, когда будут спрашивать о полете. Самое приятное ощущение? Когда видишь купол парашюта… Почему я был так уверен? И этот двигатель, который обязан был сработать… Плохо, со сбоями, на пределе, но он бросил нас в атмосферу… Я не сомневался: так и будет!.. Понимал, что может быть иначе, понимал, но не верил. Не мог верить… Ведь первый мой полет!.. Мы должны вернуться. Должны! Чтобы летать еще раз… потом еще… и еще… до тех пор, пока он, этот космос, будет пускать к себе…

Н и к о л а й *(в зал).* Я удержал корабль. Даже когда не прошло отделение отсеков… Испытывает он нас до конца, без пощады, без снисхождения… Но сегодня выпустил. Парашютики, милые, наверху. Это уже Земля… Там ждут… А откроется люк, и ударит, опьянит запах Земли… Какой он, этот запах? Не знаю. Но он живой. Понимаете, живой!

Постепенно сцена погружается в темноту. И звучат по радио слова: «Десятого апреля тысяча девятьсот семьдесят девятого года был осуществлен запуск космического корабля «Со-

юз-33». Его командир — дважды Герой Советского Союза Николай Николаевич Рукавишников. Космонавт-исследователь — гражданин Болгарии Георгий Иванов. Поздно вечером одиннадцатого апреля во время сближения со станцией «Салют-6» на корабле вышел из строя двигатель. Никто не знал, смогут ли Николай Рукавишников и Георгий Иванов вернуться на Землю...»

З а н а в е с

С. Михалков
«ПЕРВАЯ ТРОЙКА», ИЛИ ГОД 2001
Героическая феерия в двух частях, семи картинах, с двумя интермедиями

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Федя Дружинин}
Вадим Гонтарев}
Наташа Печатникова }— школьники 12—14 лет.

Титов Герман Степанович— летчик-космонавт, Герой Советского Союза, по воле автора пьесы — начальник Главного управления межпланетных сообщении.

Дружинина Зоя Петровна — бабушка Феди.

Артамонов Артем Иванович— академик.

Павловский— представитель горкома комсомола.

Леночка — секретарша.

Ричард Вуд— корреспондент американ-

ской газеты «Уоркер».

Первая девочка.

Вторая девочка.

Диктор телевидения.

Работник космической службы.

Действие происходит на Советской земле и в космосе в начале XXI века. В пьесе частично использованы записи бесед с крупнейшими советскими учеными, обобщенные журналистом В. Губаревым в книге «Человек, Земля, Вселенная».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Просторная комната в квартире Дружининых. Во всю стену окно зеркального стекла, а за ним, в зелени садов и скверов, — новый район города, застроенный необычно красивыми зданиями новейшей архитектуры.

В комнате удобная современная мебель, включая большой радиотелевизионный и телефонный комбайн. Над диваном фотография военного летчика — отца Феди Дружинина.

В момент поднятия занавеса сцена пуста, затем слышны голоса, и в комнату вбегает Ф е д я. За ним входят Н а т а ш а и В а д и м. Федя подбегает к столу и залпом выпивает несколько стаканов воды из графина.

Н а т а ш а *(Феде).* Смотри, лопнешь!

Ф е д я. Пусть. *(Отдышавшись.)* Последнее слово все равно будет за мамой. Это уже проверено… Это уж будьте спокойны…

Н а т а ш а. В конце концов, мы с Вадиком тоже не безмамные.

В а д и м. А в нашей семье все папа решает. Но тут и мама не возражала. Мы с ней всегда находим общий язык.

Ф е д я. В родительском вопросе нет мирового стандарта, а сознание многих пап и мам, несмотря на стремительное развитие науки и техники, все еще остается на уровне шестидесятых годов прошлого столетия. Моя мамуля — это моя мамуля! Со всеми особенностями! Я для нее единственный и неповторимый. У нее вся жизнь во мне, как она говорит…

Н а т а ш а. Она знала, что ты принимал участие в конкурсе?

Ф е д я *(пожимает плечами).* Разговора на эту тему не было.

Н а т а ш а. Так что ж ты — скрыл?

Ф е д я. Почему обязательно «скрыл»? Не скрывал и не афишировал. У меня никто ничего не спрашивал.

В а д и м. Твоя мама, выходит, и радио не слушает, и телевизор не смотрит. Ведь заключительный тур передавался по Всемирному радио и телевидению.

Ф е д я. Она не любит смотреть телевизор. Она говорит, что от этого у всего человечества испорчено зрение.

В а д и м. Я убежден, что все уладится. Не будет же она лишать тебя такого исключительного удовольствия. Все-таки это не обычная экскурсия.

Ф е д я. Все это так... Все это верно... Но тут нет места логике. Нет места здравому смыслу. Здесь играют роль эмоции и инстинкты! Моя мама — мама! В полном смысле этого слова. Вы же ее не знаете! Познакомитесь — поймете!

В а д и м *(мечтательно).* Не исключена возможность, что в день нашего старта «Пионерская правда» выйдет на всех языках мира и нам посвятят целый номер газеты. Это же как-никак событие мирового значения!

Н а т а ш а. Честно говоря, я не очень-то надеялась. Больше всего боялась за астронавигацию. А ты, Вадик, за что боялся?

В а д и м. За радиоэлектронику и немножко за небесную механику.

Ф е д я. А я за маму, только за маму... Боялся и боюсь!

В а д и м. Не смеши! Что говорить, проверочка была основательная: шесть академиков, три доктора наук, два генерала авиации. И все спрашивают, все проверяют... Одним словом, нам здорово повезло.

Н а т а ш а. Основные баллы выставлялись по

технической и физической подготовке. Были ребята, которые отлично прошли по всем дисциплинам, а вот по испытаниям в Центральной лаборатории получили оценку «минус».

Ф е д я. Представляете, как будет обидно, если моя мама упрется. Что тогда? Что тогда, я вас спрашиваю?

В а д и м. Тогда твое место может занять болгарский пионер Асен Босев. Он из следующей тройки! То ему своей очереди еще ждать, а так он полетит в первый рейс.

Ф е д я. Я этого не переживу.

Н а т а ш а. Федя! Зачем ты нас к себе пригласил?

Ф е д я. Как идейное подкрепление… Познакомить с мамой…

Н а т а ш а. Как зовут твою маму?

Ф е д я. Анна Захаровна.

В а д и м. Да! Ребятишки! Говорят, нас уже завтра должны вызвать к Герману Степановичу Титову. Он будет с нами проводить собеседование.

Ф е д я. Сколько же ему сейчас лет?

В а д и м. Наверное, лет семьдесят с небольшим. Но он бодро выглядит. Я его несколько раз видел.

Н а т а ш а. Подумать только! Второй советский

космонавт.

Ф е д я. Сорок лет тому назад! На заре космонавтики!

В а д и м. Он, можно сказать, первооткрыватель! Сразу после Гагарина.

Н а т а ш а. Кстати, кто знает, когда мы к нему пойдем, что нужно иметь на руках кроме дипломов?

В а д и м. Письменное согласие родителей.

Ф е д я *(мрачнея).* Ну вот, еще и письменное... Напишет она... ждите.

Мелодичный звонок в передней. За ним второй, третий.

Н а т а ш а *(вопросительно смотрит на Федю).* Мама?

Ф е д я *(растерянно).* Она! Ребята, не забудьте: Анна Захаровна! Анна Захаровна! И только не сразу! Не сразу! Постепенно! А то она не переживет! *(Выбегает открыть дверь.)*

В а д и м *(Наташе).* Последнее испытание!

В комнату стремительно входит Д р у ж и н и н а — Федина бабушка. За ней появляется растерянный Ф е д я.

Д р у ж и н и н а *(с порога).* Твоя мать еще с ума не сошла!

Ф е д я *(робко).* Послушай…

Д р у ж и н и н а. И слушать не хочу.

Ф е д я *(умоляюще).* Я тебе не успел сказать…

Д р у ж и н и н а. Радио было со мной откровеннее, чем родной, близкий человек. Я все знаю. «Первая тройка»! «Победители Всемирного детского космического конкурса»! «Сто пятьдесят тысяч участников»! Мне все известно! Не пущу! Ни за что!

Ф е д я. Пойми…

Д р у ж и н и н а. Не пущу! Я же сказала! И не думай! Выбей у себя это из головы!

Н а т а ш а *(деликатно).* Вы меня, пожалуйста, извините, Анна Захаровна…

Ф е д я (*хватается за голову, шепчет).* Зоя Петровна! Зоя Петровна!

Наташа и Вадим недоуменно переглядываются.

Н а т а ш а *(невозмутимо).* Анна Захаровна! Вы напрасно так боитесь. Это же лететь не куда-нибудь в полную неизвестность, а на Марс! Взрослые туда летают? Летают!

Д р у ж и н и н а. Ну и пусть себе летают! Мало

ли куда они летают теперь! А ему нечего там делать. Вырастет — пусть летает куда хочет. Когда меня уже в живых не будет. А вы, собственно говоря, почему заступаетесь? Я вас вообще первый раз вижу. А потом, зовут меня Зоя Петровна, а не Анна Захаровна.

Ф е д я *(обретая дар речи).* Бабушка! Познакомься, пожалуйста! Это Наташа Печатникова из Киева и Вадим Гонтарев из Челябинска. Ребята! Это моя бабушка!

Д р у ж и н и н а *(не сразу).* А вы — первая тройка?

Ф е д я. Да. Это мы. И я как раз третий!

Д р у ж и н и н а *(приглядываясь к ребятам).* Вы, стало быть, тоже собрались на Марс? И вас дома отпускают?

Н а т а ш а. Конечно. Наши родители не против. Ведь в этом соревновании участвовало более двадцати пяти тысяч советских ребят, не считая ребят других стран. А победили всего шесть человек. И мы — в первой тройке! Это что-нибудь да значит!

Д р у ж и н и н а. Нет, как вам это нравится! Если бы сегодня утром не включила радио, я так бы ничего и не узнала! *(Поясняет.)* Я ведь живу теперь одна, за тридевять земель... Пришлось

взять первый же космолет и прилететь сюда, чтобы образумить внука. Как могла ему прийти в голову эта безумная мысль — лететь на Марс? Уверена, что мать его не пустит. Так рисковать!

В а д и м. В настоящее время космические полеты совершенно безопасны.

Д р у ж и н и н а. Кто это вам сказал?

В а д и м. Общеизвестно.

Ф е д я. Бабуся! Ты себе не представляешь, какая это техника! Какая совершенная аппаратура! На Марсе нас встретят, все нам покажут и отправят обратно на Землю: Земля — Марс — Земля! Все будет о'кей!

Д р у ж и н и н а. Я даже не представляю, сколько туда километров!

Н а т а ш а *(быстро).* Двести двадцать семь миллионов километров с хвостиком.

В а д и м. Хвостик — восемьсот тысяч километров, но это уже не имеет большого значения.

Д р у ж и н и н а *(хватается за голову).* Боже мой! Какая даль!

Ф е д я. Но это же не на космолете лететь! Тут совсем другая скорость!

Д р у ж и н и н а *(решительно).* Нет, нет и нет. Так далеко одного я тебя не пущу!

В а д и м. Почему одного? Нас же будет трое!

Д р у ж и н и н а. Вы не в счет. Вы — дети.

Н а т а ш а. Анна Захаровна! *(Поправляется.)* Зоя Петровна! Это кажется, что далеко. Марс не какой-нибудь необитаемый остров в океане. Там живут наши люди. Осваивают планету.

Д р у ж и н и н а. Кто только выдумал эту экскурсию?

В а д и м. Международный комитет детей и юношества.

Ф е д я. Для советских школьников это большая честь — побывать на Марсе первыми.

Н а т а ш а. Быть в полном смысле слова пионерами.

Д р у ж и н и н а. Если бы твой отец при жизни мог себе это представить…

Ф е д я *(убежденно).* Бабуся! Неужели он бы меня не пустил? Папа ведь сам был космолетчиком! Вот ты за меня так боишься, а погибнуть можно ведь и на Земле — попасть под какой-нибудь автомобиль на воздушной подушке!

Телефонный звонок. Дружинина энергично снимает трубку с аппарата, вмонтированного в комбайн. На большом экране телевизора возникает крупным планом лицо интеллигентного человека в роговых очках.

Д р у ж и н и н а. Алло! Я вас слушаю. Кто говорит?

В у д *(по-русски, с иностранным акцентом).* Это Москва? Квартира Дружининых?

Д р у ж и н и н а. Да, да! Вас слушают.

В у д *(вежливо).* Добрый вечер! *(Поправляется.)* Простите, я хотел сказать: добрый день! Госпожа Дружинина *(поправляется)*... товарищ Дружинина! С вами говорят из Вашингтона. Корреспондент американской коммунистической газеты «Уоркер» Ричард Вуд. Я обращаюсь к вам в связи с предстоящим первым полетом трех советских школьников на планету Марс. Как нам стало известно, ваш сын Федор Дружинин вошел в первую тройку победителей. Это верно?

Д р у ж и н и н а. Да. Это так. Только это не мой сын, а мой внук. С вами говорит его бабушка. Его матери сейчас нет дома. Вы меня видите?

В у д. Конечно, вижу.

Д р у ж и н и н а. Я вас тоже...

В у д. Простите. *(Помолчав.)* Все наши газеты печатают сегодня на своих первых страницах сообщение о полете первых советских детей на Марс и портреты первой тройки, а также их биографии.

Д р у ж и н и н а. Уже печатают?

В у д *(продолжает).* Да. Все газеты. Американские школьники, впрочем, как и дети всего мира, поздравляют своих юных советских друзей и шлют им свой братский международный привет. Каждый ребенок Америки хотел бы быть сегодня на их месте. Не могли бы вы нам ответить на один вопрос? Будьте любезны, если это возможно!

Д р у ж и н и н а. На какой вопрос?

В у д. Нам известно, что Федор Дружинин — сын Героя Советского Союза, летчика-испытателя космолетов. Это правда?

Д р у ж и н и н а. Да. Это правда.

В у д. Что бы вы могли, как мать героя и как бабушка Федора Дружинина, передать миллионам читателей нашей рабочей газеты? Вы меня поняли? Должен я повторить вопрос?

Д р у ж и н и н а. Не надо повторять. Я вас поняла. Я не глухая.

В у д. Я записываю.

Д р у ж и н и н а. Передайте, что я горжусь своим сыном *(неожиданно для самой себя)* и внуком…

В у д. Благодарю вас. Большое спасибо, товарищ Дружинина! Желаю счастья вашей семье!

Экран гаснет. Лицо человека в очках исчезает. Дружинина опускает трубку на рычаг и медленно

садится.

Д р у ж и н и н а *(после паузы).* Так сколько же все-таки километров до вашего Марса?

Ф е д я *(осторожно).* Двести двадцать семь миллионов восемьсот тысяч километров!

Д р у ж и н и н а *(неожиданно).* Только со мной!

Ф е д я. Бабушка! Но ты же не прошла конкурс.

Д р у ж и н и н а. Ну и что из этого? Физически я совершенно здорова. Я ведь до сих пор плаваю, ныряю, прыгаю, бегаю и танцую! Управляю автомобилем! В конце концов, я вам могла бы пригодиться в этом путешествии. Кто вами занимается? От кого это зависит?

В передней раздается мелодичный звонок.

Ф е д я. Это уже мама. Бабуся! Уговори ее! Умоляю! Ты одна можешь! Пожалуйста.

Н а т а ш а. Мы вас тоже просим. Очень просим!

В а д и м. Теперь, после того как вы дали такое интервью корреспонденту американской газеты, отступление уже невозможно!

В передней продолжаются мелодичные звонки.

Д р у ж и н и н а *(Феде).* Да открой же матери дверь! Открой!

Федя выбегает. Все молча ждут.
Гаснет свет.

ПЕРВАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Появляются д в е д е в о ч к и. В руках у них большие цветные записные книжки.

П е р в а я д е в о ч к а. Ты думаешь, она тоже станет известной личностью?

В т о р а я д е в о ч к а. Безусловно. Она же его бабушка.

П е р в а я д е в о ч к а. Может быть, взять автографы вообще всех его родственников?

В т о р а я д е в о ч к а. Начнем пока с бабушки.

П е р в а я д е в о ч к а. Ты к ней подходишь и спрашиваешь: «Который час?»

В т о р а я д е в о ч к а. Нет, я лучше спрошу, как куда-нибудь пройти…

Появляется Д р у ж и н и н а.

Д р у ж и н и н а. Девочки! Вы не знаете, как пройти в Главное управление межпланетных сообщений и который теперь час?

Девочки растерянно переглядываются.

Вы знаете, кто я такая?

П е р в а я д е в о ч к а *(робея).* Знаем. Вы бабушка Феди Дружинина.

Д р у ж и н и н а. Как вы догадались?

В т о р а я д е в о ч к а. Мы не догадались, нам дворник сказал.

П е р в а я д е в о ч к а. И потом, вы очень на него похожи.

Д р у ж и н и н а. На дворника?

П е р в а я д е в о ч к а. Нет, на вашего внука. Вы, наверное, им очень гордитесь.

Д р у ж и н и н а. Не скрою. Приходится.

В т о р а я д е в о ч к а. Вы на нас не рассердитесь, если мы к вам обратимся с одной просьбой?

Д р у ж и н и н а. Вы хотите, чтобы я вас с ним познакомила?

П е р в а я д е в о ч к а. Нам было бы очень приятно с ним познакомиться, но сначала мы хотели бы…

В т о р а я д е в о ч к а. …чтобы вы расписались у нас в этих альбомах.

Д р у ж и н и н а. Зачем?

П е р в а я д е в о ч к а. Просто так. Как бабушка героя.

Д р у ж и н и н а. Ну что ж… Я распишусь! Я сама когда-то собирала автографы знаменитостей. У меня есть автограф первого космонавта Юрия

Гагарина. Он расписался на своей фотографии. Это было сорок лет тому назад. *(Расписывается в альбомах.)*

П е р в а я д е в о ч к а *(смотрит на автограф).* Поразборчивей, пожалуйста.

Д р у ж и н и н а. Я тут для ясности в скобочках написала: «Бабушка Феди Дружинина. Июль. 2001 год».

П е р в а я д е в о ч к а. Большое спасибо.

Д р у ж и н и н а. Так где же тут все-таки это Главное управление? Мне сказали, что за углом. А угла никакого нет!

В т о р а я д е в о ч к а. Может быть, там? *(Показывает.)*

П е р в а я д е в о ч к а. Пойдемте посмотрим!

Все уходят.

ВТОРАЯ КАРТИНА

Кабинет начальника Главного управления межпланетных сообщений Г. С. Титова. На столе портрет Юрия Гагарина. Карты Луны, Венеры, Марса. Большой глобус. Модели космолета и космоплана. Сложная аппаратура связи. В момент поднятия занавеса Т и т о в беседует с А р т а м о н о в ы м. На коленях академика ле-

жит теннисная ракетка.

А р т а м о н о в. Как я вам уже сказал, Герман Степанович, готовится решение правительства о направлении в Марсианск специальной группы астрогеологов, поскольку на Марсе обнаружены чрезвычайно ценные металлы, которых мало на Земле. Необходимо получить более точные данные об этих запасах. Но что для нас особенно привлекательно, так это то, что эти металлы, представьте себе, оказывается, чуть ли не в чистом виде! В наших земных условиях, как вы знаете, получить чистый металл крайне трудно, а тут, очевидно, их выплавка в процессе мироздания осуществлялась естественным путем.

Т и т о в. Выходит, Артем Иванович, не за горами то время, когда наша металлургия из промышленности, обслуживающей космос, может стать потребителем космического сырья?

А р т а м о н о в. И мы сможем использовать сырье прямо на месте, а не возить его с Земли. Вот, Герман Степанович, до каких времен мы с вами дожили! А ведь я отлично помню тот исторический день — полет вашего друга Юрия Гагарина.

Т и т о в *(серьезно).* Жаль, что он не дожил до наших дней. В Марсианске собираются установить памятник первому космонавту. И правильно.

Юрий заслужил его не только на Земле.

А р т а м о н о в *(помолчав).* Герман Степанович! А как вам нравится вся эта затея с юными космотуристами? Я ведь как член советской секции Большого жюри экзаменовал наших кандидатов на это сверхвысотное путешествие. Талантливые ребята! «Первая тройка», как их теперь называют. Лет тридцать тому назад любому из них можно было запросто присвоить звание кандидата наук. Разбираются во всех научных проблемах, и вполне профессионально… Меня просто удивляют логика их мышления и глубина знаний. Когда вы предполагаете осуществить этот необычный рейс? Он ведь, насколько я понимаю, не входит в расписание ваших рейсовых полетов?

Т и т о в. Вычислительный центр укажет точную дату. Нужно подобрать момент старта с учетом взаимного расположения Марса и Земли в Солнечной системе.

А р т а м о н о в. Чтобы в момент прохождения Марса через перигелий угол Земля — Марс был бы равен тридцати семи градусам?

Т и т о в. Вот именно. Нужно выбрать такую конфигурацию Земля — Солнце — Марс. Вот такие-то дела, Артем Иванович…

А р т а м о н о в. Ну что ж… Дела хорошие. Каждое утро просыпаюсь и думаю: «Что день грядущий нам готовит?» Да-а… Человек теперь властелин Вселенной, и нет силы, способной остановить его!

Т и т о в. Вот уже получил разрешение на полет первой тройки.

А р т а м о н о в. Мне, признаться, по душе это мероприятие. То, о чем я в своем далеком детстве мог только мечтать, теперь для детей действительность. Человек с планеты Земля стал жителем Солнечной системы. Еще лет тридцать тому назад был бы невозможен, к примеру, такой диалог: «Где вы прописаны?» — «На Земле». — «А где вы работаете?» — «На Марсе»… А сегодня такой диалог вполне реален. Чудеса!

В раскрытое настежь окно кабинета доносится далекий рев какого-то животного.

(Прислушивается.) Кто это там ревет?

Рев повторяется.

Т и т о в *(улыбаясь).* Последние цари на Земле! Львы! Тут недалеко зоопарк. Сейчас время кормления зверей, вот они и предвкушают…

Звучит зуммер. На большом экране аппарата

«Секретарь» вспыхивает свет. Появляется лицо Л е н о ч к и.

Л е н о ч к а. Герман Степанович, извините! В приемной первая тройка. Вы просили доложить, когда они придут.

Т и т о в. Пусть заходят. *(Артамонову.)* Если вы, Артем Иванович, никуда не торопитесь, по-присутствуйте! Проведу с ребятами небольшое собеседование.

А р т а м о н о в. К сожалению, не смогу. У меня в пятнадцать ноль-ноль тренировка.

Т и т о в *(улыбаясь).* Простите, Артем Иванович, сколько вам лет? Извините за нескромный вопрос.

А р т а м о н о в *(смеется).* Не угадаете! Сто десять лет, Герман Степанович. Сто одиннадцатый пошел! С тех пор как изобрели наш отечественный препарат долголетия «Жизнеин», возраст, как видите, не имеет уже значения. Вчера с олимпийцем Ваней Петренко сыграл вничью! Вызываю вас на корт! Вы-то в теннис играете?

Т и т о в *(улыбаясь).* Играю, Артем Иванович! Играю!

Входят Н а т а ш а, В а д и м и Ф е д я.

(Пожимая ребятам руки.) С академиком Арта-

моновым вы, ребята, кажется, уже знакомы?

Н а т а ш а. Конечно, знакомы.

А р т а м о н о в *(здороваясь с детьми).* Знакомство было не из приятных.

Ф е д я. Наоборот. Нам было очень приятно.

А р т а м о н о в. Не скрою, мне тоже доставило удовольствие общение со столь образованными собеседниками. Я имею в виду ваши знания по астронавигации. Доказательство этому — моя запись в ваших дипломах. *(Всем.)* Я прощаюсь. Желаю успехов! Летите, голуби! Летите! *(Выходит.)*

Т и т о в. Располагайтесь, голуби! *(Показывает на кресла.)*

Все садятся.

(Не сразу.) Ну так что ж... Значит, летим на Марс? Так, что ли? Земля уже надоела?

Ф е д я. Земля не может надоесть.

Н а т а ш а. Мы ведь не насовсем...

Т и т о в. Да уж возвращайтесь, пожалуйста!

В а д и м. За нами дело не станет.

Т и т о в. Ну, а как насчет согласия родителей? Благословляют?

Ребята протягивают бумаги. Титов рассматривает их.

Н а т а ш а *(объясняет).* У нас по две подписи, а у него *(показывает на Федю)* только одна. У него нет отца.

Т и т о в *(серьезно).* Я знаю.

Ф е д я. У меня тоже две подписи. Одна — бабушкина.

Т и т о в *(отложив в сторону бумаги).* Итак, друзья, путешествие вам предстоит необычное и не из ближних…

Н а т а ш а. Мы знаем.

Т и т о в. А что еще вы знаете?

Н а т а ш а *(опешив).* В каком смысле, что еще?

Т и т о в. Знаете ли вы, когда и как вы полетите?

В а д и м. Об этом мы догадываемся.

Т и т о в. Поделитесь со мной своими догадками.

Н а т а ш а. Наименьшее расстояние между Марсом и Землей бывает в момент великих противостояний.

Т и т о в. Точно.

Н а т а ш а. Последнее противостояние произошло в марте прошлого года.

Т и т о в. И это верно. Произошло. В марте прошлого года.

Н а т а ш а. Тогда расстояние Земля — Марс

было равно всего девяноста шести миллионам километров. Выходит, мы опоздали!

Т и т о в. Что поделаешь! Можно, конечно, ждать следующего противостояния…

Ф е д я. Долго ждать придется. Следующее будет лет через пятнадцать — семнадцать.

Н а т а ш а. Можно задать вопрос?

Т и т о в. Конечно. Конечно, задавайте любые вопросы! Чтоб не осталось ни одного невыясненного!

Н а т а ш а. Практически наш полет зависит сейчас от рационального выбора траектории перелета вне сфер действия планет.

Т и т о в. Вот именно. Этими расчетами мы как раз сейчас и занимаемся.

Н а т а ш а. Сколько времени мы будем в пути? Приблизительно.

Т и т о в. Итак, весь путь туда и обратно, с тем чтобы некоторое время пробыть на Марсе, займет ориентировочно около двух лет… Вы со школой всё уладили?

В а д и м. Мы досрочно сдали все выпускные экзамены и фактически окончили школу.

Т и т о в. Прекрасно. Ну, а что вы знаете о самом Марсе?

Ребята недоуменно переглядываются.

Н а т а ш а. Мы всё о нем знаем. Пожалуйста! Марс старше Земли на несколько миллиардов лет. Климат там очень суровый. Его атмосфера сильно разрежена и в большей своей части состоит из азота, углекислоты и небольших долей пара и озона. Днем на Марсе тепло…

В а д и м *(продолжает).* …А ночью очень холодно. Поэтому условия для жизни людей с Земли тяжелые, но… все равно нам очень интересно там побывать и все увидеть своими глазами.

Т и т о в. А что вы знаете о Марсианске?

Ф е д я *(вдохновенно).* Марсианск — это поселок, построенный советскими строителями, инженерами и учеными… Он находится под гигантским сферическим куполом. Под этим самым куполом создана искусственная земная атмосфера, потому что на Марсе почти нет кислорода, а людям надо жить и работать в условиях, приближенных к земным. В различных частях поселка стоят специальные установки, разлагающие углекислый газ на углерод и свободный кислород…

В а д и м *(продолжает).* А в толщине купола вмонтированы миллионы полупроводников, которые днем запасаются энергией от Солнца, а ночью отдают ее городу.

Н а т а ш а. Дома там круглые, из прозрачного

материала и весят всего несколько десятков килограммов.

Т и т о в. А почему так?

В а д и м. Вы же знаете, Герман Степанович, что марсианское притяжение в несколько раз меньше земного и поэтому строительные конструкции легче земных.

Т и т о в. Я вижу, друзья, вы хорошо подготовились. А теперь позвольте я вам расскажу, как вы полетите. Подойдите-ка сюда! *(Выходит из-за стола, подходит к модели космоплана.)* Вот, посмотрите!

Ребята становятся рядом.

Перед вами космоплан. На таком же и вы полетите. Он будет вашим домом и вашим транспортом. При подлете к планете назначения космоплан при помощи тормозных двигателей замедлит движение и станет спутником планеты. В данном случае планеты Марс. Ясно?

Н а т а ш а, В а д и м, Ф е д я. Ясно…

Т и т о в. Вы понимаете, что нет никакой необходимости в том, чтобы корабль опускался на поверхность планеты?

Ф е д я. Для этого понадобился бы слишком большой расход топлива.

Т и т о в. Молодец! На Марс вас доставит специальная посадочная ракета, и она же доставит вас обратно на космический корабль.

Н а т а ш а. Космоплан станет спутником Марса, а потом состыкуется с посадочной ракетой?

Т и т о в. Правильно. Затем вы перелетите с орбиты искусственного спутника Марса на околоземную космическую станцию, и уже тогда вас будет принимать Земля. Управлять космопланом будет служба Земли. Вас отвезут и привезут. Но вы, конечно, не пассивные пассажиры! Ваши личные технические навыки в пределах необходимого обеспечат вам радио- и телесвязь с Землей в течение всего полета. Вы будете принимать команды с Земли и точно следовать всем указаниям. Соответствующие знания в этой области у вас есть. Важно, чтобы вы сами обеспечили себе на корабле хорошую атмосферу моральной связи — дружескую солидарность и взаимопонимание. Лететь вам вместе не один день и не два… Вы давно знаете друг друга?

Ф е д я. Порядочно. Уже два года.

В а д и м. Мы познакомились и подружились во время конкурса.

Т и т о в *(серьезно).* Дело в том, друзья, что личные контакты во время такого длительного

полета в условиях тесного космического общежития — весьма немаловажный фактор. В космосе вы должны быть лучше, чем на Земле. Характеры-то у вас, надеюсь, покладистые?

Н а т а ш а. Как будто. Мы друг другу не завидовали.

Ф е д я. Помогали…

Т и т о в. Здоровье у вас отличное. Знания совершенные. Все необходимые испытания вы прошли на «отлично». Что еще? Теперь ждите старта! Будьте готовы!

Н а т а ш а, В а д и м, Ф е д я. Всегда готовы!

Титов провожает ребят. Вернувшись к своему рабочему столу, включает аппарат связи.

Т и т о в. Аркадий Сергеевич! Как там у нас обстоит дело с отправкой оборудования на Марс?

М у ж с к о й г о л о с. Вчера ушла третья ракета. Через неделю посылаем еще пяток.

Т и т о в. Держите меня ежедневно в курсе дела.

М у ж с к о й г о л о с. Хорошо, Герман Степанович!

Т и т о в. У вас ко мне ничего нет?

М у ж с к о й г о л о с. Когда вы намечаете нулевой старт?

Т и т о в. У вас там все в порядке?

М у ж с к о й г о л о с. Светотехнические неполадки устранены. Аппаратура действует нормально.

Т и т о в. Ждите указаний.

М у ж с к о й г о л о с. Есть ждать.

Титов подходит к стене, на которой висит карта Марса. Задумывается.

Гаснет свет.

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

Этой картине предшествует проход наших героев по авансцене по направлению к предполагаемой стартовой площадке. Н а т а ш а, В а д и м и Ф е д я в костюмах космонавтов. Их сопровождает Р а б о т н и к к о с м и ч е с к о й с л у ж б ы. Затем по радио звучит команда: «Всем покинуть стартовую зону! Повторяю: всем покинуть стартовую зону! Приготовиться к старту! Убрать фермы обслуживания!.. Одна минута до старта… Тридцать секунд… Десять… Девять… Восемь…. Семь… Шесть… Пять… Четыре… Три… Две… Одна… Старт!»

Вступает музыка. Встревоженное, бурное начало, характеризующее старт космоплана, пе-

реходит в плавное звучание космического полета. Перед зрителем возникает комфортабельная кабина космического корабля конструкции начала XXI века. Сложная автоматическая аппаратура космоплана находится в действии — мигают и зажигаются разноцветные лампочки, по шкалам бегут светящиеся строчки цифр и формул. Юные космонавты прильнули к большим иллюминаторам.

Н а т а ш а. Как красиво! Как в сказке! Ребята! Помните выставку — космический пейзаж космонавта Алексея Леонова? Точно как у него!

Ф е д я. Ничего удивительного. Он же почти с натуры писал.

Н а т а ш а. Не с натуры, а по памяти. Во время полета он не мог рисовать. Ой, что это пролетело?

В а д и м. Это астероид!

Ф е д я. Смотрите, смотрите! Протуберанцы!

Н а т а ш а. Здорово красиво! Просто потрясающе! А это? Что это?

В а д и м. Искусственный спутник!

Ф е д я. Не спутник, а межпланетная станция! А вон там спутник!

Н а т а ш а. Где? Где?

В а д и м. Пролетел уже. Ребята! Время! По-

слушаем «Последние известия». *(Включает телерадио.)*

На экране возникает лицо Диктора-женщины.

Диктор. Париж. Конгресс наций. Сегодня, на утреннем заседании, большинством голосов было принято предложение, внесенное от имени правительства Советского Союза советским представителем товарищем Столбовым, об открытии государственных границ во всех странах мира для беспрепятственного передвижения граждан Земли.

Вадим. Теперь покупай билет на космолет и лети в любую часть света! Здорово!

Диктор. Нью-Йорк. На днях сюда после трехмесячного пребывания на Луне возвратилась группа американских ученых во главе с профессором Генри Батлером.

Марсианск. Советскими учеными, работающими по плану внеземных изысканий на планете Марс, обнаружены естественные запасы ценных металлов в чистом виде. Ведутся дальнейшие изыскания.

Вадим. Интересно, что за металлы?

Федя. Прилетите — узнаете.

Д и к т о р. Передаем сводку погоды…

В а д и м *(помолчав).* Странно, почему это о нашем полете ничего не передают. Ни слова.

Н а т а ш а. Может быть, ограничились только сообщением о нашем старте, а мы его пропустили? Федя, как ты думаешь?

Ф е д я *(равнодушно).* Земле лучше знать, что сообщать, а что замалчивать.

В а д и м. Какое сегодня число?

Ф е д я. Восьмое августа.

В а д и м. Вторую неделю летим.

Ф е д я *(вздыхая).* Да-а… Летим…

В а д и м. Чего так тяжело вздыхаешь?

Ф е д я. Так просто. Вздохнулось…

Н а т а ш а. Мне как-то не по себе…

В а д и м. Может, ты простудилась? Смотри, Наташа, перезаразишь нас космическим гриппом.

Н а т а ш а. Я вообще не простужаюсь. Наверное, просто так… Немного понервничала.

Ф е д я. У тебя-то какая причина нервничать?

Н а т а ш а. Так… Кое-что вспомнила.

В а д и м. Что именно? Поделись!

Н а т а ш а. Про своего Марсика. Как про него подумаю, так меня сразу в жар бросает. Просто не понимаю, как я забыла сказать маме, чтобы она отдала его дедушке на воспитание. Все-таки щен-

ку всего три месяца. За ним нужен особый уход.

Ф е д я. А за твоим дедушкой не нужен уход?

Н а т а ш а. Ничего. Он у меня старой закалки, как Герман Степанович! Как вы думаете, мы могли бы Марсика взять с собой? Жалко, не спросили! Помните, Титов говорил: «Задавайте вопросы!» А этот вопрос мы не выяснили. Интересно, что бы он нам ответил? Вдруг разрешил бы? Ведь летали же когда-то в космос Лайка и другие.

В а д и м. Это было бы смешно: первый пес на Марсе! И к тому же Марсик! Там ведь наверняка нет ни собак, ни кошек.

Ф е д я *(мрачно).* Откуда ты знаешь? Может, уже развелись!

В а д и м. А зачем они там? Мышей и крыс там нету, а марсиане народ мирный и честный, что им друг от друга сторожить?

Н а т а ш а. Совсем необязательно держать собаку только как сторожа. Собака вообще друг человека. А кошек тоже многие держат в доме не из-за мышей и крыс, а как средство против одиночества.

Ф е д я *(неожиданно).* Какую вы ерунду мелете! Послушал бы сейчас Герман Степанович ваши разговорчики, он бы сделал выводы. Серьезные, образованные люди, а болтаете бог знает что!

(Наташе.) Может, записать твои переживания в бортовой журнал? Сейчас как раз время записывать.

Н а т а ш а *(обиженным тоном).* Можешь записать.

Ф е д я. Записываю. *(Записывает.)* «Восьмое августа 2001 года. Тринадцать ноль-ноль по московскому времени. Бортовая аппаратура работает нормально. Наташа Печатникова почувствовала легкое недомогание. Приведенные доводы: «Воспоминание о трехмесячном щенке системы…» *(Наташе.)* Какой системы?

Н а т а ш а. Не системы, а породы эрдельтерьер!

Ф е д я *(записывает).* «…системы эрдельтерьер, по кличке Марсик, оставленном ею на произвол судьбы». Записал.

Н а т а ш а. Прочитал бы эту запись Герман Степанович, он бы сделал вывод, что космотурист Федор Дружинин тоже почувствовал легкое недомогание в области умственных способностей. Здесь! *(Стучит себе пальцем по лбу.)* Ну ладно, кормить мне все равно вас придется. Небось проголодались? Уже время обедать!

В а д и м. Да, товарищ стюардесса-космодресса! Кормите!

Н а т а ш а. А вы включите радио!

Наташа достает продукты. Подает каждому специальный подносик с отделениями, в которых размещены тюбики с концентратами пищевых продуктов. Все садятся на свои места, располагаются в удобных креслах и едят. По радио звучит известная песня 60-х годов: «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы».

З а т е м н е н и е

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА

Из затемнения. Кабина космического корабля. Н а т а ш а, В а д и м и Ф е д я сидят на своих местах. Ведут наблюдения, делают записи.

В а д и м *(отвлекаясь от приборов).* Химия — это один из четырех китов современной науки. Она давно вышла из младенческого возраста. Раньше она была экспериментальной, а сейчас химики проникают в мир первовещества, раскрывают механизм химических реакций.

Ф е д я. Химия! Химия! А что она без математики? Они вооружены самым мощным оружием — математикой! Нельзя открывать новые вещества и материалы случайно, их свойства заранее рас-

считываются.

В а д и м. Кто с этим спорит! Мой папа химик, и он всегда говорит, что в его работе главное — безукоризненно логичный математический расчет.

Н а т а ш а. Космические исследования немыслимы без механики. Да. Небесная механика — это, так сказать, космический отдел математики. Я тоже думаю, что математика — это есть второй из четырех китов, на которых держится все современная наука.

Ф е д я. Это уж точно…

Вадим включает музыку. Звучит приятная, успокаивающая мелодия. Бесшумно работает автоматика.

Н а т а ш а *(нарушая молчание).* Какое сегодня число? Пятнадцатое?

В а д и м *(не сразу).* Пятнадцатое.

Н а т а ш а *(тихо).* Теперь уже ровно две недели летим.

Ф е д я *(бормочет).* «Летите, голуби, летите…»

И вдруг раздается сигнал тревоги. Вспыхивает и гаснет красная лампочка. На световой блок-схеме навигации один «квадратик» (астроориентатор) работает в проблесковом режиме. Вадим включает связь с Землей.

Н а т а ш а. Что там, Вадим?

В а д и м *(отвечает Земле).* Я — «Пионер-один»! Слышу вас хорошо. Я вас понял.

Н а т а ш а. Что случилось?

В а д и м *(стараясь оставаться спокойным).* Обнаружен отказ автоматической части системы навигации. Это может привести к отклонению от заданной траектории полета. Наташа! Уточни, пожалуйста, на вычислительной машине наши координаты.

Наташа подходит к секстанту, установленному у иллюминатора, и замеряет координаты звезд.

Н а т а ш а. Федя! Записывай. Созвездие Большого Пса: Альфа Пса — лимб двести тридцать градусов, сектор тридцать градусов; Бета Пса — лимб двести двадцать градусов, сектор пятьдесят один градус; Эпсилон Пса — лимб сто восемьдесят градусов, сектор двадцать семь градусов…

Ф е д я. За последние трое суток пятая тревога.

Наташа забирает у Феди бортжурнал и начинает оперировать клавишами бортовой вычислительной машины.

В а д и м. Странно. Я вообще ничего что-то не

понимаю. То одно, то другое…

Ф е д я *(напевает себе под нос).* «Летите, голуби, летите…»

Н а т а ш а *(взволнованно).* Ребята! Наши координаты не сходятся с расчетами!

Земля вызывает «Пионер-1».

В а д и м. Я — «Пионер-один». Слышу вас хорошо.

Пауза.

Настроение экипажа?

Н а т а ш а *(подсказывает).* Бодрое! Бодрое!

В а д и м *(Земле).* Настроение экипажа бодрое… Я вас понял: действовать согласно аварийной инструкции. Я вас понял… *(Выключает связь.)*

Ф е д я *(спокойно).* Мы попадаем в аварийную обстановку. Отклонение больше чем несколько метров в секунду.

Н а т а ш а. Вадим, ты слышишь?

Ф е д я. Где-нибудь да сядем!

Н а т а ш а. Что ты говоришь?.. «Где-нибудь да сядем!»… Мы вообще можем оказаться неизвестно где в этом безвоздушном пространстве. Вы, пожалуйста, не подумайте, что я паникую. Я просто мыслю логически. Федя!

Ф е д я. Ну что тебе? *(Что-то записывает.)*

Н а т а ш а. Я всегда была уверена в том, что системы управления наших космических кораблей работают весьма надежно.

В а д и м *(принимает команду Земли).* Я — «Пионер-один»! Слышу, вас понял хорошо. Принимаю команду Центра. *(Слушает.)* Я вас понял. Я вас понял. *(Выключает связь.)*

Н а т а ш а. Ну что? Какая команда?

В а д и м *(спокойно и решительно).* Нас возвращают на Землю.

Н а т а ш а *(с удивлением).* Нас возвращают на Землю?

В а д и м. Да. Наш полет прерывается по техническим причинам. Команда дана от имени Титова.

Н а т а ш а *(разочарованно).* Вот это да-а… Летели, летели и прилетели…

Ф е д я. Еще не прилетели. Надо еще благополучно приземлиться. Ну ничего… Приземлимся…

Н а т а ш а. Федя! Я на тебя смотрю и удивляюсь!

Ф е д я. Я весь во власти Земли! Что я могу сделать? Не могу же я выпрыгнуть из кабины и лететь на Марс самостоятельно?

Звездное небо внезапно гаснет.

Наташа *(неожиданно).* Ребята! Ребята! Смотрите! Что это? Мы остановились!

Приборы выключаются. Открывается крышка люка, и появляется голова Работника космической службы.

Работник космической службы. Вылезайте, ребята! Приехали! Поздравляю с завершением последнего испытания!

Немая сцена.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЯТАЯ КАРТИНА

Зоопарк. Солнечный день. Тенистые деревья. Яркие цветы. За ограждением видна часть острова, где живут львы. Время от времени из разных уголков зоопарка доносятся голоса птиц и животных. Появляются д в е д е в о ч к и.

П е р в а я д е в о ч к а. Честное слово, это они — первая тройка. Я их сразу узнала.

В т о р а я д е в о ч к а. Давай пройдем еще раз мимо бегемотов. Они там стояли.

П е р в а я д е в о ч к а. И попросим дать нам автографы.

В т о р а я д е в о ч к а. Но они же еще не слетали на Марс!

П е р в а я д е в о ч к а. Но они уже знаменитые! Это же первая тройка!

Проходят.

Сцена некоторое время пуста. Затем появляются Н а т а ш а, В а д и м и Ф е д я. Ребята садятся на скамью. Наташа подходит к ограждению.

Н а т а ш а *(после паузы).* Лев спит…

В а д и м. Нарочно закрыл глаза, чтобы не видеть любопытных посетителей.

Н а т а ш а *(присматривается).* Храпит.

В а д и м. Притворяется.

Н а т а ш а. Спит. *(Садится рядом с мальчиками.)*

В а д и м *(помолчав).* Называется запустили! Вместо Марса в зоопарк! Спасибо, что не в клетку!

Н а т а ш а. А мы фактически были в клетке. Только мы были не львами, а подопытными кроликами. Выращивали космические помидоры, ждали космических огурчиков, смотрели в иллюминатор, а нас, дурачков, просто-напросто разыгрывали. И не час, не два, а целых две недели. За окошечком то голубое, то розовое… Вспоминать противно!

В а д и м. Но надо им отдать должное. Все было хорошо продумано: и работа приборов, и ощущение невесомости, и световые эффекты, приближенные к реальной космической обстановке. Здорово! Ничего не скажешь!..

Н а т а ш а. И все равно обидно. Неужели нельзя было обойтись без этого цирка? Непонятно, чего они только добивались?

Ф е д я. Они проверяли нас на дружбу и товарищество в условиях космического общежития.

В а д и м. Жестокая проверка. Мы же никуда не отрывались от Земли. Что ж тут шуметь на весь свет?

Н а т а ш а. А помните момент старта? У меня было полное ощущение, что мы оторвались и летим.

В а д и м. Да, эффект был потрясающий. Вот что значит совершенная техника. Кто бы мог подумать, что все это понарошку!

Н а т а ш а. Имитация. Да еще какая! Бессовестная! Я думаю, что они напрасно тратили на это время и силы. Нас можно было запустить на Марс и не прибегая к таким обманам. И вообще выходит, что они нам не доверяли. Федя! Что ты все время молчишь?

Ф е д я. Говорят ведь: «Доверяй, да проверяй!» Вот они и проверяли.

Н а т а ш а. Так проверять нечестно.

Ф е д я. Почему? Они хотели понаблюдать, как мы будем себя вести при аварийной обстановке.

Н а т а ш а. И все?

Ф е д я *(продолжает).* Как мы общаемся друг с другом. Помнишь, Титов сказал, что личные контакты в условиях длительного полета нема-

ловажный фактор? Представим себе, что начали бы вдруг ссориться из-за пустяков. Не говоря уже о серьезных вещах.

В а д и м. Ну и что было бы? Нас бы отстранили от полета?

Ф е д я. Не исключаю. В земных условиях это проверить было бы трудно. Вот они и создали нам космические.

Н а т а ш а. Космические... Надеюсь, мы выдержали проверку?

В а д и м. Надеюсь.

Н а т а ш а. И теперь мы уж полетим по-настоящему или они нам еще что-нибудь подстроят?

Ф е д я. Вот уж тут я ничего не могу предвидеть.

Появляются д в е д е в о ч к и. Они, как бы никого не замечая, подходят к ограждению.

П е р в а я д е в о ч к а *(читает вслух надпись на табличке).* «Лев, кличка Лунатик. Редкий экземпляр. Подарен Московскому зоопарку Всеафриканским союзом охотников в 1987 году».

В т о р а я д е в о ч к а. Он что, спит или умер?

П е р в а я д е в о ч к а. По-видимому, послеобеденный сон. Он же дышит.

В т о р а я д е в о ч к а. Интересно, чем его кор-

мят?

П е р в а я д е в о ч к а. Кроликами. *(Первой тройке.)* Ребята! Вы не знаете, он скоро проснется?

В а д и м. Мы сами ждем.

В т о р а я д е в о ч к а. А разбудить его нельзя?

В а д и м. Там же надпись: «Просьба животных во время сна не тревожить!»

П е р в а я д е в о ч к а *(второй).* Тогда пойдем к обезьянам! Может быть, они не спят. Ты слышала, на Венере обнаружены колоссального размера животные, похожие на наших крокодилов?

В т о р а я д е в о ч к а. Что ты говоришь!

Уходят.

Н а т а ш а. Вы думаете, их этот дремучий лев заинтересовал? Просто они нас узнали. Сейчас вернутся и попросят автографы. Вот увидите!

Ф е д я. Да. Конечно. Они нас узнали.

В а д и м. Я очень красиво расписываться научился.

Н а т а ш а. Не дури! Нет, правда, когда же мы полетим по-настоящему?

В а д и м. Сегодня, наверное, узнаем. Ребятишки, а мы не опаздываем? Который час?

Ф е д я. Без десяти три.

В а д и м. Титов назначил нам прийти в пятнадцать тридцать. Время еще есть.

Н а т а ш а *(кивает в сторону спящего льва).* Может, он все-таки проснется?

Ф е д я. А почему тебе так хочется, чтобы он обязательно проснулся? Пусть себе спит на здоровье и смотрит свои африканские сны.

Н а т а ш а. Я хотела бы заглянуть ему в глаза.

В а д и м. Ну и что бы ты в них увидела?

Н а т а ш а. Мне бы хотелось посмотреть на их выражение. Что они выражают: благодарность судьбе или тоску по свободе? Все-таки уже тринадцать лет в заточении.

В а д и м. Не в заточении, а в условиях, приближенных к африканскому пейзажу: песок, скалы… И потом, бытие определяет сознание. Его кормят, и он счастлив — не нужно охотиться.

Ф е д я *(неожиданно).* Ребята, я должен вам сказать что-то очень важное.

Н а т а ш а. Да ну? Неужели?

Ф е д я. Честное слово!

В а д и м. А что именно?

Ф е д я. Очень важное.

Н а т а ш а. Сообщить какую-нибудь новость?

Ф е д я. Да, новость.

В а д и м. Говори. Не интригуй!

Ф е д я *(серьезно).* Вы должны сначала дать клятву, что на меня не обидитесь!

В а д и м. Клятву? Какую еще клятву?

Ф е д я. Поклянитесь самым дорогим!

В а д и м. Что это еще за глупости!

Ф е д я. Это не глупости. Это касается нас всех.

Н а т а ш а. Ты хочешь сказать, что мы вообще никуда не полетим? Что полет отменен? Марса не будет?

В а д и м. Это связано с нашим стартом?

Ф е д я. Отчасти.

В а д и м. Ну говори скорей!

Ф е д я. Сначала поклянитесь, что не обидитесь на меня.

Н а т а ш а. Пожалуйста! Давай, Вадик, поклянемся! Клянусь здоровьем дедушки. Учтите, что ему девяносто лет и он был участником Великой Отечественной войны! Клянусь, не обижусь!

В а д и м. Клянусь своим местом победителя! Пусть вместо меня летит кто угодно! Клянусь, не обижусь!

Ф е д я *(не сразу, очень медленно).* Ребята! Если старт состоится, то без меня.

Большая пауза.

Н а т а ш а. Что ты сказал? Повтори!

Ф е д я. Я не полечу на Марс. Понятно?

В а д и м. А мы?

Ф е д я. А вы полетите.

Н а т а ш а. Полетим без тебя? Вдвоем?

Ф е д я. Очевидно.

Н а т а ш а. Что случилось?

Ф е д я. Ничего не случилось. Вы полетите, а я останусь.

Н а т а ш а. Мама?

Ф е д я. Нет.

В а д и м. Струсил?

Ф е д я. Ну вот еще! С чего бы это? Ничего я не струсил.

Н а т а ш а. Ну тогда почему же вдруг… отказываешься? Что-нибудь очень серьезное?

Ф е д я. Очень.

В а д и м. И ты не можешь сказать причину?

Ф е д я. Не скажу.

Появляются д в е д е в о ч к и.

П е р в а я д е в о ч к а. Ребята! Он еще не проснулся?

Ребята не отвечают.

В т о р а я д е в о ч к а. Тогда пойдем к попугаям. Там есть один очень образованный. Разговарива-

ет на трех языках.

Первая девочка. Наверное, ругается неприличными словами…

Вторая девочка *(неожиданно, Наташе).* Девочка! Вы Наташа Печатникова?

Наташа. Да. А что?

Вторая девочка *(смущаясь).* Вы бы не могли дать нам свой автограф? *(Ребятам.)* И вы тоже. Мы вас сразу узнали. Вы — первая тройка!

Вадим. А на чем вам расписаться?

Первая девочка. На чем-нибудь.

Вадим. На чем-нибудь мы не расписываемся.

Вторая девочка. Ой! А вы еще тут посидите? Мы сейчас в киоске купим открытки, и вы на них распишетесь.

Девочки убегают.

Наташа. Что я говорила! Пошли! Глупо в нашем положении давать еще какие-то автографы…

Все поднимаются.

Федя. Вы поняли, что я сказал? Я не могу лететь. И не могу сказать, почему. Не имею права…

Все уходят. Проснувшийся лев громко рычит.
Гаснет свет.

ВТОРАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Д е в о ч к и прохаживаются по авансцене.

П е р в а я д е в о ч к а *(после паузы).* Ты представляешь себе, сколько автографов он дал за свою жизнь! Ему просто, наверное, надоело расписываться.

В т о р а я д е в о ч к а. Он может нам отказать. А без его подписи наша коллекция будет намного беднее.

П е р в а я д е в о ч к а. Я с тобой согласна. Нам необходимо собрать автографы всех людей, которые так или иначе связаны с этим выдающимся полетом. Двадцать подписей у нас уже есть. Даже академик Артамонов и тот исписал целую страницу.

В т о р а я д е в о ч к а. Я думаю, можно взять автограф даже у вахтера, который пропускает в Главное управление. Я с ним разговорилась, и он сказал, что каждый день лично их пропускает. Тоже как-никак живой свидетель.

П е р в а я д е в о ч к а. Это будет уникальный подбор автографов.

В т о р а я д е в о ч к а. Только бы нам его не пропустить. И пусть распишется на чистой стра-

ничке. Отдельно от всех. Как ты ему скажешь?

Первая девочка *(подумав).* Я скажу так: «Герман Степанович! Извините, пожалуйста, но мы бы очень хотели просить вас дать нам автограф».

Вторая девочка. Это очень длинно. По-моему, чем проще, тем лучше. Ты можешь даже не успеть все это выпалить, как он пройдет мимо.

Первая девочка. А ты что предлагаешь?

Вторая девочка. Ему же не в первый раз давать автографы. Надо его остановить — это во-первых, а во-вторых… Идет!

Появляется Титов. Девочки идут ему навстречу. Они явно робеют. Титов молча протягивает руку к записным книжкам подруг и, ни слова не произнося, расписывается в них. Молча уходит. Девочки, недоумевая, смотрят ему вслед.

ШЕСТАЯ КАРТИНА

Обстановка второй картины. Титов и Павловский ведут беседу.

Павловский. Стало быть, Герман Степанович, ребята и это испытание выдержали?

Титов. И причем с отличными показателями. Вот, взгляните на их электроэнцефалограм-

мы. *(Показывает, поясняет.)* Вспыхнул сигнал тревоги, ребята реагируют на сигнал опасности — кривая взметнулась. Опасность ликвидирована — альфа-ритм успокаивается. Понятно?

П а в л о в с к и й. Да, да, понятно.

Т и т о в. А теперь посмотрите на эти записи. Что вы видите? В них отражены эмоции наших ребят. Наташа реагировала на сигналы тревоги более активно, чем ее товарищи. Однако самообладания не теряла. Вадим сдержан, решителен. Федор Дружинин, я бы сказал, более чем спокоен. Его нервное и психическое состояние в критический момент не соответствует раздражителю. Сердечный ритм ни разу не нарушался… Какой-то феномен! Итак, последний, наиболее щепетильный эксперимент завершен. Пионерский экипаж готов к длительному полету в космос.

П а в л о в с к и й. Мы очень рады. Горком комсомола придает этой экспедиции большое значение. Кстати, ребята должны доставить на Марс почетные грамоты ЦК ВЛКСМ строителям Марсианска.

Т и т о в *(шутит).* И красные галстуки юным марсианам?

П а в л о в с к и й *(серьезно).* Кто знает, может быть, когда-нибудь придется посылать и галсту-

ки. В наше время ни за что нельзя ручаться.

Т и т о в *(улыбаясь).* Сами-то небось хотели бы совершить подобное путешествие?

П а в л о в с к и й. Еще бы! Мечта! Но, к сожалению, вряд ли осуществимая. Я лично такого конкурса не выдержал бы, а специальность у меня самая немарсианская: я по образованию ветеринар.

Т и т о в. Простите, вы какого года рождения?

П а в л о в с к и й. Тысяча девятьсот семидесятого. Родился в год столетия великого Ленина.

Т и т о в. В хороший год вы родились! Какой это был подъем духа, мысли и труда!.. Всенародное торжество, охватившее всю страну, всех, от мала до велика. Хотя международная обстановка была тогда тревожной… Американская агрессия во Вьетнаме… События на Ближнем Востоке… Насилие, убийства, террор… В Греции — фашизм… Время военных авантюр и политических заговоров, роковых покушений на жизнь прогрессивных деятелей — и время величайших научных открытий, время неустанной, героической борьбы всех честных людей за единство и за мир на земле… Время реакции и прогресса. И вот мы с вами сегодня, в двадцать первом веке, живые свидетели всепобеждающих ленинских

идей! Какое это счастье — отправлять наших юных питомцев на далекую планету. Здорово!

П а в л о в с к и й. Согласен, Герман Степанович!

Т и т о в. Кстати, пора бы уже и явиться нашим питомцам.

Включает аппарат «Секретарь». На экране лицо Л е н о ч к и.

Л е н о ч к а. Я вас слушаю, Герман Степанович!

Т и т о в. Леночка! Там кто-нибудь ждет?

Л е н о ч к а. Представитель Географического общества товарищ Воробейчик и первая тройка. Я полагала, вы заняты…

Т и т о в. Птичка обождет, а тройка пусть въезжает. *(Выключает аппарат. Искренне.)* Испытываю некоторую неловкость. Как-никак ребятам нанесена психологическая травма. Больше всего им обидно, вероятно, не то, что их вернули на Землю, прервав полет, а то, что вообще полета как такового не было! Просто была запланирована хорошо продуманная научная игра. Но тут уж ничего не поделаешь, надо было им пройти и через это…

Входят Н а т а ш а, В а д и м и Ф е д я. Вид у них потерянный. Титов и Павловский выходят

из-за стола, пожимают всем руки.

П а в л о в с к и й. Здравствуйте, ребята! Будем знакомы! Павловский Николай, из горкома комсомола. Поздравляю вас от всей души, от имени комсомола столицы и от себя лично!

В а д и м *(мрачно).* С чем?

П а в л о в с к и й. Не скромничайте, не скромничайте! Разве так уж и не с чем поздравить? С удачным завершением последних испытаний и с предстоящим полетом на Марс!

Ребята молчат. Мнутся на месте.

Т и т о в. Садитесь, друзья! Поговорим по душам.

Все садятся. Большая пауза. Титов включает аппарат «Секретарь». На экране лицо Л е н о ч к и.

Т и т о в. Леночка! Организуйте нам, пожалуйста, чаю, что ли, или кофе… фруктов там каких-нибудь, конфет…

Л е н о ч к а. Сейчас, Герман Степанович!

Т и т о в *(не сразу).* Ну? Как настроение?

Н а т а ш а *(вяло).* Ничего. Хорошее.

Т и т о в *(лукаво).* Хорошее или удовлетворительное? Если честно!

Н а т а ш а. Удовлетворительное.

Т и т о в. Удовлетворительное или плохое? Если честно!

Н а т а ш а *(выдавив из себя улыбку).* Плохое.

Т и т о в. Я так и думал, ребята, что вам это будет морально тяжело.

В а д и м. Ну раз надо было…

Т и т о в *(серьезно).* А вели вы себя превосходно. Одним словом, замечаний нет.

Л е н о ч к а вносит поднос с угощением. Ставит все на стол и, улыбнувшись ребятам, выходит.

Налегайте, ребята! Не стесняйтесь! *(Берет себе яблоко.)* Теперь могу сообщить вам точную дату уже настоящего старта: первое сентября две тысячи первого года. Через две недели. И уж тут без подвоха, честное стариковское!

П а в л о в с к и й. Подтверждаю! Честное комсомольское!

Т и т о в *(показывая на фрукты).* Давайте, давайте, ребята!

Наташа сосредоточенно чистит апельсин. Вадим грызет бублик. Павловский помешивает ложечкой в стакане чай. Федя мрачно играет с бумажной салфеткой.

П а в л о в с к и й *(нарушая молчание).* У нас на

днях состоится встреча в горкоме. Хотим вам дать ответственное поручение: вручить почетные грамоты ЦК комсомола первым строителям Марсианска. Кстати, вы тоже награждены такими грамотами и значками. Они будут вам вручены при встрече.

В а д и м. Какими значками?

П а в л о в с к и й. Победителей конкурса.

В а д и м. Спасибо.

Т и т о в. Нет, я вижу, что у вас еще не отлегло от сердца. Вот ты, Федя, чего нос повесил?

Н а т а ш а *(собравшись с духом).* Герман Степанович! А ведь у нас ЧП!

Т и т о в. Какое ЧП?

Н а т а ш а. Дружинин отказывается от полета.

П а в л о в с к и й *(поперхнувшись чаем).* Э… э…

Т и т о в *(с удивлением).* Отказывается? Неужто? Я хотел бы от него самого услышать это. Возможно ли?

Ф е д я *(глухо).* Нет, верно, я не могу лететь.

Т и т о в. То есть как это?

Ф е д я. Не могу, и все…

Т и т о в. Это, брат, не ответ. Как это так «не могу»! Два года готовился, стал победителем конкурса, прошел все испытания, и вдруг на́ тебе — «не могу». Что случилось?

Федя молчит.

Но сказать почему, ты, надеюсь, можешь?

Ф е д я. Не могу.

Т и т о в. И вы тоже не знаете, почему ваш товарищ отказывается от полета?

В а д и м. Не знаем.

Н а т а ш а. Он не говорит.

П а в л о в с к и й *(обретая дар речи).* Герман Степанович! Кто же тогда полетит вместо него?

Т и т о в. Есть кому лететь-то. Вторая тройка наготове. Но это не главное! Почему же все-таки Федор Дружинин считает возможным так подвести своих товарищей?

Ф е д я *(горячо).* Я никого не хочу подводить и не подвожу. Если бы я хотел… *(Замолкает.)*

Т и т о в. Договаривай, договаривай! Если бы хотел, то что?

Ф е д я *(помолчав).* Ничего.

Т и т о в *(ходит по комнате).* Ну и загадки ты нам тут задаешь, молодой человек! Я должен тебе сказать, что поступаешь ты не слишком честно. Выходит, что нет у тебя чувства товарищества! Вот чего стоят все наши испытания и проверки. Ты своим отказом разрушаешь всю тройку! Неужели ты не понимаешь этого?

Ф е д я *(глядя в пол).* Почему разрушаю? Вместо

меня может полететь Асен Босев из Болгарии… или просто они вдвоем…

Т и т о в *(решительно).* Ну вот что, товарищи! Мы, я вижу, так ни до чего не договоримся. На сегодня считаю разговор исчерпанным!

Все поднимаются.

П а в л о в с к и й. А как же, встречу в горкоме отложить придется?.. Странно все это и непонятно. *(Пожимает плечами.)*

Т и т о в *(Наташе и Вадиму).* Вы, ребята, идите! *(Феде.)* А ты задержись! *(Павловскому.)* С вами мы потом созвонимся! *(Прощается с Павловским, Наташей и Вадимом.)*

Федя остается, остальные уходят.

(Феде.) Ну, давай, как говорится, поговорим без свидетелей. С глазу на глаз. Согласен?

Федя молчит.

Так что же все-таки у тебя стряслось? Ведь не струсил же ты? Уверен, что нет. Ты не трусливого десятка. Может, изменились семейные обстоятельства? Это мы сообща уладим…

Федя молчит.

Поссорился с друзьями? Не поверю… Может быть, ты заболел? *(Кладет Феде на плечо руку.)* Давай, брат, начистоту! Выкладывай!.. В семье космонавтов не может быть никаких недомолвок!

Федя молчит.

Я должен знать причину. Я отвечаю за этот рейс перед правительством. Перед всеми ребятами на свете… Тебе не стыдно молчать?

Ф е д я *(выдавливает из себя).* Стыдно, но сказать еще стыднее.

Т и т о в. А ты не стыдись, я пойму тебя, как отец.

Ф е д я. Я не имею права лететь.

Т и т о в *(подумав).* Не имеешь права? Что же ты натворил?

Ф е д я. Ничего я не натворил. Просто… *(Замолкает.)*

Т и т о в. Ну говори, говори!

Ф е д я *(решившись).* Хорошо. Я скажу. *(Не глядя на Титова.)* Я знал перед испытанием, что это не настоящий полет… что все нам будет только казаться.

Т и т о в *(помолчав).* Кто же и когда раскрыл тебе нашу тайну?

Ф е д я. Не знаю… Перед самым стартом. За несколько минут. Я случайно услыхал, как кто-то сказал за спиной: «Две недели полное ощущение полета в этой бандуре, а потом полное разочарование…»

Т и т о в. В «бандуре», значит? Так и сказал?

Ф е д я *(кивает головой).* В «бандуре»!

Т и т о в. И ты промолчал? Не сказал ребятам?

Ф е д я. Конечно. Какое же это было бы товарищество? Ведь скажи я им, что все это липа, испытание сорвалось бы и у вас, и у них. Пусть уж лучше я один… *(Вспоминает.)* Слышу сигнал тревоги, думаю про себя: «Липа!» За окошком серо-буро-малиновое — тоже липа! Наташа беспокоится за своего Марсика, а я-то все знаю и только злюсь. «Через две недели, — думаю, — расцелуешь свое лохматое сокровище!» Теперь понимаете, почему я не имею права лететь? Для меня ведь испытанием было только молчать в тряпочку и терпеть, а для них и для вас это было испытание настоящее.

Т и т о в *(сочувственно).* Да-а-а… Не ожидал… Нелегко тебе было эти две недели. Сочувствую.

Ф е д я. Вот и пойми, где граница между дружбой и долгом! *(Неожиданно оживляясь.)* А вообще-то здорово, ловко придумано. Если не знать секрета,

то ни в жизнь не догадаешься! *(Лукаво.)* Хотя одна накладочка у вас все-таки была!

Т и т о в. Какая же? Любопытно.

Ф е д я. Ребята ждали, когда по радио о полете объявят, а сообщения-то не было. Можно ведь было бы на пленочку записать и прокрутить для полной убедительности.

Т и т о в. Молодец! Верно подметил. Учтем на будущее. Ну вот что, сынок. Разговор у нас с тобой был доверительный, но все же мне придется объяснить комиссии, почему ты не можешь лететь… Не имеешь права… как ты говоришь…

Гаснет свет.

СЕДЬМАЯ КАРТИНА

По радио звучит торжественный голос диктора: «Этот день — первое сентября 2001 года — впишет еще одну героическую страницу в славную историю юных ленинцев. Мы ведем свой репортаж с центрального космодрома Советского Союза. Космоплан «Пионер-один» готов к старту. Его экипаж уже на борту. Идет последняя предстартовая минута. Сейчас вы услышите завершающий отсчет секунд, и «Пионер-один» устремится к Марсу… (Начинается отсчет се-

кунд.) Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... два... один... Старт!»

Рев мощных двигателей сливается с музыкой известной уже увертюры «Полет в космос».

В момент поднятия занавеса Наташа и Вадим находятся в кабине космоплана «Пионер-1» на пути к Марсу. Третий космонавт, вышедший в космос, проверяет что-то в наружной носовой части корабля. Его плавающая в космосе фигура то появляется, то исчезает за иллюминатором. Цифры и формулы сменяют друг друга на светящихся шкалах аппаратуры. Мигают разноцветные лампочки. Вадим что-то записывает. В кабине, на видном месте, висит фотография Марсика.

Вадим *(рассуждает вслух).* Если скорость нашего корабля относительно Земли при выходе из сферы земного притяжения была равна двум и тридцати восьми сотым километра в секунду и направления скоростей совпали друг с другом, то через двести тридцать семь суток после старта мы должны достигнуть орбиты Марса... Сегодня тридцать первое число... Выходит, что летим мы уже сто двадцать вторые сутки.

Наташа *(прислушиваясь).* Если мы только летим!

В а д и м *(смеется).* Летим! Летим! Теперь уже и по радио передавали.

Н а т а ш а. Могли и передавать. Федя у нас чересчур умный: посоветовал им в следующий раз записать на пленочку.

В а д и м *(вздыхает).* Нет уж! На этот раз летим по-настоящему! Между прочим, ты заметила, совсем другое ощущение?

Н а т а ш а *(серьезно).* Знаешь, я часто мысленно возвращаюсь к тем двум неделям, которые для нас были испытанием, а для него пыткой. Это же надо обладать таким характером, чтобы все знать, а нам даже не намекнуть! Четырнадцать суток вместе с нами смотреть в иллюминатор, дежурить, мечтать и… молчать!

В а д и м. Представляешь, если бы мы все трое знали?.. Ой! У нас бы все валилось из рук. Мы бы просто оскандалились.

Н а т а ш а. Нет, что ни говори, а он показал себя настоящим другом. Жаль, конечно, что ему пришлось все это пережить одному…

Из люка появляется Ф е д я. В руках у него скафандр.

Ф е д я *(возбужденно).* Ребята! Антенна в порядке! Радио скорее включайте! И так уж, наверное,

все пропустили!

Н а т а ш а. Ой! Как это мы заболтались! Вадим, что ж ты, на самом деле?! Скорей включай! Неужели пропустили?

Вадим торопливо включает радио. Из Москвы передают новогоднее послание советскому народу. Звучат заключительные слова послания.

Д и к т о р *(мужской голос).* ...Социалистических Республик шлют свои сердечные поздравления советским людям, находящимся при исполнении служебного долга на других планетах. Советский народ желает счастливого полета школьникам Советского Союза: Наташе Печатниковой, Вадиму Гонтареву и Федору Дружинину — экипажу космоплана «Пионер-один», совершающему рейс Земля — Марс — Земля. С Новым годом, дорогие ребята! С Новым годом, товарищи! С Новым годом, Вселенная!

Начинают бить Кремлевские куранты. Наташа, Вадим и Федя заключают друг друга в объятия.

